

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (49)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 2 (49), 2021

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, к.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (49)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 2 (49), 2021

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Такова А.Н.</i> Средства массовой информации как канал атеистической пропаганды в Кабардино-Балкарской АССР (40–60-е гг. XX в.)	7
<i>Алоев Т.Х.</i> Черкесский язык: модусы рецепции и режимы функционирования в системе этнополитических связей на Северном Кавказе	16

ФИЛОЛОГИЯ

<i>БиццІо Б.Ч.</i> Адыгэбзэ лэжыгъэцІэм и щхьэбагъымрэ и грамматикэ категорэ нэхьыщхьэхэмрэ ядэплъагъу щхьэхуэныгъэхэм ятеухуауэ	28
<i>Аппоев А.К., Кетенчиев М.Б.</i> Лингвистическая интерпретация арабизмов и персизмов в карачаево-балкарском языкознании	42
<i>Дзыгъуанэ Р.Хь.</i> ГъэпсыкІэ зэхэлъ зиІэ лъабжьэпэхэмрэ лъабжьэужь -КІ-мрэ лэжыгъэцІэ кІэухым кыщагъэхъу аблаутхэм ягъэзащІэ кьалэнхэр	51
<i>Жылэтеж Хь.Ч.</i> Хэгъэхуэныр псалъэухам и пкыгъуэ етІуанэхэм ящыщ зыуэ адыгэбзэм зэрыщытыр	58
<i>Токъмакъ М.Хь.</i> Лексико-грамматикэ системэм и мыхьэнэр (адыгэбзэм ехьэлІауэ)	67
<i>Алхасова С.М.</i> Рамки исторического времени литературы черкесского зарубежья	73
<i>Биттирланы Т.Ш.</i> Багъыр улу Къаспотну лирика чыгъармачылыгы	79
<i>Тхагазитов Ю.М., Хавжокова Л.Б., Канукоева М.Б.</i> Структура художественного пространства в поэзии Зубера Тхагазитова	85
<i>Хакуашева М.А.</i> Неореализм как особенность современной русскоязычной черкесской прозы (на примере повести А. Балкарова)	93
<i>Хьэвжокъуэ Л.Б.</i> ГушыІэмрэ ауанымрэ къэбэрдей литературэм зэрыщызэфІэувам, зэрыщызэужьам и ІуэхукІэ	99

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Takova A.N.</i> Mass media as a channel of atheistic propaganda in the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic (40–60s of the XX century)	7
<i>Aloev T.H.</i> Circassian language: methods of reception and methods of functioning (in the system of ethnopolitical ties in the North Caucasus)	16

PHILOLOGY

<i>Bizhiov B.Ch.</i> About the polypersonality of the verb of the kabardino-circassian language and features of manifestation its main grammatical categories	28
<i>Appoev A.K., Ketenchiev M.B.</i> Linguistic interpretation of arabisms and persisms in the karachay-balkarian language	42
<i>Dzaganova R.Kh.</i> The role of ablouted alternations caused in verb endings with complex prevals in combination with suffix <i>-KI</i>	51
<i>Zhiletezhiev Kh.Ch.</i> The complement as one of the minor members of the sentence in the kabardino-circassian language	58
<i>Tokmakova M.H.</i> About the value of the lexico-grammatic system (on the material of the kabardino-cherkess language)	67
<i>Alkhasova S.M.</i> The framework of the historical time of the literature of the circassian abroad	73
<i>Bittirova T.S.</i> Lyric-epic works of Kaspot Kochkarov	79
<i>Tkhagazitov Y.M., Khavzhokova L.B., Kanukoeva M.B.</i> The structure of the art space in the poetry of Zuber Tkhagazitov	85
<i>Hakuasheva M.A.</i> Neorealism as a feature of modern russian-speaking circassian prose (on the example of the story by A. Balkarov)	93
<i>Khavzhokova L.B.</i> To the question of the formation and development of the genre of satire and humor in the kabardin literature	99

УДК 94(471.6).084.8

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-7-15

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК КАНАЛ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АССР* (40–60-е гг. XX в.)

Такова Александра Николаевна, orcid.org/0000-0001-3815-8615, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), sanatakova@yandex.ru

Исследование посвящено анализу особенностей реализации атеистической работы через систему СМИ в Кабардино-Балкарской республике в период с середины 40-х по середину 60-х гг. XX в. Характер и методы атеистической работы связываются с особенностями проводившейся в конкретный момент общегосударственной религиозной политики. Изучаются качественный и количественный состав материалов атеистической направленности, выявляются основные поднимаемые через СМИ вопросы и темы, дается характеристика особенностям структуры и логике изложения материала в них. Уделяется внимание анализу причин низкой результативности атеистической работы, осуществлявшейся в республике в изучаемый период.

Ключевые слова: средства массовой информации, атеистическая пропаганда, антирелигиозная кампания, Кабардино-Балкария, печать, радио, религия.

Одной из ключевых целей советского государства на протяжении всего периода его существования являлось построение свободного от религии общества. Ее реализация осуществлялась посредством различных методов – начиная от репрессивно-запретительных, характерных для довоенного периода и заканчивая активной пропагандой научно-материалистических взглядов вкупе с марксизмом-ленинизмом в качестве противовеса религиозным, типичного для периода религиозной оттепели середины 40-х – середины 50-х гг. XX в. Так или иначе, атеистическая пропаганда являлась постоянным спутником государственной религиозной политики. Одним из наиболее важных каналов ее реализации были средства массовой информации. Цель исследования состоит в анализе приемов и методов атеистической пропаганды посредством различных СМИ на примере Кабардино-Балкарской республики.

Хронологические рамки работы включают период с середины 40-х по середину 60-х гг. XX в. В течении него происходили значительные колебания в государственной религиозной политике от довольно лояльного примиренческого этапа – середины 40-х – середины 50-х гг., до резкого атеистического крена середины 50-х – середины 60-х гг. Данные колебания значительно влияли на характер атеистической пропаганды.

Основными источниками исследования являются материалы периодики и печатные издания середины 40-х – середины 60-х гг., а также архивные материалы,

* С апреля 1944 г. по февраль 1957 – Кабардинская АССР (период депортации балкарского народа).

касаемые деятельности СМИ, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Некоторые аспекты рассматриваемой темы затрагиваются в работах Л.И. Сосковец, М.И. Соколовой, Ю.Д. Джабраилова, А.Л. Никифорова, А.Л. Глушаева [Сосковец 2005, Соколова 2009, Джабраилов 2014, Никифоров 2009, Глушаев 2011] и других авторов.

В рассматриваемый период средства массовой информации республики были представлены: 1) периодической печатью в виде газет на русском и национальных языках титульных народов; 2) научно-популярной печатной продукцией просветительского характера; 3) радиовещанием и, 4) делавшим первые шаги в своем развитии, телевидением.

Атеистическую работу в республике курировал обком КПСС, в рамках которого функционировал отдел пропаганды и агитации. В структуре всех горкомов и при местных отделениях ВЛКСМ имелись свои лекторские группы. Также в республике действовало отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (с 1963 г. – Всесоюзное общество «Знание»), подконтрольное обкому. В его штате, по состоянию на 1952 г. числилось более 700 штатных и внештатных сотрудников [УЦДНИ АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2882. Л. 41]. Правда, пропагандистов, специализировавшихся на атеистической тематике, согласно данным 1954 г. было немного – 18 человек [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 347. Л. 19]. Силами сотрудников, входивших в состав данных организаций, в большей степени и реализовывалась атеистическая пропаганда через систему местных СМИ.

Характер, способы и методы атеистической пропаганды непосредственно зависели от проводившейся в конкретный момент общегосударственной религиозной политики. Сам по себе период с середины 40-х по середину 60-х гг. XX в. достаточно противоречив и неоднороден. Так, инспирированные войной процессы, направленные на консолидацию всех общественных сил для отпора врагу, способствовали нормализации государственно-религиозных отношений. Они привели к либерализации политики в отношении конфессий. По справедливому замечанию Ю. Джабраилова, этот период был связан «...не столько с осознанием необходимости изменения вектора государственно-конфессиональных отношений, сколько желанием сохранить социально-политическую стабильность в стране» [Джабраилов 2014: 195]. Соответственно, в данный период атеистическая пропаганда велась весьма деликатно, в максимально мягкой форме, исключаяющей какой-либо явный антирелигиозный нажим. Цель построения атеистического общества, оставалась неизменной, но, на тот момент не актуальной. Поэтому и атеистическая пропаганда в годы войны и в первые послевоенные годы осуществлялась, главным образом, путем распространения материалистических взглядов и естественно-научных знаний, вкупе с марксизмом-ленинизмом. Как писал по этому поводу в 1948 г. руководитель лекторской группы обкома ВКП(б) республики Б. Цавкилов «...борьба с религией должна вестись не путем угроз, натисков и запретов, а путем воспитания людей в духе научного мировоззрения, путем пропаганды естественнонаучных знаний, сочетающихся с глубокой и всесторонней пропагандой марксизма-ленинизма» [Цавкилов 1948: 11 июля].

Если взять в качестве примера реализации атеистической работы в период с середины 40-х по середину 50-х гг. XX в. наиболее массовую республиканскую газету – «Кабардинскую правду»*, то обращает на себя внимание тот факт, что публикации прямой атеистической направленности на ее страницах появлялись не часто. В обязательном порядке ежегодно выпускались материалы разоблачительно-критического характера, приуроченные к ключевым элементам религиозной

* Кабардинская правда – газета, выпускаемая с 28 апреля 1944 г. по 21 марта 1957 г., до 28 апреля 1944 г. выходила под названием «Социалистическая Кабардино-Балкария», с 21 марта 1957 г. по сей день – Кабардино-Балкарская правда.

культуры населения, имевшим наиболее широкое распространение – месячному посту-Уразе, празднованию Курман-Байрама – в отношении мусульман, Пасхи – в отношении христиан. Данные ежегодные статьи имели практически идентичное содержание и схему изложения материала. Если взять, к примеру, статьи, посвященные Уразе [Сабанчиев 1947: 3 августа; Шоров 1948: 20 июля; Дзагудов 1949: 28 июня], то содержательная их часть была выстроена по типовой схеме: 1) изложение исторических причин возникновения данного обычая; 2) обоснование его использования эксплуататорскими классами для «...угнетения и унижения трудящихся» [Сабанчиев 1947: 3 августа]; 3) упор на вред, наносимый данным обычаем здоровью трудящихся и народному хозяйству: «...не кушая в течении дня, колхозники истощаются, снижают производительность труда, не выполняют норм. Это ведет к срыву полевых работ, к снижению богатства колхоза и, стало быть, к снижению материального благосостояния колхозников» [Дзагудов 1949: 28 июня].

На фоне данного рода статей, выходявших довольно редко, материалов, касаемых естественно-научных вопросов выходило в разы больше. На страницах «Кабардинской правды» они печатались в регулярной рубрике – «Беседы на естественно-научные темы», выходявшей с периодичностью 1 статья в 1–2 месяца. В данной рубрике помещались публикации, пропагандирующие достижения теоретической науки, объясняющие явления природы, дающие ответы на фундаментальные вопросы о мире и человеке. В этих статьях не было прямой критики религиозных взглядов и представлений. Однако поднимаемые вопросы, к примеру – «Было ли начало и будет ли конец мира?» [Воронцов-Вельяминов 1945: 30 мая], «Труд создал человека» [Шмидт 1947: 1 августа], «Есть ли жизнь на других планетах?» [Кирич 1950: 24 сентября] и пр. рассматривались с сугубо материалистических позиций, полностью противоположенных тому, что содержалось в религиозных учениях. В связи с этим очевиден мягкий атеистический посыл данной рубрики.

В республику регулярно поступали, хоть и в ограниченном количестве, выпускаемые общесоюзным Обществом по распространению политических и научных знаний брошюры соответствующей тематики. В большинстве своем они предназначались не для массового распространения, а в помощь лекторам-пропагандистам. Помимо этого, силами местного отделения эпизодически выпускалась подобного рода литература на кабардинском языке. Например, в 1951 г. были изданы брошюры «Происхождение человека», «Происхождение и реакционная сущность ислама» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2797. Л. 33].

Атеистическая работа посредством республиканского радио была поставлена схожим с печатными СМИ образом, но в меньших масштабах. Передачи прямой атеистической направленности, также как и в периодической печати, приурочивались к ключевым элементам религиозной жизни, широко распространенным в республиканском социуме – посту-Уразе, Курману, Пасхе.

Форма подачи материала во всех СМИ была схожа. По замечанию А. Никифорова материал преподносился «...для усвоения, а не для анализа фактов» [Никифоров 2009: 83]. В связи с этим публикации и радиопередачи, в большинстве своем, содержали клишированные стереотипные тезисы, безапелляционные выводы, не предполагающие какой-либо дискуссии.

К середине 50-х XX в. государственная религиозная политика начала существенно меняться, что воплотилось в принятии Постановления от 30 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения». Данное постановление было ожидаемым и закономерным следствием развития всей социальной политики государства после смерти И.В. Сталина, квинтэссенцией которой являлось усиление мер по советизации общества. В рамках их реализации предполагалось вести целенаправленную работу, направленную на

полную ликвидацию или, по крайней мере, максимальное ослабление всего того, что противоречило советскому образу жизни как желательному, но пока не достигнутому в полной мере идеальному типу. Религиозная сфера попадала, в этой связи, в число наиболее вредных «пережитков» прошлого, которым не должно было оставаться места в строящемся коммунистическом обществе. Как отмечает по этому поводу А. Глушаев «...обнаружилось, что многие религиозные практики, вплетенные в традиционные формы быта, регламентирующие, в частности, рабочее время, праздничный календарь, обряды и проведение досуга, были распространены более широко, чем советские традиции быта. Вопрос реформирования общества... тесным образом оказался связанным с проблемой более глубокой «советизации» повседневности. И именно антирелигиозная кампания 1954 г. оформляет эту задачу культурной политики партийного руководства» [Глушаев 2011: 122]. Необходимо отметить, что в республике под критику в 1954 г. попала не только религия. Ожесточенный прессинг шел и в отношении целого спектра социальных явлений, также рассматриваемых официальной пропагандой в качестве вредных «пережитков» или «черт» социального быта, негативно воздействующих на стратегические задачи советского государства в социальной сфере. К ним относились пьянство, некоторые национальные обычаи и традиции (умыкание невест, обычаи избегания и пр.), традиционное закрепление гендерных ролей в семье, слабое выдвижение женщин на руководящие должности и пр.

5 августа 1954 г. было принято постановление бюро обкома КПСС Кабардинской АССР «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», фактически дублировавшее общесоюзный документ. В республике его реализация в целом сводилась к усилению, расширению, активизации, увеличению всего, связанного с атеистической пропагандой. Так, например, во исполнение данного постановления был оперативно увеличено число лекторов-пропагандистов, специализировавшихся на атеистической тематике. Согласно архивным материалам, «...если до решения бюро по антирелигиозной пропаганде выступало 18 лекторов, то сейчас...38 лекторов» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 347. Л. 19]. В рамках республиканских СМИ, контраст с предшествующим периодом был разителен. На страницах газет имело место взрывное появление материалов атеистического, а, зачастую, и прямого антирелигиозного характера. К примеру, на страницах «Кабардинской правды» за период с августа по октябрь 1954 г. (трехмесячный период действия данного постановления) появилось 15 статей атеистической направленности [Кабардинская правда август-октябрь 1954], то есть подобного рода публикации выходили минимум еженедельно. Данные публикации были посвящены широкому спектру вопросов, начиная от научного опровержения религиозных представлений, проблем атеистического воспитания и правильного проведения атеистической работы, заканчивая сатирическими выдержками из кабардинского фольклора, высмеивающими те или иные аспекты бытования религии в социуме [Шортанов 1954: 20 октября].

Действие постановления от 30 июля 1954 г. было недолгим. Уже 10 ноября 1954 г. вышло новое Постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». В нем резко осуждались факты вмешательства во внутренние дела религиозных организаций, оскорбительные выпады против духовенства, которые были «...несовместимы с линией партии в проведении научно-атеистической пропаганды и противоречащие Конституции СССР» [О религии и церкви 1981: 77]. Данное постановление вовсе не отменяло предшествующее, а лишь разьясняло его, корректировало способы и методы его реализации. Однако, по факту, оно способствовало сворачиванию не успевшей еще развернуться в полной мере, атеистической кампании. Это наглядно демонстрирует система республиканских СМИ. Так, например, если за период с августа по октябрь 1954 г. на страницах газеты «Кабардинская правда» вышло, как уже отмечалось

выше, 15 публикаций атеистической направленности, то за последующие четыре года (ноябрь 1954 – октябрь 1958 г.) – лишь 14 [Кабардинская правда / Кабардино-Балкарская правда ноябрь 1954 – ноябрь 1958]. Собственно, в 1955–1958 гг. на атеистическом фронте было затишье, а сам этот период считается достаточно благоприятным в истории государственно-конфессиональных отношений.

Массированное наступление на религию началось в конце 1958 г. с принятия секретного Постановления ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам “О недостатках научно-атеистической пропаганды”» от 4 октября 1958 г. Оно положило начало развертыванию так называемой хрущевской антирелигиозной кампании, являвшейся последним в советский период, столь масштабным наступлением на религию. Новое постановление предполагало тотальную борьбу с религией посредством всего имеющегося на вооружении у государства арсенала средств, направленную на создание атмосферы отвержения, культивирование в социуме чувства инаковости по отношению к служителям культа и верующими, социокультурной дистанции с ними.

В числе главных каналов проведения данной кампании, ожидаемо, выступали СМИ. Для них в данный период была характерна высокая эмоциональность материала, ярко прослеживающееся стремление к возбуждению неприязни к верующим, категоричность суждений и безапелляционность выводов. Так, на страницах газеты «Кабардинская правда» появилось несколько новых тематических рубрик – «Проблемы атеизма», «В помощь пропагандисту», «В помощь атеисту», «В помощь лектору», «Беседы с верующими», «Беседы на антирелигиозные темы», «На научно-атеистические темы», «Религия – наш враг», «Трибуна атеиста», «Религии – бой!» [Кабардино-Балкарская правда 1958–1964], на республиканском радио – цикл передач «Правда о религии» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-860. Оп. 11. Д. 103].

Спектр поднимаемых в СМИ вопросов и тем был широк и разнообразен. Выходило много публикаций, так сказать, традиционного содержания, посвященных критике тех или иных религиозных предписаний и представлений, сводившихся «...к выводу о том, что религиозные обряды и праздники, существующие в СССР – пережиток прошлого, наносят вред народному хозяйству, быту граждан и здоровью человека» [Соколова 2009: 30]. Подобного рода подход, к примеру, нашел отражение в серии монографий отдела пропаганды и агитации обкома республики, вышедших в данный период: «Религиозные пережитки в сознании людей и пути их преодоления» (1959 г.), «Причины живучести религиозных пережитков и пути их преодоления» (1959 г.), «О традициях и обычаях» (1961 г.) [Цавкилов 1959, Цавкилов 1961]. Однако, помимо этого, поднимались и новые темы, освещавшие ранее остававшиеся без внимания аспекты. Так, особо жесткой критике стали подвергаться последователи разного рода протестантских течений. В отношении них часто использовались эмоциональные эпитеты, обладавшие резко отрицательной коннотацией, такие как «фанатики», «мракобесы» и пр. К примеру, в отчете «О положении и деятельности религиозных культов по КБАССР за 1959 г.», пятидесятники и субботники были названы «...сектантами изуверческого и антигосударственного направления» [УЦГА АС КБР Ф. Р. 780. Оп. 1. Д. 122. Л. 20]. В статьях и радиопередачах рисовались ужасные картины фанатизма и крайностей в проявлении у них религиозных чувств. По мнению Л. Сосковец «...цель подобных публикаций была проста: вызвать у читателей отвращение, возмущение к верующим и религиозной вере» [Сосковец 2005: 195].

Нередко акцент делался на сотрудничество представителей духовенства с фашистскими захватчиками в период оккупации территории республики (август 1942 – январь 1943 г.). Так, например, в радиопередаче «За дверью храмов и молитвенных домов» от 12 сентября 1960 г. по этому поводу говорилось: «...отцы духовные призывали население покорно склонить свои спины перед немецкими захватчиками. Всякая власть, проповедовали они, есть от бога!» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-860. Оп. 11. Д. 103. Л. 76].

Отдельное внимание уделялось стяжательству представителей духовенства. Лидерам религиозных общин приписывались огромные доходы, обманом выманные у «отсталых» людей, аферы с домами и квартирами прихожан и прочие противоправные деяния [УЦГА АС КБР. Ф. Р-860. Оп. 1. Д. 103. Л. 75–83]. Появление подобных материалов вполне закономерно. Они были призваны внедрить в социуме понимание и солидарность с проводимыми в данный период государством мерами, направленными на обложение служителей культа подоходным налогом и переводом их деятельности на фиксированные оклады, а также с введением твердых расценок за совершаемые требы.

Не новой, но более распространенной, стала практика высмеивания служителей культа, верующих и тех или иных религиозных предписаний. Она осуществлялась чаще всего в форме юмористических фельетонов, а также сатирических радио и телепередачах [УЦГА АС КБР. Ф. Р-860. Оп. 1. Д. 620. Л. 91]. К примеру, на страницах «Кабардино-Балкарской правды» в 1963 г. были напечатаны сказка «Аллах и Свинья. Почти по Корану» и фельетон «Предприимчивый святоша» [Кабардино-Балкарская правда 1963: 30 марта].

В годы хрущевской антирелигиозной кампании повышенное внимание уделялось преданию гласности случаев отречения от религии служителей культа и верующих. В республике подобных случаев было крайне мало. Согласно архивным материалам «...публично порвали с религией не более десятка священнослужителей, причем большинство из них составляли незарегистрированные служители культа» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1900. Л. 13]. Причем, имевшие место в республике случаи отречений, не были гласными, что не без сожаления отмечается в одном из отчетов: «...факты отказа от сана не были широко публичными (заявления в печати, радио)» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1699. Л. 10]. Трудно сказать насколько данные отречения были искренними. Не исключено, что инспирированы они были не столько сменой ключевых мировоззренческих установок, сколько активно реализуемыми мерами по обложению служителей культа подоходным налогом и перевода их деятельности с дохода от совершения треб на твердые оклады, что, вероятно, воспринималось ими как грубый нажим, создающих ощутимые неудобства. Однако, публикации об отречении от религии в печатных СМИ республики публиковались довольно часто [Ясько 1959: 5 августа; Алеулы 1959: 22 августа; Колм 1959: 16 сентября; Альботов 1960: 10 сентября; Димаров 1962: 6 июля]. Но, ввиду отсутствия обширного местного материала, данного рода публикации зачастую просто перепечатывались из других газет и журналов. Они содержали клишированную схему изложения материала: 1) трудное детство; 2) отсутствие систематичного образования; 3) успех на религиозном поприще; 4) разочарование в религии; 5) отход от религии и вхождение в общество советских тружеников; 6) призыв к отходу от религии читателей. Усиленное тиражирование посредством СМИ случаев отречения от религии призвано было создавать иллюзию массового отхода, чего в реальности не было.

Также в годы хрущевской антирелигиозной кампании появляются и новые формы проведения атеистической работы. Так, например, активно внедрялись кинолектории, представлявшие собой передвижные киноустановки, с помощью которых демонстрировались фильмы на атеистические и научные темы. Чаще всего в Кабардино-Балкарии их демонстрировали в кинотеатрах перед началом сеансов, в сельских клубах и учебных заведениях.

Другим важным направлением государственной атеистической работы стало активное внедрение в быт новых светских безрелигиозных праздников и обычаев, что виделось эффективным противовесом религиозным. Новые обряды – торжественная регистрация брака, имянаречения, праздник урожая и пр. должны были органично сочетаться со старинными обычаями и традициями, быть, как отмечалось в документе «...тесно связанными с лучшими национальными

традициями и обычаями кабардинцев и балкарцев, с элементами жизнерадостного народного искусства... всем, что создано здоровым воображением народа» [УЦГА АС КБР. Ф. 860. Оп. 2. Д. 313. Л. 52]. Данное направление атеистической работы было закреплено в Постановлении Совета Министров РСФСР 18 февраля 1964 г. «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов». Этому направлению были посвящены радиопередачи «За широкое внедрение безрелигиозных обрядов» [УЦГА АС КБР. Ф. 860. Оп. 2. Д. 313. Л. 47–53] и «Новую обрядность – в быт советских людей» [УЦГА АС КБР. Ф. 860. Оп. 2. Д. 305. Л. 36–44]. В них высказывалась мысль о том, что «... чем больше у нас будет безрелигиозных обрядов, тем быстрее мы изгоним из нашей жизни все то, что связано с религией и тормозит дело коммунистического воспитания молодежи» [УЦГА АС КБР. Ф. 860. Оп. 2. Д. 313. Л. 53].

В целом антирелигиозная кампания 1958–1964 гг. была масштабным явлением на социальном пространстве страны, она задействовала не мало интеллектуальных, временных, материальных и физических ресурсов. В связи с этим закономерен вопрос о ее результативности. Ответить на него позволяют материалы аппарата уполномоченного – органа, курировавшего религиозную сферу республики в период с 1943/1944 по 1991 г. Они свидетельствуют об устойчивом присутствии религиозного компонента в повседневной жизни республиканского социума и отсутствии каких-либо явных признаков изменения ситуации в сторону нивелирования его места в общественном быте населения под воздействием массивной атеистической кампании. Главными его маркерами являлось наличие во всех без исключения населенных пунктах, относящихся ко всем имеющимся в республике религиозным течениям и направлениям, реально действующих, но, зачастую официально незарегистрированных, религиозных общин и культовых зданий, а также лиц, исполняющих требы. Как говорится в одном из документов: «... что касается деятельности незарегистрированных служителей религиозного культа то таковые имеются в каждом селении и они занимаются отправлением религиозных обрядов при похоронах и венчании по просьбе верующих» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 10], а в информационно-статистическом отчете уполномоченного Совета по делам религиозных культов за 1965 г. отмечалось, что «... ни один случай похорон, особенно в сельской местности, не обходится без участия муллы» [УЦГА АС КБР. Ф.Р-780. Оп. 1. Д. 122. Л. 30]. Тотальный охват был характерен и в отношении участия населения в основных религиозных праздниках (Курман, Пасха), а также соблюдении ряда ключевых религиозных предписаний (поста-Уразы, запрета на употребление в пищу свинины, крещения детей и т.п.). Так, например, по состоянию на 1960 г. отмечалось, что в республике «... на 100 рождений детей приходится 75–80 крещений в церкви» [УЦГА АС КБР. Ф.Р-780. Оп. 1. Д. 122. Л. 31]. Отмечен был также поступательный рост числа последователей протестантских течений, особенно в г. Нальчик и Прохладный [УЦГА АС КБР. Ф.Р-780. Оп. 1. Д. 122. Л. 15–16].

Архивные материалы позволяют сделать вывод о неразделенности в сознании обывателей религиозного и национального компонентов. Этот аспект исключительно важен. Во многом именно он придавал религии устойчивость и явился, по сути, антидотом всем антирелигиозным мероприятиям государства. Красноречиво подтверждает данное утверждение еще один архивный документ, где отмечалось, в частности, что «... многие обычаи, правила, обряды в иных случаях не несущие в себе элементов религии, в других имеющие религиозную основу стали традицией и повинуюсь этой традиции молодого и старого, партийного и беспартийного хоронят по религиозным обрядам. В религиозный праздник Курман верующие и неверующие режут скот – такова традиция» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 212. Л. 4].

В завершении хотелось бы отметить, что несмотря на активное присутствие антирелигиозной пропаганды в системе СМИ рассматриваемого периода, ее

реальное воздействие на роль и место религии в республиканском социуме было незначительным. Однозначно иллюзорной оказалась идея о том, что достаточно лишь увеличить пропагандистско-разоблачительный натиск на религию, как с ней будет покончено. Религиозные практики в середине 40-х – середине 60-х гг. XX в. демонстрируют исключительную устойчивость и стабильное присутствие в общественном быте населения. В сущности, религиозная повседневность и атеистическая работа сосуществовали, занимая каждая свою, четко определенную нишу, но при этом мало воздействуя друг на друга.

Источники и литература

1. *Сосковец Л.И.* Феномен советского антирелигиозного агитпропа // Вестник Томского государственного университета. 2005. № 288. С. 189–199; *Соколова М.И.* Религиозная ситуация в Сталинградской области в годы «хрущевской оттепели»: по материалам городской и областной периодики // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. 2009. № 1 (15). С. 29–34; *Джабраилов Ю.Д.* Уроки вероисповедной политики советского государства на Северном Кавказе // Неприкосновенный запас. 2014. № 12. С. 193–197; *Никифоров А.Л.* Пути и средства официального идеологического воздействия на сознание советских граждан в первые послевоенные годы (1945–1953) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2009. № 1. Сер. История. С. 79–87; *Глушаев А.Л.* Антирелигиозная кампания 1954 года: мобилизационные практики и повседневность (на примере Молотовской области) // Вестник Пермского университета. 2011. № 2–16. С. 120–129.

2. *УЦДНИ АС КБР* – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

3. *Цавкилов Б.* Религия – вредный пережиток прошлого // Кабардинская правда. 1948. 11 июля.

4. *Сабанчиев Х.* Ураза – вредный пережиток // Кабардинская правда. 1947. 3 августа; *Шоров Ч.* Ураза – вредный пережиток // Кабардинская правда. 1948. 20 июля; *Дзагудов М.* Ураза – вредный пережиток прошлого // Кабардинская правда. 1949. 28 июня и др.

5. *Воронцов-Вельяминов Б.* Было ли начало и будет ли конец мира? // Кабардинская правда. 1945. 30 мая.

6. *Шмидт Г.* Труд создал человека // Кабардинская правда. 1947. 1 августа.

7. *Кирич Ф.* Есть ли жизнь на других планетах? // Кабардинская правда. 1950. 24 сентября.

8. *Шортанов А.* Куцук и сохсты, Не говори дай // Кабардинская правда. 1954. 20 октября.

9. О религии и церкви: сборник высказываний классиков марксизма-ленинизма, документов КПСС и Советского государства. М.: Политиздат. 1981. 176 с.

10. *УЦГА АС КБР* – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.

11. *Цавкилов Б.Х.* Религиозные пережитки в сознании людей и пути их преодоления. Нальчик: КБНИИ, 1959. 28 с.; *Цавкилов Б.Х.* Причины живучести религиозных пережитков и пути их преодоления. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. 62 с.; *Цавкилов Б.Х.* О традициях и обычаях. Нальчик: КБНИИ, 1961. 68 с.

12. *Ясько А.* Я ушла из секты // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 5 августа; *Алеулы А.* Почему я отрезала от ислама // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 22 августа; *Колм А.* Мракобесы без маски. Письмо бывшего проповедника майкопской секты субботников // Кабардино-Балкарская правда. 1959. 16 сентября; *Альботов И.* Я отрекаюсь от ислама // Кабардино-Балкарская правда. 1960. 6 марта; *Клименко А.* Смелее рвите религиозные пути. Рассказ бывшего священника // Кабардино-Балкарская правда. 1960. 10 сентября; *Димаров Д.* Я порываю с миром невежества и дурмана // Кабардино-Балкарская правда. 1962. 6 июля и др.

**MASS MEDIA AS A CHANNEL OF ATHEISTIC PROPAGANDA
IN THE KABARDINO-BALKARIAN AUTONOMOUS SOVIET SOCIALIST REPUBLIC
(40–60s OF THE XX CENTURY)**

Takova Aleksandra Nikolaevna, orcid.org/0000-0001-3815-8615, Candidate of History, Senior Researcher of the Modern History Sector, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), sanatakova@yandex.ru

The study analyzes the features of the implementation of atheistic work through the mass media system in the Kabardino-Balkarian Republic in the period from the mid-40s to the mid-60s. XX century The nature and methods of atheistic work are associated with the peculiarities of the nationwide religious policy carried out at a particular moment. The qualitative and quantitative composition of materials of atheistic orientation is studied, the main issues and topics raised through the media are revealed, and the characteristics of the features of the structure and the logic of the presentation of the material in them are given. Attention is paid to the analysis of the reasons for the low efficiency of atheistic work carried out in the republic during the period under study.

Keywords: mass media, atheist propaganda, anti-religious campaign, Kabardino-Balkaria, press, radio, religion.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-7-15

**ЧЕРКЕСКИЙ ЯЗЫК:
МОДУСЫ РЕЦЕПЦИИ И РЕЖИМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
В СИСТЕМЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ**

Алов Тимур Хазраилович, [orcid.org/ 0000-0002-4853-2589](https://orcid.org/0000-0002-4853-2589), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения» Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), aloborsa@mail.ru

На протяжении всего Нового времени активное функционирование черкесского языка наблюдалось не только среди той части населения феодальных и республиканских политий Черкесии которая идентифицировала себя черкесами (адыгэ). В этот период *адыгэбзэ* оказывается востребованным и носителями локальных идентичностей как на периферии черкесских феодальных агрегаций, так и инфильтрированными в черкесский социум (и обладавшими специфическим правовым статусом) и изначально аллофонными резидентами. Последние, в массе своей, предстают как ассимилированная (по меньшей мере, в языковом плане) группа населения Черкесии. Жители же периферийных районов шхагских княжеств (Бесленей, Большая Кабарда, Талостаней, Джилыхстаней) обнаруживают свой модус рецепции черкесского языка в рамках которого освоение акролекта не приводило к утрате тех или иных локальных идиом. Особый профиль восприятия *адыгэбзэ*, зиждившийся на сложившемся идентитарном единстве с преобладающей этнической группой сложился в юго-западном секторе Черкесии. На этих, и ряде других вопросов сосредоточено внимание статьи.

Ключевые слова: черкесский язык, вертикальный языковой континуум, шхагская диалектальная провинция, рецепция, акролект.

Предложив концепт «малой феодальной империи» [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 10] в отношении Кабарды XVI–XVIII вв. В.Х. Кажаров объективно расширил репертуар исследовательских возможностей для осмысления политических характеристик, присущих ведущему черкесскому княжеству. Разумеется, как и любой другой подход, данная историографическая новелла может вызвать разного рода нарекания. К примеру, критики могут обратить внимание на то обстоятельство, что «термин “империя” применялся для описания государств, которые считались репрессивными во внутренней политике и экспансионистскими в политике внешней» [Суни 2007: 36]. Возможны апелляции и к тому пониманию, что, используя подобное понятие, речь можно вести об «огромных государствах “протяженного территориального доминиона”» [Суни 2007: 38]. Правомерным будет и напоминание о том, что с определенного периода и в рамках определенной культуры империя была сопряжена с претензией «на степень и форму власти, которыми не могли обладать простые короли» [Суни 2007: 38]. Невозможно игнорировать и такой интерпретационный ракурс, согласно которому, подобная категория применима лишь к правлению и территории охватывающей более одного политического сообщества, с абсолютным суверенитетом одного индивидуума» [Суни Р.Г. 2007: 38].

Представляется, что подобные возражения были предвидены мэтром современной черкесологии и он еще два десятилетия назад предусмотрительно оговорил,

что для адекватного восприятия предложенной оптики «необходимо абстрагироваться от обыденных ассоциаций и привычных пространственно-географических параметров» и обращать внимание только на существенные моменты [Боров, Думанов, Кажаров 1999: 10]. Именно на них в большинстве случаев и ориентируются современные обществоведы. «Империя, – считает М. Дойл, – это отношение, формальное и неформальное, в котором государство контролирует действенный политический суверенитет другого политического сообщества» [Суни 2007: 38]. Определение, воспринимающееся исчерпывающим, автор счел необходимым дополнить уточняющим разъяснением; свою идею он представляет как систему взаимодействия между двумя политическими единицами, одна из которых – доминирующая метрополия осуществляет политический контроль над внутренней и внешней политикой, т.е. действенным суверенитетом другой единицы – подчиненной периферии» [Суни 2007: 38]. Другая заметная фигура в исследованиях вопросов, связанных с имперской проблематикой Дж. Армстронг рассматривает империю как «сложносоставное политическое сообщество, инкорпорировавшее малые политические единицы» [Суни 2007: 38]. Однако устремленность к выявлению эталонной модели империи вряд ли сулит успех. Вместо попыток широких обобщений здесь представляется более предпочтительным сосредоточиться на верифицируемых «частностях», обладающих объяснительным потенциалом для каждой конкретной исследовательской программы. В случае настоящей инициативы кажется перспективным обращение более пристального внимания на вопросы внутреннего дизайна многосоставной политики с фокусировкой на ее линиях разломов / «соединительных швов».

Вместе с тем представляется полезным держаться валидной позиции Р.Г. Суни отмечающего, «что понимание империй требует исторической контекстуализации, поскольку их жизнеспособность связана с оперативными дискурсами легитимации и зависит от международного окружения, в котором они находятся» [Суни 2007: 37].

«Имперская» метафора и процедуры ее органичного вписания в структуру актуального исторического нарратива убеждает в том, что В.Х. Кажаров ясно осознал оправданность подобной установки. Как бы то ни было реалии, к которым ученый применил означенную терминологию чрезвычайно сложны и многомерны. Это обстоятельство обуславливает заведомую дискуссионность многих аспектов тематики. С определенностью можно говорить лишь о том, что в независимости от задействованной метафоры, всматриваясь в политическую структуру восточночеркесских княжеств Нового времени, мы видим композитные политики, покоящиеся на принципе неравенства статуса и иерархизированного разнообразия.

Функционирование подобных систем, как правило, имеет лингвистическое измерение. Относящаяся к концу 1840-х гг. констатация того, что «на всем пространстве от Малой Кабарды до Черного моря господствует язык черкесский (адыге)...» [Сталь 2014: 364] наряду с другими объясняется и этим соображением. А точнее политическими возможностями восточночеркесских княжеств от Джиляхстаня и Талостаня на востоке до Бесленя на западе в отношении разноразличного населения горных долин от Аргуна до бассейна Лабы в Новое время. В наибольшей степени доминирование шхагской диалектальной провинции черкесского языка в представленных географических рамках обуславливался мощью и влиянием ведущего восточночеркесского княжества – Большой Кабарды. Поэтому в источниках отражающих языковой аспект шхагской гегемонии, как правило, используется соответствующая номинация. Так, в «описании народов владикавказского округа по обществам» в начале 50-х гг. XIX в. перечисляются наименования следующих локальных коллективов: «алагирцы», «чемитинцы», «куртатинцы», «тагаурцы», «джераци», «кистинцы», «далногалгавцы», «карабулаки», «ингуши». Одной из характеристик этих сообществ автор документа

признает то обстоятельство, что «говорят [они] на природном своем **и многие на кабардинском языках**» (так в тексте. – Т.А.) [Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. 2005: 27, 41]. Как видим, большую часть фигурантов документа, составляют западнокавказские «общества». Это обстоятельство подтверждает зафиксированное в предыдущем столетии наблюдение И.Г. Георги, согласно которому «Черкесский язык употребителен... также у чеченгов» [Георги 2010: 177]. В связи с этим любопытно вспомнить один сюжет, развернувшийся за несколько десятилетий до публикации труда академика. В 1747 г. коалиция князей Хатокшоко, Бекмурза и Кайтуко изгнала из Кабарды княжеский клан Мисост. В стремлении максимально ослабить позиции изгнанников князя-гегемона старались отсечь своих противников от потенциала их вассалов. Для этого *пцыхи-ху* Бекмурза Батоко и Хатокшоко Бамат созвали наряду с другими и «множество старшин чеченских...» [Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 115. Кабард. Д. 1747. Д. 3. Л. 53. Цит по: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–XIX вв. 1994: 109]. Пребывавшие в это время в Кабарде российские агенты, выясняя причины собрания, обратились за разъяснениями к «старшинам». Они объяснили, «что некоторая [их] часть была подвластна [Мисост] Касаю с братьями и призвали де нас для того, чтоб ныне по ссоре [Хатакшоко] Бамата... с реченными их владельцами (т.е. Мисост. – Т.А.) нам подвластными их людьми не называться. И разделили де нас Батоко и Бамат з братьями по себе и чтоб нам тех владельцев самих и жен их в жилища свои не пущать и ничем не снабдевать...и, ежели у кого есть оных владельцев Месоусовых, холопов или какой скот оных им объявить, а тем владельцам не отдавать. И в том берут с нас присягу» [Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 115. Кабард. д. 1747. Д. 3. Л. 53. Цит по: Кажаров В.Х. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–XIX вв. 1994: 109]. Хотя в документе ни разу не упоминается язык, на котором происходило общение между участниками собрания, представляется маловероятным, чтобы при выработке его определяющих формулировок игнорировался язык находившихся на вершине сюзеренно-вассальных связей региона феодалов. В особенности, это касается такого ключевого момента форума, как присяга, к которой в черкесской политической культуре выработалось весьма щепетильное отношение.

Рассуждая о практическом измерении бытования черкесского языка среди жителей конгломерата ираноязычных коллективов, уместно обратиться к коммуникативным навыкам представителя самой восточной их локальной группы – тагаурского алдара Мусы Кундухова. Для этого обратимся к одной из особенностей весьма насыщенной беседы, которую он вел в Тифлисе с депутатами из Кабарды *пши* Мисост Алхасом и *тлекотлешем* Анзор Магометмирзой накануне шамилевского похода 1846 г. В ходе общения черкесские аристократы поведали Кундухову об одном сюжете, развернувшемся в начале российско-черкесского противостояния в 60-х гг. XVIII в. Спустя годы, вспоминая о впечатлившем его рассказе, автор решил не просто воспроизвести канву повествования, но, и, видимо, в целях максимальной убедительности, привести его «ключевые слова» в максимально приближенной к аутентичной семантике и звучанию форме. Так, Екатерина II в тексте фигурирует как «Царь-Женщина» (в черкесском языке отсутствует грамматические роды и ввиду того, что словообразование в нем происходит по принципу полисинтетичности; очевидно здесь мы наблюдаем кальку слов «паштыхь гуащ»). Драгоценности, полученные от нее названы «блестящими камнями» – «мывэ цу» (в примечании автор сам расшифровывает его смысл). Слова, заимствованные из арабского и прочно укоренившиеся в черкесском языке «блеск (нур) Кабарды», «харам», «афорни!» – афэрым, «намус (честь)» которые использованы собеседниками тагаурского алдара безошибочно удостоверяют, что общение происходило на черкесском языке (иначе сложно представить воспроизведение

соответствующих лексем спустя десятилетия после самой встречи) [Муса-Паша Кундухов: интернет ресур]. Другой тагаурец – Кудаберд Шанаев засвидетельствовал, что будучи мальчиком «находился для обучения кабардинскому языку у князя Магомета Докшукина» [Марзоев 2012: 287]. В этом плане закономерно, что Г.Д. Тогошвили не сомневался, что «социальные верхи Осетии владеют черкесским языком» [Тогошвили 1977: 41–42, 56].

В наиболее выраженной форме данное обстоятельство проявилось в среде неупомянутой в вышеприведенном перечне ираноязычной агрегации, а именно дигорской. Вместе с тем, источники говорят, что именно «Дигорцы больше других Осетин окабардинились в своем языке и обычаях ибо издревле составили часть удела Бекмурзина и Кайтукиных в Большой Кабарде» [Алиева 2017: 212]. В другой работе отмечалось, что «знание кабардинского наречия для привилегированных классов Дигории являлось по обычаю... обязательным» [Линден 2006: 342]. Подробности того, как технически реализовывалась такая установка мы можем вычитать из другого источника. Он гласит: «Детей своих они, подобно высшим сословиям, не воспитывали дома, а отдавали аталыкам сначала на родине, а потом в Кабарду; поэтому-то без исключения все мужчины привилегированных дигорских сословий говорят по-кабардински. Знание кабардинского языка для них как бы обязательно, и оно составляет резкую черту, отделяющую в Дигории господ от простолюдинов [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 2003: 106]. «До эпохи национализма язык очень редко выделяли как фактор, на котором основывались престиж и власть определенной группы», – утверждал Ханс Кон» [Кон 2010: 31]. Если он прав (что неочевидно), выше представленная фактография свидетельствует об одном из редких прецедентов, когда языковой фактор определенно обуславливал социальное положение носителей того или иного языка.

Разумеется, в последующем, с окончанием Кавказской войны, компетентность как иронцев, так и дигорцев в черкесском языке резко пошла на убыль. Однако несмотря на отсутствие прежних, жестко детерминировавших освоение навыков *адыгэбзэ* политико-прагматических мотивов, восприимчивость к нему инерционно имело продолжение еще длительное время. Видимо, учитывая это обстоятельство, на излете XIX в. один из основоположников осетинской художественной литературы Сека Гадиев сокрушался «Чем же стали осетины? Часть – татары, часть – грузины. Этот – русский, тот – черкес... (выделено нами. – Т.А.) Что за странная картина! Может, мой народ исчез?» [Гадиев 2008: 141–142].

К западу от конгломерата ираноязычных обществ модус рецепции черкесского языка, в целом, имел те же характеристики. Леонтий Люлье в 1846 г. к народам, говорящим «черкесским наречием» относил «балкарцев», «шигиемцев» и карачаевцев [Люлье 1846: V, VII]. Даже спустя полвека, когда от кабардинского доминирования в регионе не осталось и следа, согласно А.В. Старчевскому мало что изменилось. В отношении востребованности компетентного знания языка бывших политических гегемонов региона этот автор фиксировал следующее: «Карачаевцы, Шигемцы и Байкары говорят кроме татарского, по-кабардински» [Старчевский 1893: 674–675].

Следующий кластер реципиентов черкесского языка составлял абазский массив населения Западного Кавказа. К народам, говорящим на *адыгэбзэ* источник относил «Абхазского происхождения: 1) Басихог или Абазинцы Алтыкесек; 2) Башилбай; 3) Там; 4) Шагирай; 5) Казилбек; 6) Баг и 7) Баракай» [Люлье 1846: V]. Да и Карл Сталь отмечал, что «Абазинцы..., кроме своего языка, говорят все черкесским языком» [Сталь 2014: 364]. В этой связи уместно вспомнить тезис Хатокшоко Бамата, выдвинутый им за столетие до этого; говоря об абазинах он утверждал, что «и разговор у них такой же как у нас» [Кабардино-русские отношения 1957: 164]. «Из абхазских племен большая часть, сверх своего природного

языка, говорит по-кабардински; прочие же бесленеевским наречием» сообщил другой источник [Старчевский 1893: 674–675]. Здесь, разумеется, речь шла об абазском населении Бесленея и Большой Кабарды. Однако отдельные источники позволяют говорить о влиянии черкесского языка и на южном склоне хребта, включая и княжескую Абхазию. Так, во второй половине XIX в. посещавшие с академическими целями регион путешественники отмечали: «Абхазцы же в самом наречии позаимствовали многое у соседей Кабардинцев» [Алиева 2017: 251]. Спустя десятилетия, разбиравшийся в вопросе профессиональный лингвист Симон Джанашиа констатировал: «Абхазский генетически связан с черкесским и в то же самое время находится под большим его влиянием» [Джанашиа 2007: 111]. Видимо не без оснований, поэтому, позднее Г.А. Климов говорил о «наводнении» им наряду с осетинским, балкарским и другими языками абхазского «причем пережитки его приоритета, наряду с кабардинским аристократизмом и комильфотностью, сохранялись здесь еще в XIX в.» [Климов 1959: 19]. В этом плане не будет натяжкой предположить, что консультации цебельдинского князя Маршана с одним из черкесских *пши* в контексте судьбоносных для Абхазии событий 1810–1811 гг. происходили на *адыгэбзэ* [Акты, собранные кавказской археографической комиссией 1870: 877]. Однако, очевидно, что в отличие от населения локальных сообществ, прочно инкорпорированных в политическое тело восточночеркесских княжеств лингвистическое влияние в Абхазии, зиждилось на идеологических и культурных основаниях. В силу отсутствия жесткой политической детерминированности рецепции *адыгэбзэ* обладание навыками черкесского языка у населения Абхазского княжества определено было менее выраженным. Более того, к 40-м гг. XIX в. даже в Садзене, за десятилетие до этого идеологически, культурно, политически и идентитарно артикулировавшем свою ориентацию на Черкесию, черкесским языком владело «весьма незначительное число, преимущественно из князей и дворян» [Люлье 1846: V; Алоев 2016: 21–29].

А вот языковая ситуация к западу от Садзена была радикально иной. Так, Люлье отмечал, что «из живущих же на южном скате тогож хребта; говорят Черкесским наречием отдельный народ Убыхи». В другом месте, обращая внимание на динамику и тенденции сложившейся там языковой ситуации, он писал: «Убыхи говорят особым языком, не имеющим сходства ни с черкесским, ни с абхазским. Со временем язык этот может исчезнуть по всеобщему употреблению языка черкесского» [Люлье 2014: 68]. О предпосылках такой возможности писал и Торнау: «Убыхи, хотя по происхождению своему и не принадлежат к племени черкесскому, но слившись с соседями своими, которых язык предпочитают собственному...» [Торнау 1999: 491]. «Убыхи говорят общечеркесским языком, только букву х произносят более гортанью», – отмечалось у другого автора [Старчевский 1893: 674–675]. «По словам хакучей, – пишет он, – у убыхов было два языка – один общечеркесский, адыге, общераспространенный среди них и более всего употреблявшийся, а другой – свой собственный язык, которым они пользовались тогда, когда желали, чтобы их не поняли другие черкесы, например находясь в плену. Этот последний язык носил у них название абзабы...» [Альбов 1894: 141–142]. Ногма Шора также обращал внимание на этот вопрос: «Язык Атыхейский, или говоря понятнее, язык Кабардинский... или вариантами его, более или менее к нему подходящими, говорят... И большая часть племени Убых» [Ногма 1959: 55]. Карлгоф, в этой связи, подчеркивал: «Происхождение убыхов неизвестно, но по образу жизни, общественному устройству, нравам и обычаям они сходны с Черкесами и все вообще говорят, кроме своего природного, на Черкесском языке» [Карлгоф 2008: 269]. Далее, он продолжал: «...племя убыхов, которая хотя по происхождению и языку вовсе не принадлежат к народу адиге, но по нравам, обычаям, общественному устройству и по всеобщему употреблению у них черкесского

языка наравне с природным их языком могут быть причислены к группе черкесских племен» [Карлгоф 2014: 9]. Особенности языковой ситуации в юго-западном секторе Черкесии проясняет и другое наблюдение. «Мне удалось познакомиться с одним джигетским князем, который уверил меня, что знает по-убыхски в совершенстве, так как всю жизнь провел с убыхами. При этом продиктовал он мне с полсотни слов и несколько фраз, которые мой переводчик абхазец признал совершенно чуждыми абхазскому языку. Но сличив записанное с несколькими находившимися у меня образчиками адыгского языка, я убедился, что все переданное мне принадлежит адыгскому языку с легкими изменениями в произношении», – отмечал П.К. Услар [Услар 1887: 9].

Особое положение среди реципиентов *адыгэбзэ* занимал ногайский массив населения Черкесии. В 1830-х Хан-Гирей говоря о ногайцах отмечал, что «между ними язык черкесский, говоря вообще сделался общим» [Хан-Гирей 2008: 256]. Люлье в 1846 г., рассуждая о носителях черкесского языка, говорил о том, что и «ногайцы, известные под названием Закубанских» относятся к их числу [Люлье 1846: V, VII]. Сталь, спустя несколько лет подтверждал, что «ногайцы закубанские, кроме своего языка говорят все черкесским языком» [Сталь 2014: 364]. По окончании Кавказской войны представители российского правительства констатировали ситуацию при которой «Близость соседства кабардинского народа и непосредственно его преобладание над другими были причиной того, что закубанские ногайцы сходны в образе жизни с кабардинцами, коих нравы и обычаи служат предметом подражания для закубанских ногайцев. Большинство ногайцев говорят по-черкесски, по-абазински, детям своим дают черкесские имена чаще, чем общеногайские. Почти все обряды, костюм, пища, постройка и расположение домов, песни и танцы – все перенято ими у кабардинцев» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 2003: 136.]. Спустя десятилетия другой автор, привнося новую расстановку в акцентах языковой ситуации констатировал, что «Закубанские ногайцы говорят также, кроме собственного, и общечеркесским наречием» [Старчевский 1893: 674–675]. Весьма примечателен черкесский профиль языковой ситуации у ногайцев уже на рубеже XIX–XX вв. Об этом можно судить по одному сюжету, связанному с поездкой знаменитого *джегуако* Агноко Лаша к ногайскому хану. Считая невозможным обратиться с прямой просьбой о материальном вспомоществовании будучи представителем Кабарды, Агноко затянул свой дифирамб, обращенный к ногайскому "феодалу":

«-Нэгъуей хъаныжьу
Ижь лъандэрэ бланафэ бгъэн!
Унагъуэ хахуэу хэкушхуэрыс,
Узэрыс пхафэм уибэгъухьыну
Сынохъуэхъун щхьэкIэ сыкъыпхуэкIуаш.
Хабзэу къысхуэпщIар Къэбэрдей щIыпIэм
Зы Iупэ закъуэкIэ щысIуэтэжынщ...»

«[Эй,] Большой ногайский хан*,
Вековой покровитель [своим подданным].
Славной фамилии [представитель] – обитатель большого Хэку,
Чтобы ты в степи благоденствовал
Выразить благопожелания я посетил тебя.
Чтобы о проявленном тобой [в отношении меня] хабзэ я Кабарду
Оповестил громогласно» (перевод наш. – Т.А.)

[Агънокъуэ Лашэ 2016: 138]

* Словоупотребление слова «хан» в черкесском языковом сознании этого времени, разумеется, было анахронистичным и не предполагало обозначения феодального титула.

Восхищенный панегириком, исполненным в сугубо черкесской традиционной манере, ногаец щедро одарил *джегуако*. Вряд ли есть необходимость в обосновании того, что адекватная оценка изоциренного агноковского слога (изобилующего специфическими лексическими и фразеологическими формами) требовала компетентного знания черкесского языка.

Примечательно, что к исходу первой четверти XX в. ногайцы не только были массово вовлечены в стихию черкесского языка. Консолидационные процессы в Верхней Кубани привели к тому, что ногайское население данного субрегиона стало отождествлять себя с черкесами. На это, в своей работе, указывал исследователь этнолингвистических процессов на Северном Кавказе.

Н.Ф. Яковлев. Рассуждая о современном ему словоупотреблении термина «адыгэ» он подчеркивал, что так «называются здесь все жители плоскости Предкавказской равнины, то есть кабардинцы, абазинцы и ногайцы в отличие и в противоположность жителям нагорной полосы – карачаевцам» [Яковлев 2020: 20]. Развивая свои размышления, автор вскрывал и аксиологический аспект подобного явления, отмечая, что «в настоящее время термин «адыгэ» в том толковании, которое придается ему самими местными жителями, получает свое идеологическое обоснование в их устах как прозвище более культурного, более правоверного в религиозном отношении мусульманского населения, отличающегося знанием законов высшей вежливости (адыгэ хабзэ)» [Яковлев 2020: 22]. Симптоматично, что оценки, хронологически относящиеся к начальному этапу большевистского нацистроительства вполне корреспондируют с представлениями о лингвосоциальных доминантах, определявших культурно-цивилизационный облик региона задолго до этого времени. Но прежде, чем проиллюстрировать фундированность подобного взгляда в отношении вовлеченных в черкесский этнополитический контекст региональных агрегаций, имеет смысл обратить внимание на круг специфических резидентов Черкесии так или иначе вписавшихся в ее лингвокультурный ландшафт.

Речь идет о той категории обитателей страны, которые обладали статусом *хъэццIэ* (буквально: гость) и по своему социальному положению приближавшихся к клиентам суверенных правителей страны. К таковым относились разновременно появлявшиеся в Черкесии «сообщества» «френккардашей», некрасовских казаков, армян, а также совсем выбивавшиеся по происхождению и социальному статусу из любого шаблона – хануко («хъаныкъуэ»). Суммируя сведения источников, можно сказать, что появление последних (впрочем, как и первых) напрямую было связано с возвышением рядом с Черкесией могучего Крымского ханства во второй половине XV в. С определенного момента, преимущественно со второй половины следующего столетия, Бахчисарай стал поставлять в Черкесию своих неугодных отпрысков, временами образовывавших обособленные «патронимические» коллективы. Вместе с тем, несмотря на более чем знатное происхождение, говорить об их политическом влиянии в стране не приходилось. Черкесы, как отмечается в одном из документов, «относились всегда к ним, как к почетным гостям, оказывая им лишь первенствующее перед всеми другими сословиями наружное почтение и величая их хануко; никакой власти и значения в делах народных они не имели и жили теми средствами, какие сами могли добывать. По этой причине они удержали только лишь свое наименование и сохранили свои семейные обычаи; но язык, костюм, образ жизни и вообще все понятия они переняли от горцев» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 2003: 178]. Наблюдения Сталя не менее красноречивы. Рассуждая о практике отдачи ханами «своих сыновей в аталыки (на воспитание) к черкесам» с далекоидущими замыслами, он риторически вопрошал: «И что же вышло?». Предъявляемый ответ был следующий: «Ханские дети (хануко) поселившись между горскими народами, очеркесились, были черкесами уважаемы за происхождение. Но, несмотря на связи с

Крымом, несмотря на родство с черкесскими князьями (ни один из этих хануко не оставил себе малейшего владения, не получил нигде (кроме как личными качествами) влияния на судьбу общества, в котором он жил. Везде местный черкесский князь больше значил, чем хануко» [Сталь 2014: 358–359]. Однако и такое положение справедливо лишь в отношении ситуации на западе Черкесии. В Кабарде же, хануко не образовывали никаких «стационарных колоний». Здесь типичной представлялась ситуация, когда действующего «крымского хана сын к... [князьям] Мусавытовым (Мисост. – Т.А.) детям прислан был для обучения черкесского языка, и он того черкесского языка обучился» [Кабардино-русские отношения 1957: 25]. И, как правило, если политическая ситуация в ханстве для кабардинских воспитанников не предвещала опасности, прошедшие черкесскую инкультурацию ханские отпрыски возвращались на родину.

С высокой долей вероятности можно предположить, что и жители появившейся осенью 1708 г. в Черкесии небольшой колонии донских казаков (сначала в низовьях Лабы, а затем на Таманском полуострове) – некрасовцев, в последующие десятилетия, в той или иной степени восприняли черкесский язык. Но особое место в лингвосоциальном ландшафте Черкесии длительное время занимали армяне. Как сообщают источники, последние выехали в Черкесию «из Крыма не позже конца XVI века и, заручившись покровительством сильных лиц, водворились между ними, вероятно, с торговыми целями и с течением времени, сохранив только религию предков, всецело приняли в своей жизни обычаи, язык (выделено нами. – Т.А.) и все условия горской жизни, ничем не отличаясь от коренных обитателей, кроме некоторых различий в отношении работы» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 2003: 150]. «Торговое сословие в горах, – выясняя специфику данной «прослойки» писал Карлгоф, – состоит из живущих там армян, которые не причисляются к народу, а считаются гостями...» [Карлгоф 2014: 19]. По-видимому, последнее обстоятельство сыграло ключевую роль в относительно легком дистанцировании и направленном дрейфе армян от черкесов в ходе Кавказской войны и последующих сознательных усилиях по оставлению черкесской культурной матрицы. Г.М. Дерлугьян общий вектор данного процесса описывает следующим образом: «Черкезо-гаи «расчеркешивались» даже в двух направлениях одновременно – русифицируясь и восстанавливая армянскую идентификацию (выписывались армянки-невесты, учителя, священники – ведь армянского черкезо-гаи не знали)» [Дерлугьян 2018: 115].

Исторический взгляд на условия функционирования черкесского языка в кавказском регионе на протяжении Нового времени подталкивает к осмыслению «протуберанцев» *адыгэбзэ* вне границ устойчивой макросистемы черкесских политий. Однако задачи настоящей работы не предполагают обстоятельного анализа данных о специфике бытования черкесского языка в географических пунктах от Мегрелии до Астрахани и от Крыма до Каира. Объемная реконструкция данного аспекта проблемы требует отдельной исследовательской инициативы.

Возвращаясь к субстратным основам длительного и устойчивого преобладания черкесского языка в кавказском регионе целесообразно принять во внимание культурно-символические императивы, определявшие цивилизационный контекст его бытования. Недостатка в источниках, отражающих данный аспект исторических реалий нет. Однако во избежание избыточного воспроизведения взглядов, давно составляющих общее место в кавказологии обратимся буквально лишь к нескольким наблюдениям.

Хрестоматийное описание П.С. Потемкина 1784 г. в этом плане не теряет актуальности. Красноречивым представляется мотивировка его познавательной инициативы. «Приложив всевозможное старание познать нравы и состояние всех народов в Кавказских горах и вокруг оных обитающих, не пропустил я ничего, что только могло мне подать об них познание, и, собрав разныя сведения по объявлениям

наилучших людей, нахожу достойным описать кабардинцев, яко главнейших между всеми народами, занимающими все пространство земли, лежащей у подошвы Кавказских гор, между Каспийским и Черным морем» [КРО 1957: 359]. Т.е. автор исходил из возможности «познать нравы и состояние всех народов в Кавказских горах» через изучение «главнейших» из них. Хотя Потемкин и не упустил политического аспекта этого «главенства» все же сумел артикулировать другую, более важную, с точки зрения поставленной им задачи, компоненту заинтересовавшего его предмета. «Кабардинцы между всеми горскими народами, кроме дагестанцев, имеют преимущество, все протчия роды, как-то: кумыки, чеченцы, карабулаки, аксайцы, андисцы, асетинцы, абазинцы, беслинейцы, кигушевцы и протчия не только подражают оным, во нравах, во всех обычаях...» Как можно заметить, фокусировка российского вельможи «на нравах и обычаях» удивительным образом созвучна тайлоровской дефиниции культуры, сформулированной британским ученым много позже.

Спустя столетие имперские агенты не изменили своего взгляда на трендсеттеров культурных процессов в регионе; правда к этому времени формулировки стали более точными. «Кабардинский народ, принадлежащий по языку, обычаям и происхождению к адыгейскому племени, вследствие воинственности своих вождей, силою оружия подчинивших себе множество других туземных племен, обитавших по Тереку, Кубани и в глубине гор Северного Кавказа до подчинения этого края Российской державе, стоял во главе не только своего родного адыгейского племени, но и всех кавказских народов, составляя в среде их **центр присущей им цивилизации**. Нравы, обычай и сам строй общественной жизни кабардинцев с охотой перенимались и усваивались побежденными племенами, на которых и поныне лежит неизгладимая печать бывшего над ними господства кабардинского народа и его предводителей» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 2003: 77]. Авторы данного текста уверенно констатировали «высокое, так сказать, **цивилизующее положение** (выделено нами. – Т.А.) сего последнего в среде более или менее зависящих от него племен...» [Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа 2003: 76]. Примерно в это время черкесский классик Каламбий, оснащенный, в отличие от вышеприведенных авторов, эмической оптикой, отмечал: «Обычай, манеры, даже костюм и конская сбруя адыгов были издавна для остальных горских народов предметом усердного подражания и заимствования. Самые значительные из них по численности и устойчивости племенных своих преданий сильно подчинились рыцарско-аристократическому влиянию адыгов. Высшие сословия их переняли у последних не только образ жизни, но и **предпочитали их язык своему родному** (выделено нами. – Т.А.). Они также усердно желали казаться черкесами, как еще недавно иные русские хотели преобразиться в французов. Само собою разумеется, что и народ старался по возможности не отставать в этом отношении от своих представителей» [Каламбий 1987: 223]. Последний тезис позволяет и подвигает к дополнению суждений Джеймса С. Скота, о том, что «ровно так же, как римляне использовали греческий язык, первый французский королевский двор – латынь, русская аристократия и царский двор – французский, а вьетнамский королевский двор – китайскую систему письменности и конфуцианство» [Джеймс 2017: 170] разноразличное население ансамбля черкесских «лимитрофов» Нового времени деятельно осваивало *адыгэбзэ*.

Осмысляя всю систему факторов, детерминировавших подобное положение Н.Ф. Яковлев ретроспективно обнаруживал: «Кроме насаждения феодализма в горах, а также экономического и политического воздействия, кабардинский феодализм оказывал также крупнейшее культурное влияние на все зависимые народы. Влияние это выразилось, между прочим, в сохранении кабардинского языка как языка международного, главным образом на осетинском, балкарском, карачаевском и

абазинском нагорьях. Кабардинский язык в это время обслуживал все протяжении Северо-Кавказского торгового пути, начиная от устьев Терека и кончая бесленевцами на западе, однако с кабардинским языком при некотором навыке феодал-кабардинец мог доехать и до черкесского Черноморского побережья на крайнем западе и устьев Кубани» [Яковлев 2020: 105]. В действительности же в Черкесии существовало единое пространство общения и у дворян из восточнчеркесских княжеств для передвижения по стране не было необходимости в иных навыках кроме знания шхагского диалекта черкесского языка не говоря о том, что для многих из них (воспитывавшихся в кяхских семьях) западный диалект был первым.

Суммируя сообщения обширного корпуса источников относительно особенностей функционирования *адыгэбзэ/адыгабзэ* среди иноязычного населения черкесских политий Средневековья и Нового времени можно прийти к некоторым заключениям. Языковые процессы в Черкесии и во фронтальной зоне по ее периметру стабильно отличались сложностью и разнородностью и, в основном, определяются понятием диглоссии с характерным для нее несбалансированным двуязычием. Ситуация сосуществования двух языков (в каждом конкретном локальном секторе) применяемых их носителями в различных функциональных сферах также описывается концептом вертикального языкового континуума. Структурно он формируется на базе взаимодействия разноуровневых языковых сущностей, представленных полярными идиомами базилекта и акролекта. Обладавшая мощной политической, экономической, культурной и демографической инфраструктурой черкесский язык в рассматриваемый период находился на уровне акролекта в сложившемся в регионе языковом континууме.

Источники и литература

1. *Агънокъуэ Лаишэ. Усэхэр. Зыгъэхъэзырар КъардэнгъушI Зрамыкуш. Налщыч, 2016. Н. 254.*
2. Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1870. Т. IV. 1019 с.
3. *Алиева А.И.* «Отреченные» страницы истории российского академического кавказоведения конца XIX–XX в.: кавказоведческое наследие А.С. и П.С. Уваровых. М., 2017. 807 с.
4. *Алоев Т.Х.* Эволюция идентичности абазских обществ междуречья Бзыби и Сочи в 30-х гг. XIX в. // Вестник КБИГИ. 2016. № 2 (29). С. 21–30.
5. *Альбов Н.* Ботанико-географ. исслед. в Зап. Закавказье в 1893 г. ЗКОРГО. Тифлис, 1894. Кн. XVI.
6. Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 115. Кабард. Д. 1747. Д. 3. Л. 53.
7. *Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х.* Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.
8. *Гадиев С.К.* Произведения: проза, стихи, пьесы, миниатюры. Владикавказ, 2008.
9. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей // Кавказ: европейские дневники XIII–XVIII веков / сост. В. Аталиков. Нальчик, 2010. Вып. III.
10. *Дерлугьян Г.С.* Горские князья, партвыдвиженцы и помидорщики: двести лет социальной эволюции адыгской элиты // Политическая концептология. № 4. 2018.
11. *Джанашиа С.* Черкесские дневники. Тбилиси, 2007. 265 с.
12. *Джеймс С. Скот.* Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии. М., 2017. 564 с.
13. Кабардино-русские отношения. Документы и материалы в 2-х томах. Т. II. М., 1957. 423 с.
14. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII–XIX вв. Нальчик, 1994.

15. *Каламбий (Адыль-Гирей Кешев)*. Записки черкеса. Нальчик, 1987.
16. *Карлгоф Н.И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих северо-восточный берег Черного моря // Кавказ: Черкесия. Нальчик, 2014.
17. [*Карлгоф Н.*] Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря. По рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального Штаба Полковник Карлгоф // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. М., 2008. 831 с.
18. *Климов Г.А.* Новое в изучении убыхского языка // «Труды» АБИЯЛИ. Т. XXX. Сухуми, 1959.
19. *Кон Х.* Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 27–62.
20. *Линден В.К.* Краткий исторический очерк былого общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказского края // Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII–XX века. Архивные материалы и научные исследования в двух томах. Т. I. Нальчик, 2006.
21. *Люлье Л.Я.* Словарь русско-черкесский, или адигский, с краткой грамматикой сего последнего языка, одобренный С.-Петербургской академией наук / составлен Леонтием Люлье. Одесса, 1846. С. V, VII.
22. *Люлье Л.Я.* Черкесия // Кавказ: Черкесия. Нальчик, 2014. С. 57–96.
23. *Марзоев И.Т.* Тагиата: привилегированное сословие Тагаурского общества Северной Осетии. Владикавказ, 2012.
24. *Муса-Паша Кундухов.* Мемуары. // <http://drevlit.ru/kavkaz>XIX>kunduchov>2>posl>.
25. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов. В 2-х томах. Т. I. М., 2005. 368 с.
26. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Нальчик, 1959. Т. II. 197 с.
27. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793–1897. Нальчик, 2003. Т. I. 343 с.
28. *Сталь К.Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Кавказ: Черкесия. Нальчик, 2014. С. 331–399.
29. [*Старчевский А.В.*] Кавказский переводчик, заключающий в себе 30 языков. Издание второе / сост. А.В. Старчевский. СПб., 1893.
30. *Суни Р.Г.* Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 36–82.
31. *Тогошвили Г.Д.* Вахушти Багратиони. Осэтиса да осэбис шэсахэб. Тбилиси, 1977. С. 41–56.
32. [*Торнау Ф.Ф.*] Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Нальчик, 1999. 507 с.
33. *Урзуати В.С.* Культура осетин: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе. 1990 // [textarchive.ru. / c – 2987144 – pall. html](http://textarchive.ru/c-2987144-pall.html).
34. *Услар П.К.* О языке убухов // Этнография Кавказа. Тифлис, 1887.
35. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. 363 с.
36. *Яковлев Н.Ф.* Культура кабардинцев и черкесов в прошлом и настоящем. // Кабарда: слава Кавказа, вольности щит. XVI–XX вв. Пять веков в пяти книгах. Кн. V. Нальчик, 2020. С. 5–195.

**CIRCASSIAN LANGUAGE:
METHODS OF RECEPTION AND METHODS OF FUNCTIONING
IN THE SYSTEM OF ETHNOPOLITICAL TIES IN THE NORTH CAUCASUS**

Aloev Timur Hazrailovich, orcid.org/0000-0002-4853-2589, Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Medieval and Modern History, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), aloborsa@mail.ru

Throughout the New Age, the active functioning of the Circassian language was observed not only among that part of the population of the feudal and republican polities of Circassia that identified themselves as Circassians (Adyge). During this period, adygebze is in demand and

bearers of local identities both on the periphery of the Circassian feudal aggregations, and infiltrated into the Circassian society (and possessing a specific legal status) and initially allophone residents. The latter, for the most part, appear as an assimilated (at least linguistically) group of the population of Circassia. Inhabitants of the peripheral regions of the Shkhag principalities (Beslenei, Bolshaya Kabarda, Talostany, Dzhilyakhstani) reveal their own mode of reception of the Circassian language, within which the development of the acrolect did not lead to the loss of certain local idioms. A special profile of perception of the Adygebze, based on the established identity of unity with the predominant ethnic group, developed in the southwestern sector of Circassia. The attention of the article is focused on these and a number of other issues.

Keywords: Circassian language, vertical linguistic continuum, Shkhag dialectal province, reception, acrolect.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-16-27

УДК 811.352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-28-41

АДЫГЭБЗЭ ЛЭЖЬЫГЭЭЦІЭМ И ЦХЬЭБАГЬЫМРЭ И ГРАММАТИКЭ КАТЕГОРЭ НЭХЬЫЩХЬЭХЭМРЭ ЯДЭПЛЪАГЬУ ЦХЬЭХУЭНЫГЭХЭМ ЯТЕУХУАУЭ

Биццо Борис Чэмал и кьуэ, orcid.org/0000-0001-8193-7126, филологие шэныгэхэмкІэ доктор, адыгэбзэ секторым и шэныгэхэ лэжыакІуэ пашэ, Гуманитар кэхутэныгэхэмкІэ институт – Федеральнэ кэрал бюджет шэныгэхэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шэныгэхэмкІэ и академием и Кьэбэрдей-Балыкьэр шэныгэхэ центр» Федеральнэ шэныгэхэ центрым» и филиал (Налшык, Урысей), bizhiov1952@mail.ru

Мы статьямы и кьалэнц адыгэбзэ лэжыгэхэцІэм и зэхэлыкІэм и гугьуагьымрэ апхуэдэу зэрыщытым абы и грамматикэ категорэ нэхыщхьэхэм яхилыхэ шхьэхуэныгэхэмрэ нэрылыагьу кьыщыныр. Темэ мыбы кьыщыІэтамкІэ шыІэ хьуа лэжыгэхэ куэдыр ди тегьэщІапІэу дэ нэхэ гулыгытэ худощІ ди нобэм кьэс зи гугьу ямышІа е еплыкІэ зэмышхьэ зиІэ Іуэхугьуэхэм. Псом япэу мыпхуэдэ лэжыгэхэ дыхуей шІэхуар мы зэманым дызэлэжэ академическэ грамматикэщІэм папщІэщ – ар кьыдэкІын хуейщ зэІумыбыгытэ хэмьлыу е, нэгьуэщІ мыхьуми, апхуэдэу япэрейхэм яхэлбахэр Іэмал зэриІэкІэ нэхэ гьэмэщІауэ. Абы нэхьэрэ и мыхьэнэр зыкІи мынэхэ мащІэу нэгьуэщІ зы проблеми шыІэщ – ар бзэщІэныгэхэм ехьэлІа фІэщыгэхэцІэхэр (терминхэр) адыгэбзэцІэ зэгьэпэщынырщ, апхуэдэ шІыкІэкІи адыгэбзэм и шэныгэхэ стилир егьэфІэкІуэнырщ.

Статьяр Іыхэ зыбжанэу зэхэлыци, япэрейр топсэлыыхэ адыгэбзэ лэжыгэхэцІэм и полисинтетизмэм, нэгьуэщІу жыпІэмэ шхьэбагьэм, адэкІэ шхьэхуэ-шхьэхуэу шызэпкьыхаш абы и категорэхэр: льэІэсыгытэ-льэмыІэсыгытэ, ахэр зыр адрейм зэрыхуэкІуэ Іэмалхэмрэ нейтрал лэжыгэхэцІэ гупым я шытыкІэмрэ кьызэщІиубыдэу, хьейгэхэ-мыхьейгэхэр, уха-мыуха гьэпсыкІэхэр, шхьэхуэужыр. Іужьрейм деж кьышыгэхэлыгьуащ зи псалыгэхуэуж парадигмэр ныкьуэ лэжыгэхэцІэ лэужыгэхуэхэр, языныкьуэ гьэпсыкІэхэм кьагэхьу омонимир.

Зэрыгуэзэн псалыгэхэр: адыгэбзэ, лэжыгэхэцІэ, шхьэбагьэ, хьей, мыхьей, уха, мыуха, омонимие.

Адыгэбзэм пасэ зэманхэм кьыщезьа нэщэнэу иІэщ и лэжыгэхэцІэ системэр и зэхэлыкІэкІэ егьэляеуэ гугьуу икІи синтез лыагэ иІэу зэрыщытыр [Кумахов 1989: 122].

ЛэжыгэхэцІэ псалыгэхэпсыкІэр зы морфемэу шытынкІэ хьунуш: адыгэзэдаибзэ *ды-* (*дын*), *хы-* (*кьэхын*), *зы-* (*зын*). Зы морфемэ фІэкІа мыхьу мыпхуэдэ псалыпкьэхэр кьапыувэхэм елыгытауэ иджырейбзэм хэтщ «макьдэкІуашэ + макьзешэ», «макьдэкІуашэ + макьзешэ + макьдэкІуашэ» шытыкІэхэм ярыту: *ды!* (*ды-м* кьытокІ), *со-д*. Апхуэдэхэм деж адыгэзэдаибзэм и хабзэм кьытенар кІахэбзэрщ (адыгейбзэрщ): *сэ-ды* [Кумахов 1989: 122]. Ауэ лэжыгэхэцІэ псалыгэхэпсыкІэм и лыащІэр икьукІэ кууш.

ЛэжыгэхэцІэм и синтезым и кууагыр уегьэлыагьу ди бзэм и мыпхуэдэ шапхьэм:

шэ

е-шэ-жэ

*з-гъэ-шэ-жы-ф**е-з-гъэ-шэ-жы-ф-а-т**д-е-з-гъэ-шэ-жы-ф-а-т**кыи-д-е-з-гъэ-шэ-жы-ф-а-тэ-кыи*

[Кабардино-черкесский язык 2006: 154].

Мы «шимэм» *шэ* лъабжьэ морфемэм и еханэ псалъэгъэпсыкIэр щыгъэгугъуащ лъабжьэгъусэ элементипщIкIэ – лъабжьэпитхурэ лъабжьэужытхукIэ. Ауэ щыIэхэщ зи псалъэ парадигмэхэр морфемэхэмкIэ нэхьыбэжу гъэкIыхьахэр. Иужьрей псалъэгъэпсыкIэм иджыри лъабжьэгъусэ морфемэ зыбжанэкIэ зегъэубгъуфынуш: *у-а-кыи-ды-д-е-з-гъэ-шы-жы-ф-а-тэ-кыи-и*. Зы псалъэм кыизэщIиубыдэ мы парадигмэр мыхьэнэ зиIэ Iыхьэ пщыкIутхуу зэхэтщ (лъабжьэпэу и + лъабжьэ морфемэ + лъабжьэужы хы): *у* – етIуанэ щхьэм и закъуэ бжыгъэм ит объект занщIэ, *а* – ещанэ щхьэм и куэд бжыгъэм ит объект мыблагъэ, *кыи* – лъэныкыуэ лъабжьэпэ, *ды* – зэпыщIэныгъэ лъабжьэпэ, *д* – щыIпIэ лъабжьэпэ, *е* – ещанэ щхьэм и закъуэ бжыгъэм ит объектым и лъабжьэпэ, *з* – япэ щхьэм и закъуэ бжыгъэм ит субьктым и лъабжьэпэ, *гъэ* – хуэгъэуш лъабжьэпэ, *шы* – *шэ-н* лэжыгыгъэцIэм и морфемэ, *-жы* – зыгъээж лъабжьэужь, *-ф* – хузэфIэкIыныгъэ лъабжьэужь, *-а* – блэкIа зэман лъабжьэужь, *-тэ* – зэман лъабжьэужь («абы щыгъуэ» мыхьэнэ иIэщ), *-кыи* – мыхьуныгъэ лъабжьэужь, *-и* – тешэ мыхьэнэ зиIэ лъабжьэужь. ЛэжыгыгъэцIэм и синтез лъагэр кыыхокI щхьэ, бжыгъэ, зэман, тешэ категорэхэм къадэкIуэу мыхьуныгъэри, арэзыгъэри, ушщIэри, хуэгъэушыныгъэри, зэщIыгъуныгъэри, щыIпIэри, лъэныкыуэри, нэгъуэщIхэри морфологие илъэныкыуэкIэ къэгъэлъэгъуа зэрыхьум.

ЛэжыгыгъэцIэм и зэхэлъыкIэр, абы и псалъэщI, псалъэзыхьуэж категорэ нэхьыщхьэхэр, абыхэм яку дэль зэхушытыкIэхэр, зи бжыгъэкIэ куэд хьу псалъэпкыщI элементхэр зэрызэлъытамрэ зэрызэкIумрэ, щхьэ лъабжьэгъусэхэм псалъэпкы лIэужыгыгъуэ зэмышьхьэм я хэувэкIэр, ахэр адреи категорэ гъэпсыкIэхэм, абыхэм лэжыгыгъэцIэр лъэIэс-лъэмыIэсри яхэту, зэрелытар, нэгъуэщIхэри адыгэ псори зы бзэу щыщыта лъэхьэнэм кыищожьэ. Абы ищIыIужкIэ зи мыхьэнэкIэ нэхьыщхьэ элементхэр (щхьэ, хуэгъэуш, мыхьуныгъэ, апхуэдэуи псалъэщI, псалъэзыхьуэж гъэпсыкIэхэр кыиззыгъэпэщ нэгъуэщI формантхэри) кьухьэпIэ кавказыбзэхэр (абхъаз-адыгэ бзэ гупыр) зыуэ щыщыта зэманым хуокIуэж.

Кыыхьэгъэщыпхьэщ адыгэ лэжыгыгъэцIэр адреи кьухьэпIэ-кавказыбзэхэм я лэжыгыгъэцIэм Iыхьы хуэзыщI я зэхуэдэ нэщэнэхэр а лъэхьэнэ дьдэм кыищожьэ зэхэлъыкIэ-типологии зэщхьыныгъэхэм къагуэхьыпIэ ямыIэу зэрапыщIар. Зэрытлъагъуныщи, кьухьэпIэ-кавказыбзэхэр зыбзэу щыщыта зэман жьыжьэм хуэкIуэж зэхэлъыкIэ иерархия щхьэхуэныгъэхэр иджырей бзэ гупым щыщ дэтхэнэми хьарзынэу кыищызэтенащ – ар и щыхьэтщ лэжыгыгъэцIэм и генетикэ, типологии нэщэнэхэр быдэу зэрызэпыщIам. Абы илъэныкыуэкIэ лэжыгыгъэцIэр адреи псалъэ классхэм къащхьэщокI, иджырей абхъаз-адыгэбзэхэр зэкъуэзыгъуэувэ зэхэлъыкIэ-типологии икIи генетикэ (зэIыхьыгъэ) нэщэнэ зыкьом пасэрейбзэм ейуэ зэрихьумамкIэ. КьухьэпIэ-кавказ щытыкIэм и зэхэлъыкIэ-типологии нэщэнэу лэжыгыгъэцIэм хэтхэм я куэдагъукIэ абы кыпэхьун адреи псалъэ лъэпкыгыгъуэхэм яхэткыи. Ар псом япэу зэхьэлIар псалъэщI икIи псалъэзыхьуэж морфхэр, абыхэм субьект-объект къэзыгъэлъагъуэхэри яхэту, зэрытегуэшарщ.

КьухьэпIэ-кавказ бзэ гупым и гупкыуэжитIыр (адыгэхэмрэ абазэ-абхъазхэмрэ) апхуэдизкIэ зэщхьэщыкIащи, иджыри кьэс абыхэм я макъхэр зэрызэхуэкIуэр икIэм нэсу яхуэхуакыи, ауэ апхуэдэу щыт пэтми зэхэлъыкIэ лIэужыгыгъуэ нэхьыщхьэхэр а бзэхэм щызэтохуэ. ЛэжыгыгъэцIэхэр зэрызэхэт морфемэхэм я зэкIэлъыкIуэкIэр абхъаз-адыгэбзэхэм апхуэдизкIэ щызэщхьыщи, адыгэбзэ псалъэпкыи хэт мыхьэнэ зиIэ элементхэр зэрызэкIэлъыкыи ушыгъуазэмэ, абхъаз-абазэбзэхэм я лэжыгыгъэцIэ морфемэ куэду зэхэтым и моделыр пхуэхуэнуш. Къапщтэмэ, лъабжьэ морфемэу (**ЛЪ**), хуэгъэуш (**ХУ**), щыIпIэ (**ЩИ**), зэщIыгъуныгъэ (**З**) морфемэхэу

зэхэт псалъэпкь л'эужыгъуэм бзэ гуп псом мыпхуэдэ зэк'лэлык'лук'лэ мыхьэнэ зи'э Үыхьэхэм ша'лэнуш: 3-ШЦ-ХУ-ЛГ [Кумахов 1989: 124].

Субъект-объект, дериваци л'абжьэпэ ик'и л'абжьэ морфемэхэм я зэк'лэлык'лук'лэ модель нэхьыщхьэхэр апхуэдэу зэтехуэу, дауик', бзэ к'эс щхьэхуэ-щхьэхуэу шызэтеуак'ыым, ар бзэ гупыр зыуэ шызэк'уэта л'эхьэнэм к'эхьуаш.

1. Л'э'эс, л'эмы'эс л'эжыгъэц'эхэр

Л'эжыгъэц'эм и псалъэц'и ик'и псалъэзыхьуэж г'эпсык'лэхэм я системэ куэдэ зэхэл'ым увып'лэ курыхыр щепубыд л'эжыгъэц'эхэр л'э'эс-л'эмы'эсу зэрыгуэшам. Гуэхур зытетыраши, л'э'эс нэц'энэр яхэл'ыц л'эжыгъэц'лэ псалъэ псоми, абыхэм я г'эпсык'лэхэми.

Л'э'эс-л'эмы'эс категорэ (инвариант) мыхьэнэр синтагматикэм хуэпхь хьунуш, ц'эм и псалъэзешэ г'эпсык'лэ пыухык'лам ит субьектрэ объектрэ шы'лэнымрэ ахэр л'эжыгъэц'эм зэрыхуэвэмрэ зэрел'ытам к'ыхэк'ыу [Джаурджий 1995: 178]. Л'эжыгъэц'лэ л'э'эсым к'егъэуэв зыхьуэж псалъэзешэм ит субьектрэ ц'и'уэ псалъэзешэм ит объектрэ и'эн хуейуэ: *Дыгъэм ш'ыр егъэхуабэ*. Мыбдеж *дыгъэ*-м субьектыр зыхьуэж псалъэзешэ г'эпсык'лэщ, *ш'ыр* объектыр – ц'и'уэ псалъэзешэ г'эпсык'лэм итщ. Л'эжыгъэц'лэ л'эмы'эсым и субьектыр ц'и'уэ псалъэзешэщ, объектыр – зыхьуэжщ: *Ш'алэр тхыл'ым йоджэ*. *Ш'алэ*-р субьектщ, ц'и'уэ псалъэзешэм итщ, *тхыл'ым* – объектщ, зыхьуэж псалъэзешэ г'эпсык'лэщ. Л'эмы'эсхэр (нэхьыбэрэ), л'э'эсхэр (нэхь мащ'лэрэ) объектыншэу шытынк'лэ хьунуш: *Ш'алэр йоджэр*; *Ш'алэм к'ек'лхь*.

Л'эжыгъэц'лэ л'э'эс зыхэт конструкциэм (зэхэл'ык'лэм) эргативк'лэ йоджэ, л'эмы'эс зыхэт'ым – номинативк'лэ.

Конструкци к'эхьахэм ц'эм (субьектымрэ объектымрэ) и псалъэзешэ г'эпсык'лэр л'эжыгъэц'эм елыгтащ, ауэ езы ц'лэ г'эпсык'лэри холэжыыхь л'эжыгъэц'лэр (псом хуэмыдэу объектыншэр) л'э'эсу е л'эмы'эсу шытыным, ар и щыхьэтщ ц'эмрэ л'эжыгъэц'лэмрэ аналитикэ зэхушытык'лэ зэрызэхуал'эм.

Нэхь мащ'лэу л'э'эсыгъэ-л'эмы'эсыгъэм еубзыху субьектымрэ объектымрэ я л'абжьэгъусэхэр л'эжыгъэц'лэ псалъэг'эпсык'лэм зэрышызэк'лэлык'лук'лэр. К'апщтэмэ, л'эжыгъэц'лэ л'э'эсхэм субьектым и л'абжьэгъусэр объектым ейм япэ шоувэ: *уы-з-о'л'агъу* (*уы-* – ет'уанэ щхьэм и зак'уэ бжыгъэм ит объектыр к'егъэл'агъуэ, *з-* – япэ щхьэм и зак'уэ бжыгъэм ит субьектым и л'абжьэгъусэщ). Л'эжыгъэц'лэ л'э'эсхэр шыгтык'лэ хьунуш щхьит', щхьищ, щхьи'пл'лэ зи'лэхуэ. Щхьэ аффиксхэр (л'абжьэгъусэхэр) мыпхуэдэу зэк'лэлык'лук'лэу: щхьит'лэ зи'лэхэр ищхьэмк'лэ к'ышыгъэл'эгъуаш, щхьищ зи'лэхэм деж япэ увып'лэм итщ объект занщ'лэм и л'абжьэпэр, ет'уанэу – объект мыблагъэм и л'абжьэпэр, ешанэ увып'лэм – субьектыр: *сы-к'ы п-ху-ишащ*. Щхьит'лэ зи'лэ л'эжыгъэц'лэ л'э'эсым зыгъээж г'эпсык'лэ игъуэтмэ, зы щхьэ зи'лэ мэхьу, ауэ л'э'эсу к'онэ; епл': *абы ар итхьэц'лащ* – *абы зитхьэц'лащ*; *абы ар игъэпск'лащ* – *абы зигъэпск'лащ*.

Л'эжыгъэц'лэ л'эмы'эсхэр щхьэзак'уэуи, щхьэбэуи шы'лэхэщ: *Ш'ыр мажэ* (щхьэзак'уэуэщ); *Ш'алэр хьыджэбзым йожьэ* (щхьит'лэ зи'лэщ), н.к'.

Л'эжыгъэц'лэ л'эмы'эсхэм нэгъуэц'лэ зы синтаксис конструкци к'агъэц'лэ – ар инверсие ухуэц'лэщ. Мыбы ипэжып'лэк'лэ субьектыр объект мыблагъуэ, ипэжып'лэк'лэ объектыр грамматикэ субьекту хэтхэщ: *Сымаджэм мы'лэрысэр хуошх*; *Студентым тхыл'ыр и'лэщ*. Псалъэуха к'эхьахэм ипэжып'лэк'лэ субьектым (*сымаджэм*, *студентым*) объект мыблагъэм и к'алэн щегъэзащ'лэ, ипэжып'лэк'лэ объектыр (*тхыл'ыр*, *мы'лэрысэр*) шыграмматикэ субьектщ. Инверсиер аращ зищ'ысыр [Грамматика 1970: 117].

Л'эжыгъэц'лэм и субьект-объект г'эпсык'лэхэр синкретизмэм и нэц'энэщ, ауэ, абыхэм синтаксис конструкциэхэм яхэт ц'лэхэр к'ызэрагъэл'агъуэм к'ыхэк'ыу, ик'и апхуэдэу аналитикэ нэц'энэри яхэл'ыц.

1.1. ЛэжыгыгъэцIэ лъэмыIэсхэр лъэIэс, лъэIэсхэр лъэмыIэс хъуныр

ЛэжыгыгъэцIэ лъэIэсхэр шытынкIэ хъуныр япэрехъу (кызырыкIуэху) икIи етIуанэрехъу (кытекIаху). Япэрехъу хохъэ *хъын*, *дзын*, нэгъуэщIхэри, етIуанэрехъу – *кIуэн* → *кIуын*, *гъэкIуэн*; *тхэн* → *тхын*, *гъэтхэн*, н.кб.

ЕтIуанэрехъу лэжыгыгъэцIэ лъэIэсхэр Iэмал зэхуэмдэхэмкIэ къохъу:

1. Хуэгъэуш лъабжьэпэ *гъэ-м* лэжыгыгъэцIэ лъэмыIэсхэр (хъейхэри мыхъейхэри) лъэIэсым хуегъакIуэ: *псалъэн* – *гъэпсалъэн*; *цытын* – *цыгъэтын*, н.кб. [Урыс 2001: 152; Джаурджий 1995: 180].

2. ЛъэмыIэсхэр лъэмыIэс жыджэру ещI къэ- превербым: *лыхъуэн* – *ар мэлыхъуэ*, *ауэ къэлыхъуэн* – *абы сыкъэлыхъуэ*.

3. ЛъэмыIэсхэр лъэIэсым къэ- превербым шыхуигъакIуэм деж лэжыгыгъэцIэхэм *э:ы* макъзэшэ зэблэху кыщоху, зэгъапщэ: *гупсысэн* – *мэгупсысэ*, *ауэ къэгупсысын* – *къегупсыс*; *лъэжъэн* – *мэлажъэ*, *къэлэжъын* – *къэлэжъыр*, *дыгъуэн* – *мэдыгъуэ*, *къэдыгъу(ы)н* – *къэдыгъу(ы)р*.

4. Къэ- превербымрэ *-хы* лъабжьэужымырэ *э:ы* макъзэблэхур къахэту лъэмыIэсхэр лъэIэс ящIыфыр: *жэн* – *мажэ*, *къэжыхын* – *къэжыхь*; *джэдэн* – *мэджэдэ*, *къэджэдыхын* – *къэджэдыхь*.

5. Къэ- преверб + *хы* лъабжьэужы: *пицын* – *мэпиц* – *къопиц*, *ауэ къэпицыхын*; *плъэн* – *къоплъэ*, *ауэ къеплъыхь*, н.

6. *-Хы* преверб зыпыгувэ, *э:ы* макъзэблэхуи кыщыху лэжыгыгъэцIэ закъуэтIакъуэ: *къэфэн* – *къэфыхын*.

7. ЛэжыгыгъэцIэ лъэмыIэсхэм лъэIэс къатокI *-ы* лъабжьэгъусэкIэ: *кIуэн* – *кIуын*, *тхэн* – *тхын*, *дэн* – *дын*, *къэпсалъэн* – *къэпсалъын*.

ЛэжыгыгъэцIэ лъэIэсхэр гъэпсыкIэ пыухыкIахэм лъэмыIэс щоху:

1) *хуэ-* лъабжьэпэкIэ къэху хуэфIэкIыныгъэ гъэпсыкIэм: *ихын* – *хуоих*, *сымаджэм мыIэрысэр еих* (лъэIэсщ) – *сымаджэм мыIэрысэр хуоих*;

2) *IэцIэ-* превербкIэ къэху IэщIэщIэныгъэ гъэпсыкIэм: *ЩакIуэм дыгъужьыр къуикIащ* (лъэIэсщ) – *ЩакIуэм дыгъужьыр IэцIэукIащ* (лъэмыIэсщ);

3) *зэры-* лъабжьэпэ зыхэт язэхуэдыныгъэ гъэпсыкIэм: *Абы ар ешэ* (лъэIэсщ) – *Ахэр зэрошэ* (лъэмыIэсщ).

4) *фIэ-* лъабжьэпэ зыхэт зыхуэгъза объект гъэпсыкIэм: *Абы ар ещIэ* (лъэIэсщ) – *Абы ар къыфIоцI* (лъэмыIэсщ) [Грамматика 1970: 118].

1.2. Нейтрал (диффузнэ) лэжыгыгъэцIэхэр

Бзэм хэтщ лъэIэсуи, лъэмыIэсуи шытыф лэжыгыгъэцIэ псалъэпкъ кызырыкIуэху бжыгъэ пыухыкIа. Апхуэдэ лэжыгыгъэцIэхэм я конструктор лабильнэщ (стабильнэкъым), нэгъуэщIу жыпIэмэ зым теубыдауэ шыткъым. Апхуэдэхэщ *вэн*: *мавэ* (лъэмыIэс), *евэ* (лъэIэс); *Iуэн*: *маIуэ* (лъэмыIэс), *еIуэ* (лъэIэс); *дэн*: *мадэ* (лъэмыIэс), *ед* (лъэIэс); *пицIэн*: *мапицIэ* (лъэмыIэс), *епицIэ* (лъэIэс) [Кабардино-черкесский язык 2006: 158].

Кызырыхъуа, я зэхэлыкIэ елытауэ нейтрал лэжыгыгъэцIэхэр зэхагъэшхъэхуи япэрехэрэ етIуанэрехъу. ИщхэкIэ кыщыхахэр япэрехэщ. ЕтIуанэрехэм хыхъэ лэжыгыгъэцIэхэр кытекIахэрщ. Мыхэр езыхэри я къэхуыкIэкIэ, зэхэлыкIэкIэ зэмыфэгъухэщ. Я бжыгъэкIэ нэхъ куэд мэху цIэ псалъэпкъэхэм *у-* лъабжьэпэкIэ къатехуыкIа лэжыгыгъэцIэхэр. Апхуэдэхэщ, псалъэм папщIэ: *дзэгуэ* цIэм кытокI *мэудзэгу* (лъэмыIэс), *еудзэгу* (лъэIэс); *бэлэц*: *мэубэлэц* (лъэмыIэс), *еубэлэц* (лъэIэс); *къабзэ*: *мэукъэбз* (лъэмыIэс), *еукъэбз* (лъэIэс); *цыкъуей*: *мэуцыкъуей* (лъэмыIэс), *еуцыкъуей* (лъэIэс); *къуанишэ*: *мэукъуэнишэ* (лъэмыIэс), *еукъуэнишэ* (лъэIэс); *папицIэ*: *мэупэпицI* (лъэмыIэс), *еупэпицI* (лъэIэс).

Я мыхъэнэкIэ нейтралщ лъабжьэпэ лэжыгыгъэцIэ псалъэпкъ язэхуэдэныгъэ гъэпсыкIэм итхэр: *зэгуэудын* – *зэгуоуд* (лъэмыIэс), *зэгуеуд* (лъэIэс); *зэфIэщIыкIын* – *зэфIоцIыкI* (лъэмыIэс), *зэфIецIыкI* (лъэIэс); *зэкIуэцIытхын* – *зэкIуэцIотхь* (лъэмыIэс), *зэкIуэцIетхь* (лъэIэс); *зэнычын* – *зэпоч* (лъэмыIэс), *зэпеч* (лъэIэс).

Нейтралу кьонэж этимологии ильэныкьуэкIэ кьытекIауэ щыт мыпхуэдэ лэжыгьэцIэхэр: *лыцIын* – *мэлыцI* (лэмыIэс), *елыцI* (лэIэс); *лыгьуэн*: *мэлыгьуэ* (лэмыIэс), *елыгьуэ* (лэIэс); *хуэлэн* – *мэхуалэ* (лэмыIэс), *ехуалэ* (лэIэс).

КьытекIа псалъэпкьхэр (зэхэлхэри, цIэм кьытекIахэри) нейтралу зэрыщытыр щыхьэт тохьуэ лэIэс-лэмыIэскIэ псалъэпкьхэр зэпэщымытыныр абхьаз-адыгэ бзэ гупыр зы бзэу щыщыта лээхьэнэм кьызэрыщежьам имызакьуэу нэхь иужькIи бзэхэм дэтхэнэми щхьэхуэ-щхьэхуэу ехьэжьауэ щекIуэкI кьэхьугьэу зэрыщытым.

Адыгэбзэм щыдолъагьуэ нейтрал лэжыгьэцIэхэр стабилизация гьуэгуэм зэрытетыр. А Iуэхугьуэр нэхь щыщIэгьэхуэбжьащ кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм (адыгейбзэм еплъытмэ). Мыбы зыщыиубгьуащ нейтрал псалъэпкьхэр аблаут макьзэблэхьукIэ стабилизация хьуным. Псалъэм папщIэ: *хын* – *махэ* (лэмыIэс), *ех* (лэIэс); *гун* – *магуэ* (лэмыIэс), *йэгу* (лэIэс). Мыхэр стабилнэ зыщIыр лэIэс, лэмыIэс псалъэпкьхэм макьзэблэхьур зэмыщхьу зэрыщекIуэкIырщ, адыгейбзэм мыхэр зэрызэщхьэщыкIыфыр я парадигмэ кьудеймкIэщ [Кумахов 1971: 208].

МымащIэу урохьэлэ адыгей нейтрал псалъэпкьхэм е лэIэс, е лэмыIэс псалъэпкь кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм шапэхьуу. Еплъ адыгейбзэм: *мабгьэ* (лэмыIэс), *ебгьэ* (лэIэс), кьэбэрдей-шэрджэсыбзэм *ебгьэ* лэIэсырщ хэтыр. «КьызэгэдзэкIа» шапхьуэ кьэпхь хьунуц *мэпIыцIэ* лэжыгьэцIэм адыгейбзэм кьыщыпэхьу псалъэпкь лэмыIэсым кьыдэкIуэу *йэпIыцIэ* лэIэсри зэрыхэтыр. Апхуэдэ мыхьэнэ ди бзэм кьыщохьу хуэгьэуш гьэпсыкIэ IэмалкIэ: *егьэпIыцIэ*.

2. ЛэжыгьэцIэ хьейхэмрэ мыхьейхэмрэ

ЛэжыгьэцIэ хьейхэм кьагьэлягьуэ Iуэхугьуэ екIуэкI, псалъэм папщIэ: *сэ сотхэ(p)*; *сэ сотхы(p)*; *сэ ар сошэ(p)*; *сэ абы сожьэ(p)*.

ЛэжыгьэцIэ мыхьейхэм кьагьэлягьуэр щытыкIэрщ, Iуэхугьуэм кьрикIуарщ: *сэ сыщытыцI*, *сэ ар сиIэцI*.

ЛэжыгьэцIэ мыхьейхэщ цIэхэмрэ цIэпапщIэхэмрэ я предикат гьэпсыкIэхэри: *ар студентцI*; *ар дахэцI*; *студентыр арцI*.

Морфологии ильэныкьуэкIэ лэжыгьэцIэ хьейхэмрэ мыхьейхэмрэ щызэщхьэщокI ит зэманым. Ит зэман гьэпсыкIэм лэжыгьэцIэ хьейхэм яIэщ *о-(уэ-)* льябжьэпэр: *сэ с-о-кIуэ*; *сэ ар с-о-бз*.

ЛэмыIэс щхьэбэ лэжыгьэцIэ хьейхэмрэ преверб зыхэт щхьэзакьуэ лэжыгьэцIэхэмрэ а льябжьэпэр яхэтщ щхьыщми я гьэпсыкIэхэм деж:

Закьуэ бжыгьэ	Куэд бжыгьэ
<i>сэ с-о-жьэ(p)</i>	<i>дэ д-о-жьэ(p)</i>
<i>уэ у-о-жьэ(p)</i>	<i>фэ ф-о-жьэ(p)</i>
<i>ар й-о-жьэ(p)</i>	<i>ахэр й-о-жьэ(хэ)(p)</i>
<i>сэ сыкь-о-кIуэ(p)</i>	<i>дэ дыкь-о-кIуэ(p)</i>
<i>уэ укь-о-кIуэ(p)</i>	<i>фэ фыкь-о-кIуэ(p)</i>
<i>ар кь-о-кIуэ(p)</i>	<i>ахэр кь-о-кIуэ(хэ)(p)</i>

ЛэжыгьэцIэ лэIэс псоми, преверб зыхэмыт щхьэзакьуэ лэжыгьэцIэхэми ещанэ щхьэ гьэпсыкIэм *о* (уэ) хьейныгьэ кьэзыгьэлягьуэм зэхьуэкIыныгьэхэр щегьуэт:

Закьуэ бжыгьэ	Куэд бжыгьэ
<i>с-о-дыр</i>	<i>д-о-дыр</i>
<i>у-о-дыр</i>	<i>ф-о-дыр</i>
<i>й-э-дыр</i>	<i>й-а-дыр</i>
<i>с-о-дэр</i>	<i>д-о-дэр</i>
<i>у-о-дэр</i>	<i>ф-о-дэр</i>
<i>ма-дэр</i>	<i>ма-дэхэр</i>

Мыбы нэмыщI лэжыгьэцIэ хьейхэм ядэпIагьуэ нэщэнэу щытщ *-р* факультатив льябжьэужь зэрIэр, абы кьешэ бзэм мыпхуэдэ вариантхэр хэтыныр: *сэ сокIуэ // сэ сокIуэр*; *сэ ар сотх // сэ ар сотхыр*; *сэ абы ар изот // сэ абы ар изотыр*.

ЛэжыгыгъэцIэ мыхъейхэм я хьэлщ абыхэм о (уэ) лъабжьэпэ зэрахэмытыр, ауэ копулэ-лъабжьэужь -иц къазэрыпыувэр: сэ сыщыт-иц, сэ систудент-иц; сэ ар силэ-иц. Копулэ-лъабжьэужь -иц-м къыздикIа илэныкыуэкIэ уеплэмэ, ар къышожьэ я-щы-иц-иц лэжыгыгъэцIэ мыхъейм и лъабжьэм. БлэкIа-зэфIэкIа, къэкIуэну зэман гъэпсыкIэхэм деж лэжыгыгъэцIэ хъейхэр мыхъейхэм къашхьэщыкIыркыым. А зэман гъэпсыкIэхэр къатохыкIуэ ИуэхуцIэхэм, абыхэм копулэ-лъабжьэужь -т япыувэкIэрэ. Псалъэм папщIэ, *кIуащ* блэкIа-зэфIэкIа зэман гъэпсыкIэр *кIуа* блэкIа зэман гъэпсыкIэ зиIэ ИуэхуцIэмрэ -иц копулэ-лъабжьэужьымырэ къагъэхьу. БлэкIа-жыжьэ зэман гъэпсыкIэ *кIуат* жыхуиIэри а ИуэхуцIэ гъэпсыкIэ дыдэм къытопщIыкI, -т блэкIа зэман лъабжьэпэрэ поувэри.

Ауэ щыхьукIэ, -иц лъабжьэужь зыпыт лэжыгыгъэцIэ хъейхэм я блэкIа-зэфIэкIа, къэкIуэну зэман гъэпсыкIэхэр я къэхьукIэкIэ лэжыгыгъэцIэ мыхъейхэщ.

Япэрэй лэжыгыгъэцIэ мыхъейхэр я бжыгъэкIэ куэд хьуркыым: сэ сы-щы-т-иц, сэ сы-щы-с-иц, сэ сы-щы-л-иц, абы ар и-Иыгъ-иц, абы ар и-Iэ-иц, я-щы-иц-иц, сэ абы сы-хуей-иц, абы ар фIэ-фI-иц, ар абы щы-гъ-иц [Шагиров 2004: 130].

Щыты-н, щысы-н, щылы-н лэжыгыгъэцIэ хъейхэм яIэнкIэ хьунуш щIыпIэ мыхъэнэ зиIэ преверб зэмылэужыгыгъуэхэр, псалъэм папщIэ: *стэчаныр Iэнэм те-т-иц; хьэр алэрыбгъум те-л-иц; шкIэр бжэм Iу-т-иц; кхъужьыр жыгым пы-т-иц, щакIуэр мзым хэ-т-иц, щIалэ цIыкIур псым хэ-с-иц, фызыр унэм щIэ-т-иц, сымаджэр сымаджэщыым щIэ-л-иц, лыр пщIантIэм дэ-т-иц.*

ЦIэм къытекIа лэжыгыгъэцIэ мыхъейхэм языныкыуэкIэрэ щIыпIэ превербхэр япоувэ, псалъэм папщIэ: *Дыцэр къыщыщIахым щыльаплэцI* (псалъэжыщ); *Дзыгъуэр гъуэм щыхахуэцI* (псалъэжыщ).

ЛэжыгыгъэцIэ мыхъейхэр, хъейхэми ещхьу, щхьэзакъуэуи (*ар щытщI, ар пщIацIэцI*), щхьитIуи (*абы ар иIэщI, абы ар иIыгъщI*), щхьищуи (*схуиIыгъщI*) щытыфынуш.

ЛэжыгыгъэцIэ мыхъейхэр, зэрыхабзэу, лэмылэсхэщ, къапщтэмэ: *ар щысыцI; ар щытщI; ар абы хуейщI; абы ар фIэфIщI; абы ар щыгъщI; абы ар и гугъэщI; ар дахэщI.*

ЛэжыгыгъэцIэ хъейхэр лэIэсуи (*абы ар етхыр, абы ар ешэр*), лэмылэсуи (*ар макIуэ(р), ар абы йожьэ(р)*) щытынкIэ хьунуш.

Гу зылыгъапхьэ. ЛэжыгыгъэцIэ мыхъейхэм хуэгъэуш категорэм и гъэ-лъабжьэгъусэр къащыхыхьэм дежи я мыхъей гъэпсыкIэр къахуонэ, псалъэм папщIэ, *щытщI* лэжыгыгъэцIэ мыхъейм и хуэгъэуш къэгъэщIыгъэ *и-и-гъэ-т-иц* жыхуиIэри мыхъейщ, абы щыхьэт тохьуэ хъейныгъэ лъабжьэпэ уэ-(о) зэрыхэмытымырэ копулэ-лъабжьэужь -иц зэрыпытымырэ – апхуэдэхэр зи нэщэнэр лэжыгыгъэцIэ мыхъейхэрщ.

УщрихьэлIэ щыIэщ а зы псалъэпкыым лэжыгыгъэцIэ мыхъей, хъей къытебгъэкI хьууэ, псалъэм папщIэ, сэ сыщытщI (мыхъей) – сэ сыщотыр (хъей); сэ сыщысыщI (мыхъей) – сэ сыщосыр (хъей); сэ сыщылыщI (мыхъей) – сэ сыщолыыр (хъей).

Языныкыуэ цIэхэми къатыбогъэкIыф лэжыгыгъэцIэ мыхъей, хъей, псалъэм папщIэ: *пхьащIэ* щыIэцIэм къытокI: сэ сыпхьащIэщI (лэмылэс), сэ сопхьащIэ(р) (хъей); *егъэджащIуэ* щыIэцIэм: сэ сыегъэджащIуэщI (мыхъей) – сэ соегъэджащIуэ (хъей); *бзаджэ* плыфэцIэм: сэ сыбзаджэщI (мыхъей), сэ собзаджэ(р) (хъей); *дахэ* плыфэцIэм: сэ сыдахэщI (мыхъей), сэ содахэр (хъей).

ЛэжыгыгъэцIэ мыхъейхэр хъейхэм къащхьэщокI я зыхьуэжыкIэкIа, я псалъэ къэхьукIэкIа:

1. ЛэжыгыгъэцIэ хъейхэм аорист гъэпсыкIэ яIэщ. Аористыр псалъэпкь къызэрыкIуэщ, зэман мыхъэнэ хэмылыу, икIа абы ущыхуозэ: зылэныкыуэкIэ, псалъэухам абы нэгъуэщI лэжыгыгъэцIэ къыщыщыкIэлыкIуэкIэ, лъабжьэужь -р-рэ -и псалъэзэпыщIэ псалъэкIапэрэ пыту, псалъэм папщIэ: *Хамэхьэр къыхьэри унэхьэр ирихуш* (псалъэжыщ) – *къыхьэри* жыхуиIэр аористщ, нэгъуэщI зылэныкыуэкIа аористым урохьэлIэ -иц копулэ-лъабжьэужь пыту, еплъ, псалъэм

папщIэ, а шапхэ дьдэм хэт *ирихуц* гьэпсыкIэм. Мыпхуэдэ гьэпсыкIэм иту аористым узэрырихьэлIэр мащIэ дьдэрэщ.

ЛэжьыгьэцIэ мыхьейхэм аорист гьэпсыкIэ зрагьэпэщыфыркьым. Ар кавказыбзэ псоми я зэхуэдэ хьэлщ.

ЛэжьыгьэцIэ хьейхэм я аорист гьэпсыкIэр тохуэ лэжьыгьэцIэ мыхьейхэм я ит зэман гьэпсыкIэм. Псалъэм папщIэ, *сыщытц*, *сыщытри сыкъэкIуэжсац* псалъэухам *сыщытц* жыхуиIэр лэжьыгьэцIэ хьейщ, аорист гьэпсыкIэ иIэу, ит зэманым ар *сыщотыр* хьунуш; *сэ мыбдеж сыщытц* псалъэухам *сыщытц* жыхуиIэр ит зэман гьэпсыкIэ зиIэ лэжьыгьэцIэ мыхьейщ [Кабардино-черкесский язык 2006: 161].

2. ЛэжьыгьэцIэ хьейхэм я блэкIа-зэфIэмыкIа зэман гьэпсыкIэм, лэжьыгьэцIэ мыхьейхэм я гьэпсыкIэм емыщхьу, факультатив льябжьэгьусэ *-р* хэтщ. ЛэжьыгьэцIэ хьейм и *сэ сыкIуэрт* блэкIа зэфIэмыкIа гьэпсыкIэм нэгьуэщI гуэгьуи иIэщ *-р* льябжьэужьыр хэту: *сэ сыкIуэрт*. Мыбы хэт *-р-р* лэжьыгьэцIэ хьейхэм я ит зэманым хэт *-р* факультатив льябжьэужь дьдэрэщ.

ЛэжьыгьэцIэ мыхьейхэм я блэкIа зэман гьэпсыкIэм *-р* факультатив льябжьэужь хэткьым: *сэ сыщытт*, *сэ сыегьэдэжакIуэ*.

3. Япэрей лэжьыгьэцIэ мыхьейхэм преверб япыту фIэкIа уахуэзэркьым, псалъэм папщIэ: *Iу-т-ц*, *Iу-с-ц*, *Iу-л-ц*; *те-т-ц*, *те-с-ц*, *те-л-ц*. ЛэжьыгьэцIэ хьейхэм я гугьу пщIымэ, преверб япытуи (*Iу-дэ-н*, *хэ-тхэ-н*, *Iу-хы-н*) япымытуи (*содэ*, *солажьэ*, *сожэ*) щыIэхэщ.

Гу зылыгьапхьэ. ЗекIуэныгьэ мыхьэнэ зыхэль языныкьуэ лэжьыгьэцIэ хьейхэр бзэм зэрыхэтыр, лэжьыгьэцIэ мыхьейхэм ещхьу, пре-верб япытуш. Псалъэм папщIэ: *сы-д-о-кI*, *сы-бл-о-кI*, *сы-цI-о-хьэ*, *й-о-хьэ*.

4. Япэрей лэжьыгьэцIэ мыхьейхэм япыувэ хабзэщ щыпIэ мыхьэнэ зыхэль превербхэр, псалъэм папщIэ: *Iу-т-ц*, *те-т-ц*, *цIэ-т-ц*. ЛэжьыгьэцIэ хьейхэм апхуэдэ щыпIэ превербхэри, зекIуэныгьэ превербхэри япоувэ: *сы-бл-о-кI*, *пх-о-кI*, *сы-кь-о-кIуэ*, *сы-н-о-кIуэ*.

Гу зылыгьапхьэ. ЯзыныкьуэкIэрэ *кьэ-(кьы-)* лэныкьуэ преверб лэжьыгьэцIэ мыхьейхэми япоувэ, ауэ абы щыгьун хуейщ щыпIэ превербхэм ящыщ (*Iу-*, *хэ-*, *щы-*): *си гунэмкIэ кьы-щы-с-ц*; *цхьэгьубжэм кьы-Iу-т-ц*.

5. Иджырейбзэм я зэхэлъыкIэкIэ щызэтохуэ лэжьыгьэцIэ хьейхэм кьатекI IуэхуцIэ ит зэман гьэпсыкIэ зиIэхэмрэ лэжьыгьэцIэ хьейхэм кьатекI IуэхуцIэхэмрэ. ТIум щыгьуи IуэхуцIэ псалъэпкьыр тохуэ ит зэман гьэпсыкIэ зиIэ лэжьыгьэцIэ псалъэпкьым: *кIуэ-р* (*со-кIуэ* лэжьыгьэцIэ хьейм кьытекIа IуэхуцIэщ). Ауэ пасэрейбзэм лэжьыгьэцIэ хьейхэмрэ мыхьейхэмрэ кьатепщIыкI IуэхуцIэхэр щызэщхьу шытакьым. ЛэжьыгьэцIэ хьейхэм кьатекI IуэхуцIэ ит зэманым итхэр *-рэ* льябжьэужькIэт кьызэрыхьур: *кIуэ-рэ-р*, *зы-тхы-рэ-р*. ЛэжьыгьэцIэ мыхьейхэм IуэхуцIэхэр кьатекIырт льябжьэужь лэпкь кьахэмыхьэу (*щытыр*, *щысыр*), иджыпстуи кьызэрыхьум хуэдэу.

ЛэжьыгьэцIэ хьейхэм *-рэ* льябжьэужькIэ кьатекI IуэхуцIэхэр кьыщызэтенащ зэрыупщIэ гьэпсыкIэм и ит зэманым: *уэ у-кIуэ-рэ?* *уэ п-тхы-рэ?* [Кабардино-черкесский 2006: 162].

ЛэжьыгьэцIэ мыхьейхэм я зэрыупщIэ гьэпсыкIэм *-рэ* хэткьым: *уэ ущыт?* *уэ устудент?*, н.кь.

3. ЛэжьыгьэцIэм и уха, мыуха гьэпсыкIэхэр

ЛэжьыгьэцIэм и гьэпсыкIэ ухам нэгьуэщI лэжьыгьэцIэм емыпха, пыухыкIа Iуэхугьуэ нэхьыщхьэ кьегьэлъагьуэ, псалъэм папщIэ: *Жэц сменэм вэн цIидзакIэц* (ЩоджэнцIыкIу I.) *Аргуэру хьыджэбзитIыр кIыфIым кьыхэмыщу я цхьэ кьыфIэхуауэ дэгу хьужа тракторым бгьэдэтхэц* (ЩоджэнцIыкIу I.)

ЛэжьыгьэцIэ ухахэм я хьуныгьэ гьэпсыкIэм мыпхуэдэ кIэуэхэр иIэщ:

-р: *ар макIуэ-р; абы ар ешэ-р*. Ауэ мыпхуэдэхэм кIэухыр япымытми мэхуэ, еплъ: *ар макIуэ; абы ар ешэ*;

-ц (копулэ-лъябжьэужьщ): *ар цыт-ц; абы ар иша-ц; цIыхухэр тIыса-ц*;

-т (блэкIа зэман кыегъэлыагыуэ): *ар тхэр-т, ар тха-т, ар тхэну-т*;

-къэ (щыхьэт техуэ-зэрыупщIэ псалъэпкъщ): *сы-тхэр-къэ?!*

ЛэжыгыгъэцIэхэм я гъэпсыкIэ мыухам гъэпсыкIэ уха зиIэ лэжыгыгъэцIэм епха, пыухыкIауэ щымыт, щIыгъужа Iуэхугъуэ кыегъэлыагыуэ. ЛэжыгыгъэцIэхэм я кыэгъэщIыгыгъэ мыухахэщ мы кыэкIуэнухэр [Грамматика 1970: 124]:

а) -мэ// -м, -кIэ лъябжьэужьхэр зыпыт елыта тешэ гъэпсыкIэхэр: *тхэ-мэ, тхэ-кIэ; Зы мэл лъэмэ, псори йолъэ* (псалъэжыщ); *ЩIалэр жэмэ, лIыжыым и лъякъуэр мэуэ* (псалъэжыщ); *Ныбэм измэ, цIаххуэр цIынэц* (псалъэжыщ); *УпсалъэкIэ мыхьэнэ иIэкъым*;

б) -ми лъябжьэужь зыпыт хуэгъэкIуатэ гъэпсыкIэхэр: *тхэ-ми; сыщыт-ми ягъэкIынкъым*;

в) лэжыгыгъэцIэм и гъэпсыкIэ ухам кышыгыгъэлыэгъуа Iуэхугъуэм зэманкIэ техуэ Iуэхугъуэ кыэзыгъэлыагыуэ лэжыгыгъэцIэ гъэпсыкIэ -ху// -хукIэ лъябжьэужь зыпытхэр, псалъэм папщIэ: *сы-тхэ-ху // сытхэ-хукIэ; Уэщыр нIэтыхукIэ пхьэм зегъэпсэху* (псалъэжыщ);

г) лэжыгыгъэцIэм и мыгъэнэхуа гъэпсыкIэр (масдарыр): *кIуэ-н, шхы-н; ТIысынIэ лей щыщыткIэ умытIысы-н-ыр делегъэц* (КIэрашэ Т.)

д) -у лъябжьэужькIэ (мурад мыхьэнэ зиIэмкIэ) кыэху масдар гъэпсыкIэр: *жесIэну сыхуац, егъапщэ мыхьуныгъэ гъэпсыкIэм: жезмыIэн мурад сIуэ сыхуац*;

е) унафэ тешэ гъэпсыкIэхэр: *кIуэ!* (егъапщэ мыхьуныгъэ гъэпсыкIэм: *у-мы-кIуэ!*); *иретх!* (мыхьуныгъэм деж: *ире-мы-тх!*); *дывгъэцI!* (*дыв-мы-гъэцI!*);

ж) лэжыгыгъэцIэхэм я упщIэ гъэпсыкIэхэр: *укIуэрэ?* (егъапщэ мыхьуныгъэ гъэпсыкIэм: *у-мы-кIуэрэ?*); *Альандэрэ цхьэ жумыIарэ?*

ЛэжыгыгъэцIэхэм я гъэпсыкIэ мыухахэм апхуэдэуи хохьэхэр IуэхудэкIуэ, IуэхуцIэ кыэгъэщIыгъэхэри.

IуэхудэкIуэ гъэпсыкIэхэр: *Алий и цхьэр иубыдыжауэ, и лъякъуитIыр цIэгъэшауэ цIым хэIубауэ цылыц* (Шортэн А.); *ЩIалэхэм я дамэр блыным егъэкъуауэ и бгъуитIымкIэ еувэкIат* (КIэрашэ Т.); *И пхьум жриIурэ и нысэм иреIуэкI* (псалъэжыщ).

ЛэжыгыгъэцIэхэм я IуэхуцIэ кыэгъэщIыгыгъэхэм хьэл псалъэкIапэ земыщхьэр кыахэувэкIэрэ кыагъэлыагыуэ езы IуэхуцIэхэмрэ (лэжыгыгъэцIэм и гъэпсыкIэ мыухахэмрэ) лэжыгыгъэцIэ ухахэмрэ зэман, щIыпIэ, цхьэусыгъуэ, мурад, гъэнэIуэныгъэ, щIыгъуныгъэ, сыт хуэдэхэмкIэ я зэхуаку дэль зэхушытыкIэхэр, псалъэм папщIэ: *Бжъэ зыдэсым фо децIэ* (псалъэжыщ) – *зыдэсым IуэхуцIэм щIыпIэ кыегъэлыагыуэ; ЩIалэ цIыкIум уэрэд жыIэн цциухым, псори Iэгу еуахэц – цциухым IуэхуцIэм зэман кыегъэлыагыуэ; Мо нэхьыцIэр иджыри махуитIкIэ ишхынукъыми, арац уэрэд цIыжиIэр* (IуэрыIуатэ) – *цIыжиIэр IуэхуцIэм цхьэусыгъуэ кыегъэлыагыуэ* [Бижоев 2006: 146].

ЛэжыгыгъэцIэ гъэпсыкIэ мыуха псори морфологие ильэныкыуэкIэ гъэпсыкIэ ухахэм кыащхьэщокI мыхьуныгъэ гъэпсыкIэ кыазэрытехуекI щIыкIэмкIэ.

ЛэжыгыгъэцIэ ухахэм мыхьуныгъэ гъэпсыкIэ кыагъэху -къым лъябжьэужькIэ (мыр щыхьэт техуэ-зэрыупщIэ псалъэкIапэ -къэ-рэ мыхьуныгъэ псалъэкIапэ -м-уэ зэхэтщ): *ар тхэр-къым; цакIуэм щыхьыр кыиукIа-къым; Еблагъэ зи бэм и бын мэжалIэркъым* (псалъэжыщ); *Абдежым Бэчымырэ зыхуэIыгыгъэжакъым* (Шортэн А.)

Мыуха кыэгъэщIыгыгъэ псоми мыхьуныгъэ гъэпсыкIэ кышооху *мы-лъябжьэпэкIэ* [Шагиров 2004: 133]: *Гур мыплъэмэ, нэр плъэркъым* (псалъэжыщ); *Узэчэнджэщын умыгъуэтмэ, уи пыIэр гъэтIылыи ечэнджэщ* (псалъэжыщ) – *мыплъэмэ, умыгъуэтмэ* – лэжыгыгъэцIэм и елыта тешэм и мыхьуныгъэ гъэпсыкIэхэщ; *Мыпсалъэху делэри губзыгъэц* (псалъэжыщ) – *мыпсалъэху* –

Гуэхугуэхэр зманкIэ зэрызэтехуэр кьэзыгьэлъагьуэ мыхьуныгьэ гьэпсыкIэш; *Кьапхэным кьимыгьапцIэу кьуубыдыркьым* (псалъэжьщ); *Софят зыри жимыIэу цIэгьуфIыкIащ* (ШоджэнцIыкIу I.) – *кьимыгьапцIэу, жимыIэу* – ГуэхудэкIуэхэм я мыхьуныгьэ гьэпсыкIэхэщ; *Джэду здэщымыIэм дзыгьуэ цьоятэ* (псалъэжьщ) – *зидэщымыIэм* – ГуэхуцIэм и мыхьуныгьэ гьэпсыкIэш.

4. Щхьэ категорэ

4.1. Щхьэбагьэр кьызыхэщ гьэпсыкIэхэр

ЛэжыгьэцIэм зехуэж субъектым е субъектми объектми я щхьэхэмкIэ. А лъэныкьуэм елытауэ щыIэхэщ щхьэзакуэ, щхьитI, щхьэбэ лэжыгьэцIэхэр.

Щхьэм елытауэ, лъэлэс-лъэмыIэсым зэрелъытам хуэдэу, *кIуэ-н*, *щIы-н*, *тын-н* лэжыгьэцIэхэм я псалъэпкьхэр стабильнэщ: *кIуэн*-ым кьегьэхуэ щхьэзакуэ лэжыгьэцIэм и парадигмэ (зэрызыхуэжыр субъект закьуэм и щхьэхэмкIэш), *щIын*-ым – щхьитI лэжыгьэцIэм и парадигмэ (субъектырэ объект занщIэмрэ я щхьэхэмкIэ зехуэж), *тын*-ым – щхьитI лэжыгьэцIэм и парадигмэ (субъектым, объект занщIэм, объект мыблагьэм я щхьэхэмкIэ зехуэж).

Псалъэпкь стабильнэхэм кьащхьэщыкIыу, нейтрал псалъэпкьхэм щхьэзакуэ, щхьитI лэжыгьэцIэхэм я парадигмэхэр яIэш. Еплъ: *мауэ*, *ар абы йоуэ*; *мэпсалъэ*, *ар абы йопсалъэ*. Щхьэзакуэ, щхьитI лэжыгьэцIэхэм я парадигмэ лъабжьэужьыншэу кьэзыгьэщI нейтрал псалъэпкьхэр я ухуэкIэкIэ кьызэрыкIуэуи зэхэлъуи щытынкIэ хьунуш. Еплъ: *уэ* – кьызэрыкIуэ псалъэпкьщ, *псалъэ* – псалъэпкь зэхэлъщ. Нейтрал, стабильнэ лэжыгьэцIэ псалъэпкьхэм я щхьэр Iэмал зэмылIэужыгьуэхэмкIэ пхузэхуэжIынуш [Кабардино-черкесский язык 2006: 165].

ЛэжыгьэцIэм иIэ щхьэ бжыгьэм зихуэжыным, ар хуэжа зэрыхуэ щыкIэм елытауэ, псалъэпкьым и лексикэ мыхьэнэр елытауи, емылгытауи щытынкIэ хьунуш. Кьапщтэмэ, *ма-нлъэ*, *й-о-нлъ* гьэпсыкIэхэр зэрызэтемыхуэр яIэ щхьэ бжыгьэм и закьуэмэ, *ма-кIуэ*, *й-о-кIуа-лIэ* жыхуиIэхэр лексикэ илъэныкьуэки зэщхьэщокI. ЛэжыгьэцIэм и щхьэр ирахуэжу кьагьэсэбэп псалъэм и парадигмэр, аблаут макьэблэхур, псалъэпкьыщI лъабжьэгьусэхэр, псалъэпкь зэхыхьэр, н.кь. Абы нэмыщI, лэжыгьэцIэр лъэлэсым хуэкIуэным дапщэщи кьрокIуэ лэжыгьэцIэм иIэ щхьэ бжыгьэм зихуэжыныр. НэгьуэщIу жыпIэмэ, лъэлэсым зэрыхуагьакIуэ Iэмал дэтхэнэри щытц лэжыгьэцIэм и щхьэ бжыгьэр зэрыхагьахуэ Iэмалу.

ЛэжыгьэцIэ щхьэбэм субъектырэ объект занщIэмрэ щхьэ щалэнкIэ хьунум и бжыгьэм гьунапкьэ иIэш: апхуэдэу хэтынкIэ хьунур субъектым и зы щхьэрэ объект занщIэм и зы щхьэрэщ. Объект мыблагьэм и щхьэу лэжыгьэцIэ щхьэбэм хэтыфынуш щым нэс. Мис абы кьешэ лэжыгьэцIэхэр мыпхуэдурэ зэщхьэщыкIыныр: 1) субъектым и щхьэ зыхэт (щхьэзакуэ лэжыгьэцIэхэр); 2) субъектырэ объект занщIэмрэ я щхьэхэр зыхэт (щхьитI зиIэ лэжыгьэцIэ лъэлэсхэр); 3) субъектырэ объект мыблагьэмрэ я щхьэхэр зыхэт (щхьитI зиIэ лэжыгьэцIэ лъэмыIэсхэр); 4) субъектым, объект занщIэм, объект мыблагьэм я щхьэхэр зыхэт (щхьитI зиIэ лэжыгьэцIэ лъэлэсхэр); 5) субъектырэ объект мыблагьытIырэ я щхьэхэр зыхэт (щхьитI зиIэ лэжыгьэцIэ лъэмыIэсхэр); 6) субъектым, объект занщIэм, объект мыблагьэу тIум я щхьэхэр зыхэт (щхьиплI зиIэ лэжыгьэцIэ лъэлэсхэр); 7) субъектырэ объект мыблагьэу щымрэ я щхьэхэр зыхэт (щхьиплI зиIэ лэжыгьэцIэ лъэмыIэсхэр); 8) субъектым, объект занщIэм, объект мыблагьэу щым я щхьэхэр зыхэт (щхьитху зиIэ лэжыгьэцIэ лъэлэсхэр).

Щапхьэхэр: 1) *сы-жащ* (субъектым и щхьэр *сы*-мкIэ кьэгьэлъэгьуаш); 2) *у-с-хьащ* (*у*- – объект занщIэм и лъабжьэпэщ, *с*- – субъектым и лъабжьэпэщ); 3) *сы-вэ-жьащ* (*сы*- – субъектым и щхьэ лъабжьэпэщ, *вэ*- – объект мыблагьэм и лъабжьэпэщ); 4) *у-е-с-тащ* (*у*- – объект занщIэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *е* – объект мыблагьэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *с*- – субъектым и щхьэ лъабжьэпэщ);

5) *с-а-д-е-жъащ* (*с* – субъектым и щхьэ лъабжьэпэщ, *а* – япэ объект мыблагъэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *е* – етIуанэ объект мыблагъэм и щхьэ лъабжьэпэщ); 6) *у-а-ху-з-и-гъэ-шащ* (*у* – объект занщIэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *а* – япэ объект мыблагъэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *с* – етIуанэ объект мыблагъэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *и* – субъектым и щхьэ лъабжьэпэщ); 7) *с-а-фIы-д-е-плъащ* (*с* – субъектым и щхьэ лъабжьэпэщ, *а* – япэ объект мыблагъэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *е* – етIуанэ объект мыблагъэм и щхьэ лъабжьэпэщ, ещанэ объект мыблагъэм и щхьэр нэрымылгагъу лъабжьэгъусэклэ къэгъэльэгъуащ); 8) *къы-б-ды-х-е-з-гъэ-дзащ* (*б* – япэ объект мыблагъэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *е* – етIуанэ объект мыблагъэм и щхьэ лъабжьэпэщ, *з* – субъектым и щхьэ лъабжьэпэщ, объект занщIэмрэ ещанэ объект мыблагъэмрэ я щхьэхэр нэрымылгагъу лъабжьэгъусэхэмклэ къэгъэльэгъуащ). Мыхьэнэбэ лэжыгыгэцлэ дэтхэнэми морфологиеклэ щхьэ псори къыщыгъэльэгъуауэ щыткъым. Абы къымыдэкIэ, лэжыгыгэцлэ мыхьэнэбэм и дэтхэнэ щхьэри гъэпсыкIэкIэ къыхэгъэшауи щыткъым [Кабардино-черкесский язык 2006: 165].

4.2. Лэжыгыгэцлэм и щхьэ гъэпсыкIэхэм я IукIэзэщхьыгъэр (омонимир)

Нэхъ лъабжьэмклэ дащыхэплъэнущ лэжыгыгэцлэ лъэIэс, лъэмыIэс зэмылIэужыгыгъуэхэм я щхьэ гъэпсыкIэхэр зэщхьэщыкIыныр хэмытыж щыхьухэм. Мыбдеж зи гугъу щытщIынуур лэжыгыгэцлэ гъэпсыкIэхэм я деж я зэхэлъыкIэ омонимием (IукIэзэщхьыныгъэм) зыщIыщиубгъу щхьэусыгыгъуэхэрщ.

Лэжыгыгэцлэр мыхьэнабэ щхьэкIэ, дэтхэнэ щхьэри, дэтхэнэ бжыгъэ гъэпсыкIэри къыхэгъэшауэ щыткъым. Къапштэмэ, щхьэзакъуэ лэжыгыгэцлэ хьейхэмрэ мыхьейхэмрэ я ещанэ щхьэм деж щызэпэгъэувакыым закъуэ, куэд бжыгъэхэр. Еплъ: *жащ* 1) *ар жащ*, 2) *ахэр жащ*; *щылъащ* 1) *ар щылъащ*, 2) *ахэр щылъащ*.

Лэжыгыгэцлэм и синтезыр нэхъ лъагэхункIэ, абы къыхэмыгъэша гъэпсыкIэхэр щынэхьыбэщ. Абы къешэ щхьитI зиIэ, щхьабэ лэжыгыгэцлэхэм я деж IукIэзэщхьыгъэм хуабжыу зыщиубгъуныр. ЖыпIэну ирикъунщ *еплъын*, *ежъэн* лэжыгыгэцлэ щхьитIхэмрэ абыхэм къапыщIа *деплъын*, *дежъэн* лэжыгыгэцлэ щхьыщхэмрэ я деж субъектымрэ объектымрэ я ещанэ щхьэхэм закъуэ, куэд бжыгъэхэр зэрызыщхьэщымыкIыр. Абы къыхокI зи мыхьэнэр контекстым хэту фIэкIа пхузэхэмыгъэкI IукIэзэщхь гъэпсыкIэхэр щылэныр. Еплъ, псалъэм папщIэ:

<i>ежъащ</i>	{	ар абы ежъащ ар абыхэм ежъащ ахэр абы ежъащ ахэр абыхэм ежъащ
<i>еуащ</i>	{	ар абы еуащ ар абыхэм еуащ ахэр абы еуащ ахэр абыхэм еуащ
<i>къыздежъащ</i>	{	ар сэ сщIыгъуу абы ежъащ ар сэ сщIыгъуу абыхэм ежъащ ахэр сэ сщIыгъуу абы ежъащ ахэр сэ сщIыгъуу абыхэм ежъащ

<i>къыздеуащ</i>	{	ар сэ щІыгъуу абы еуащ ар сэ щІыгъуу абыхэм еуащ ахэр сэ щІыгъуу абы еуащ ахэр сэ щІыгъуу абыхэм еуащ
<i>къыбдежъащ</i>	{	ар уэ пщІыгъуу абы ежъащ ар уэ пщІыгъуу абыхэм ежъащ ахэр уэ пщІыгъуу абы ежъащ ахэр уэ пщІыгъуу абыхэм ежъащ
<i>къыбдеуащ</i>	{	ар уэ пщІыгъуу абы еуащ ар уэ пщІыгъуу абыхэм еуащ ахэр уэ пщІыгъуу абы еуащ ахэр уэ пщІыгъуу абыхэм еуащ
<i>дежъащ</i>	{	ар абы щІыгъуу абы ежъащ ар абы щІыгъуу абыхэм ежъащ ахэр абы щІыгъуу абы ежъащ ахэр абы щІыгъуу абыхэм ежъащ
<i>деуащ</i>	{	ар абы щІыгъуу абы еуащ ар абы щІыгъуу абыхэм еуащ ахэр абы щІыгъуу абы еуащ ахэр абы щІыгъуу абыхэм еуащ
<i>къывдежъащ</i>	{	ар фэ фщІыгъуу абы ежъащ ар фэ фщІыгъуу абыхэм ежъащ ахэр фэ фщІыгъуу абы ежъащ ахэр фэ фщІыгъуу абыхэм ежъащ
<i>къывдеуащ</i>	{	ар фэ фщІыгъуу абы еуащ ар фэ фщІыгъуу абыхэм еуащ ахэр фэ фщІыгъуу абы еуащ ахэр фэ фщІыгъуу абыхэм еуащ

[Кабардино-черкесский язык 2006: 167].

Мы шапхъуу къэбэрдэи-шэрджэсыбзэм кыыхэхэхэм кІахэбзэм (адыгейбзэм) къашыпохуу бжыгъэкІэ зэщхэщыгъэкІа гъэпсыкІэхэр. Еплъ, псалъэм папщІэ:

ежагъ – ар абы ежъащ
яжагъ – ар абыхэм ежъащ
ежагъэх – ахэр абы ежъащ
яжагъэх – ахэр абыхэм ежъащ

еуагъ – ар абы еуащ
яуагъ – ар абыхэм еуащ

еуагыгъэх – ахэр абы еуац
яуагыгъэх – ахэр абыхэм еуац

Я гъэпсыкIэм кышшымыгъэлъэгъуа (кыыхэгъэща шымыхъуа) лъэныкыуэхэр лэжыгыгъэццэхэр контекстым щыхэттым дежщ гурыфугъуэуэ щыхьур.

4.3. Лэжыгыгъэццэ щхьэбэм иIэ, иIэнкIэ хъуну, имыIэ гъэпсыкIэхэр

Лэжыгыгъэццэ щхьэбэхэм щхьэ гъэпсыкIэу куэд дыдэ кыагыгъэщI. Къапщтэмэ, щхьыщ зиIэ лэжыгыгъэццэ лъэIэс, лъэмыIэс языныкыуэхэм къатокI субъект-объект гъэпсыкIэ комбинацэ зэмылIэужыгыгъуэуэ щэм щигъу. Мардэмрэ хузэфIэкIымрэ елытауэ грамматикэкIэ щыIэнкIэ хъуну (тэмэм) лэжыгыгъэццэ щхьэ гъэпсыкIэхэр зэтопщIыкI кызырэгуэкIрэ мыкызырэгуэкIыу. Псалъэм папщIэ: *п-ху-е-с-т-а-щ* лэжыгыгъэццэ щхьыплI гъэпсыкIэр кызырэгуэкIщ. Ауэ ар хужыпIэ хьуркыым *сы-п-ху(ы)-д-е-плъ-а-щ* лэжыгыгъэццэ щхьыплI гъэпсыкIэм, мыри грамматикэ илъэныкыуэкIэ щыIэ хъуну, н.ж. тэмэму щыт пэтми. Абы кыыхэкIыу жыIэпхъэщ, лэжыгыгъэццэ щхьэбэхэм щхьэкIэ зэрызахуэж парадигмэ зэхуэмыдэхэр щызэпкьрахкIэ, грамматикэхэм субъект-объект гъэпсыкIэу (лэжыгыгъэццэм и щхьэ гъэпсыкIэу) кышшахь псори зэрызэхуэмыдэр.

Лэжыгыгъэццэ гъэпсыкIэхэм ящыщу нэхь кызырэгуэкIщ икIи нэхь зэфIэкI яIэщ лэжыгыгъэццэ лъэIэсхэм я гъэпсыкIэхэм. Псалъэм папщIэ, щхьыплI зиIэ лэжыгыгъэццэм грамматикэкIэ иIэнкIэ хъуну щхьэ гъэпсыкIэхэр мыкызырэгуэкIмэ икIи куэдрэ къамыгъэсэбэпмэ, щхьыплI зиIэ лэжыгыгъэццэ лъэIэсхэм я щхьэ гъэпсыкIэхэм ящыщ куэдыр икIи кызырэгуэкIщ, икIи бзэм убгъуауэ кышшагъэсэбэп. Лэжыгыгъэццэ щхьэбэхэм гъэпсыкIэу иIэнум и куэдагыр лъэIэс-лъэмыIэсу щытыным имызакъуэу лэжыгыгъэццэ псалъэккым и лексикэ мыхьэнэми елытащ [Кабардино-черкесский язык 2006: 168].

Лэжыгыгъэццэ щхьэбэхэр щхьэ псомкIи зэхэщхьэхукIыркыым. Къапщтэмэ, щхьыщ зиIэ лэжыгыгъэццэ лъэмыIэсыр субъектымрэ объект мыблагытIымрэ я щхьэхэмкIэ зэхуэкIа хъун хуейт. Ауэ лэжыгыгъэццэ щхьыщ лъэмыIэсхэм ящыщ куэдым субъектымрэ объектхэмрэ я щхьэ парадигмэ ирикъу кыагыгъэщIыркыым. Щхьэ гъэпсыкIэ кыэгъэхунымыкIэ яIэ зэфIэкIыр парадигмэ сатыр пыухыкIахэмкIэ гъэмэщIащ. Псалъэм папщIэ, щхьыщ зиIэ лэжыгыгъэццэ лъэмыIэсхэм яIэфынущ *сы-д-е-плъ-а-щ*, *у-д-е-плъ-а-щ*, *д-е-плъ-а-щ* гъэпсыкIэхэр, ауэ щыIэнкIэ хъунукыым абыхэм къепха, объект мыблагъэм и япэ, етIуанэ щхьэ зыхэт лэжыгыгъэццэ лъэмыIэс щхьыщ зиIэ («ар абы щыIыгъуу дэ кыдэплът», «ар абы щыIыгъуу уэ кьоплът», н.кь. мыхьэнэхэр зиIэ гъэпсыкIэхэр бзэм хэткыым). НэгъуэщIу жыпIэмэ, щхьыщ зиIэ лэжыгыгъэццэхэм ящыщ псоми етIуанэ объект мыблагъэм и щхьэхэмкIэ захуэжу щыткыым [Кумахов 1971: 252]. Къэгъэлъэгъуапхъэщ лэжыгыгъэццэхэм я щхьэхуэжым хэтлгъагъуэ щхьэхуэныгъэхэр абыхэм къатекI IуэхуцIэхэми зэранэщэнэр [Бижоев 2005: 107–129].

ЕдгъэкIуэкIа къэхутэныгъэм наIуэ къищIащ мыпхуэдэ Iуэхугъуэхэр. Япэрауэ, адыгэбзэ лэжыгыгъэццэр, адрей къухьэпIэ-кавказыбзэхэм ейхэми ещхьу, егъэлеяуэ гугъуу зэхэлъ псалъэ лъэпкыгыгъуэщ, абы щхьэуэ хэтынкIэ хъунуш зым щегъэжьауэ тхум нэс. ЕтIуанэрауэ, лэжыгыгъэццэм и ухуэкIэм къешэ абы и грамматикэ категорэхэми щхьэхуэныгъэ куэд яхэлъыныр. Къапщтэмэ, лъэIэс, лъэмыIэс лэжыгыгъэццэхэр Iэмал зэхуэмыдэхэмкIэ зыр зым хуокIуэф. НэгъуэщI лъэныкыуэкIэ, лэжыгыгъэццэм и щхьэхуэжри кыгуэхьыпIэ имыIэу елытащ абы и зэхэлъыкIэми, щхьэ бжыгъэу абы иIэми. Мы Iуэхугъуэхэми, нэгъуэщI лъэныкыуэхэми бзэщIэныгъэлIхэр пIалъэ кIыыхь хъуауэ йолэжь, куэди къэтIэщIа хъуащ, ауэ иджыри къэхутэн хуейр мащIэккым.

ТегъэщIапIэ тщIа литературэрэ

1. *Бижоев Б.Ч.* Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 352 с.
2. *Грамматика* кабардино-черкесского литературного языка. Ч. I. Фонетика и морфология. М.: Наука, 1970. 216 с.
3. *Джаурджий Хь.З., Дзасэжь Хь.Е.* Адыгэбзэ. Япэ Iыхьэ. Налшык: Эльбрус, 1995. 288 н.
4. *Кабардино-черкесский язык* в 2-х т. Т. 1. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология и синтаксис. Нальчик: Издательский центр Эль-Фа, 2006. 549 с.
5. *Кумахов М.А.* Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. 344 с.
6. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.
7. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэ грамматикэ. Фонетикэ. Морфонемикэ. Морфологие. Налшык: Эльбрус, 2001. 232 н.
8. *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 224 с.

О МНОГОЛИЧНОСТИ ГЛАГОЛА КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА И ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЯВЛЕНИЯ ЕГО ОСНОВНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

Бижоев Борис Чамалович, orcid.org/0000-0001-8193-7126, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), bizhoev1952@mail.ru

Данная статья должна продемонстрировать чрезвычайно сложную структуру кабардино-черкесского глагола и отражение этого фактора на формировании его главных грамматических категорий. Опираясь на довольно богатую специальную литературу, посвященной затрагиваемой нами теме, основной упор мы делаем на те ее стороны, которые до настоящего времени не затронуты или же имеют неоднозначную оценку. Подобная необходимость вызвана прежде всего тем, что в готовящейся в настоящее время новой академической грамматике «темные пятна» адыгского языкознания должны быть устранены или, по крайней мере, уменьшены. Другая, не менее важная проблема, решению которой должна способствовать статья, а в дальнейшем упомянутая грамматика – это разработка национальной лингвистической терминологии и тем самым преодоление главной преграды в развитии научного стиля кабардино-черкесского языка.

Статья состоит из нескольких частей, в которых анализируются сначала полисинтетизм глагола, далее последовательно его категории – переходность-непереходность, где отдельно рассматриваются способы трансформации непереходных в переходные, а также группа нейтральных (диффузных) глаголов; динамичности-статичности, финитности-инфинитности, категории лица. В последней обращено внимание на случаи неполноты словоизменительной парадигмы глагола и омонимии, характерную для целого ряда личных форм глагола.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, глагол, полиперсонализм, динамический, статический, финитный, инфинитный, омонимия.

ABOUT THE POLYPERSONALITY OF THE VERB OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE AND FEATURES OF MANIFESTATION ITS MAIN GRAMMATICAL CATEGORIES

Bizhoev Boris Chamalovich, orcid.org/0000-0001-8193-7126, Doctor of Philology, leading research scientist, Department of Kabardino-Circassian Language, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), bizhoev1952@mail.ru

This article should demonstrate the extremely complex structure of the Kabardino-Circassian verb and the reflection of this factor on the formation of its main grammatical categories. Based on the rather rich specialized literature on the topic we are dealing with, we focus on those aspects of it that have not yet been touched upon or have an ambiguous assessment. Such a need is caused primarily by the fact that in the currently being prepared new academic grammar, the “dark spots” of the Adyghe linguistics should be eliminated or, at least, reduced. Another, no less important problem, the solution of which the article should contribute, and in the future the mentioned grammar is the development of national linguistic terminology and thereby overcoming the main obstacle in the development of the scientific style of the Kabardino-Circassian language.

The article consists of several parts, in which the polysyntheticism of the verb is analyzed first, then sequentially its categories – transitivity-intransitivity, where methods of transformation of intransitive into transitive, as well as a group of neutral (diffuse) verbs are considered separately; dynamism-static, finiteness-infinity, face category. In the latter, attention is paid to cases of incompleteness of the inflectional paradigm of the verb and homonymy, which is characteristic of a number of personal forms of the verb.

Keywords: Kabardino-Circassian language, verb, polypersonalism, dynamic, static, finite, infinite, homonymy.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-28-41

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРАБИЗМОВ И ПЕРСИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аппоев Алим Каншауович, orcid: 0000-0002-2654-8555, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», (Нальчик, Россия), arproev74@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович, orcid: 0000-0002-1656-8368, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», (Нальчик, Россия), ketenchiev@mail.ru

Данная статья посвящена одной из актуальных проблем лексикологии карачаево-балкарского языка, в частности, арабским и персидским заимствованиям. В работе проведен критический анализ научных работ карачаево-балкарских авторов (И.Х. Ахматова, А.-М.Х. Батчаева, А.Ж. Будаева, Ж.М. Гузеева, Х.Ч. Джуртубаева, К.А. Мизиева, Б.Х. Мусукаева и других), связанных с изучением таких аспектов заимствованного из арабского и персидского языков пласта лексики, как выявление и лексико-тематическая классификация заимствований, их фонетическое, семантическое и грамматическое освоение системой карачаево-балкарского языка. Показано, что указанные языковеды при исследовании заимствованной лексики оперируют традиционными методами и приемами структурной лингвистики, релевантной для тюркского языкознания 70–80 годов двадцатого века. Выявлено, что целый ряд заимствованных лексем нуждается в более четкой лингвистической интерпретации, в первую очередь с точки зрения семантики и функционально-грамматической характеристики. Установлены основные характеристики арабизмов и персизмов, выявленные в специальных лингвистических исследованиях. Проанализированный материал показывает, что лексика карачаево-балкарского языка не является закрытой системой, она за время своего существования пополнилась множеством иноязычных слов, что детерминировано интенсивными контактами между различными странами и народами, развитием и расширением международных и межнациональных отношений в различных сферах жизни социума. Кроме того, определены перспективы дальнейшего поливекторного анализа арабских и персидских заимствований, что сопряжено с современной парадигмой лингвистики.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, лексика, арабизмы, фарсизмы, лингвистическая интерпретация.

Систематическое изучение арабизмов и персизмов, функционирующих в карачаево-балкарском языке, началось во второй половине XX-го века. Первым, кто обратил внимание на этот пласт лексики, был карачаевский лексиколог Х.-М.И. Хаджилаев, который в своей монографии «Очерки карачаево-балкарской лексикологии» отвел им специальный раздел [Хаджилаев 1970: 117–150]. Согласно его мнению, персидских заимствований в карачаево-балкарском языке насчитывается около пятидесяти: *абдез* «омовение, очищение», *ант* «клятва», *джан* «душа», *дин* «религия», *намаз* «молитва», *умут* «надежда» и т.п. Он отмечает, что в количественном отношении арабизмов в составе карачаево-балкарской лексики больше, чем персизмов, и приводит свыше двухсот арабских заимствованных лексем, в том числе и онимов: *айыб* «стыд», *акъыл* «ум», *аскер* «войско, армия», *джууаб*

«ответ», *иблис* «дьявол, демон», *инсан* «человек», *къатана* «бархат, плющ», *къудрет* «мощь, сила», *мекам* «жилище» и др. Автор в указанном исследовании проводит семантическую интерпретацию заимствованных лексем как в карачаево-балкарском языке, так и в языках, из которых они пришли. Однако в этой работе не обнаруживается их тематическая таксономия, не рассмотрены они и с других позиций. Проанализированный материал представлен в форме словаря двуязычного типа, правда, с семантической интерпретацией и некоторыми пометами, что бы показать частеречную принадлежность той или иной лексемы.

Удачную попытку выявить и системно описать арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке предпринял и А.Ж. Будаев [Будаев 1973: 302–327]. По его подсчетам, лексика карачаево-балкарского языка вбирает в себя около пятисот арабских и персидских слов. Им представлены несколько тематических групп указанных лексем: а) лексемы, сопряженные с исламом; б) лексемы, связанные с распространением арабского письма; в) номинации отдельных предметов быта; г) слова, репрезентирующие абстрактные понятия; г) номинации флоры и фауны; д) адъективные лексемы, обозначающие различные признаки, качества и свойства предметов. Не обойдены вниманием и звуковые изменения, которым подвергаются заимствованные лексемы в карачаево-балкарском языке. Релевантным представляется, на наш взгляд, словарь заимствованных слов, составленный с учетом данных, которые обнаружены в словарях других родственных языков. Вместе с тем у А.Ж. Будаева обнаруживаются и некоторые недочеты. Так, например, он некоторые собственно карачаево-балкарские слова считает арабизмами и персизмами: *къарыш* «расстояние между концами вытянутого большого пальца и мизинца руки (мера длины)», *талаш* «грызня». Имеет место отнесение арабизмов к персизмам: *булбул* «соловей», *жесир* «пленение, плен, пленный», *олий* «правитель, руководитель власти» и др. Некоторые персизмы интерпретируются как арабизмы: *пайгъамбар* «пророк». У автора лексемы типа *къыбылама* «компас» относятся к одному источнику. Однако в них наличествуют два элемента. Первая часть вышеуказанного слова *къыбыла* «юг» представляет собой арабизм, а вторая – видоизмененный персизм (ср. *кыйбланамэ* ар.-перс. сущ. *компас*).

Анализ арабских заимствований проводится и К.А. Мизиевым [Мизиев 1977: 100–105]. У него обнаруживаются некоторые данные относительно истории проникновения арабизмов в карачаево-балкарский язык. Автор отмечает, что они в карачаево-балкарском языке фонетически видоизменяются и приводит примеры на трансформацию ряда гласных и согласных.

Исследуя проблему семантики арабских лексических заимствований, К.А. Мизиев пишет, что во многих тюркских языках, в том числе и в карачаево-балкарском языке, со временем подобные заимствования теряют свои прежние значения, переосмысляются и начинают обозначать новые понятия. Согласно мнению автора, арабизм *хабар* «сообщение, новость» в современном карачаево-балкарском языке приобретает еще и другое значение, обозначая литературоведческий термин «рассказ». Лексема *хайыр* «добро, благо» же обозначает понятие «польза». Вместе с тем не ко всем заимствованиям он подходит достаточно квалифицированно. Так, он пишет, что «слово *ийман* «вера, религия» в таком виде в карачаево-балкарском языке не существует, но служит основой для образования целого ряда других слов» [Мизиев 1977: 105]. С этим мнением трудно согласиться без каких-либо оговорок. Данная лексема давно функционирует в языке в значении «вера, верование»: *Ала ийманлары бла ёлурге керек эдиле* (А. Теппеев) «Они должны были умереть в вере». Она употребляется и в переносном значении «совесть»: *Келинни ауузу болмаз, къайын ананы уа ийманы болмаз* (посл.) «У невестки нет языка, а у свекрови – совести», что подтверждается данными второго тома «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» [ТСКБЯ 2002: 85–86]. По подсчетам указанного выше автора, в карачаево-балкарском языке наличествует около четырехсот

лексем арабского происхождения, хотя он сам в своей работе оперирует лишь двумя десятками слов.

Известный языковед Б.Х. Мусукаев, изучая балкарско-кабардинские языковые связи, подробно останавливается на интегрирующей эти языки заимствованной лексике [Мусукаев 1984: 72–86]. Общие для них арабизмы он делит на следующие лексико-тематические группы:

- 1) лексика материальной культуры: *кебин* «саван», *межгит* «мечеть», *нал* «подкова», *сагъат* «часы», *табакъ* «тарелка», и т.п.;
- 2) термины, обозначающие родство: *ахлу* «родственник, родня», *сабий* «ребенок, дитя, младенец»;
- 3) зоонимы: *хайъуан* «скот, скотина, бестолковый»;
- 4) номинации природных явлений: *ажал* «смерть, смертный час», *нюр* «свет, сияние, луч, блеск», *сапыран* «желтуха, болезнь Боткина», *хауа* «воздух»;
- 5) лексика духовной культуры: *адеп* «приличие, добрый нрав, культура поведения», *акъыл* «ум, разум», *аманат* «оставленный на хранение, на чье-либо попечение», *билим* «знание, познание», *дерс* «урок», *макъам* «мелодия, напев», *насын* «счастье, участь, удел», *осуят* «завещание, завет», *хат* «почерк» и т.п.;
- 6) религионимы: *азан* «призыв к молитве», *ахырат* «загробный мир, тот свет», *жаннет* «рай», *жаханим* «ад», *жин* «джинн», *зикир* «религиозная песня» и т.п.;
- 7) лексем с абстрактными значениями: *берекет* «изобилие, обилие, достаток», *заман* «время, период, эпоха», *заран* «вред, убыток, ущерб», *палах* «несчастье, бедствие, беда», *ыразы* «довольный, удовлетворенный, согласный» и т.п.;
- 8) служебные лексем: *тоба* «возглас покаяния, сожаления», *ярабий* «восклицание, выражающее интерес или сомнение».

Персизмы, функционирующие в карачаево-балкарском и кабардино-черкесском языках, Б.Х. Мусукаев делит на четыре группы: а) термины материальной культуры (*базар* «базар, рынок», *сахтиян* «сафьян», *таба* «сковородка», *чарх* «колесо» и т.п.), б) отвлеченные понятия (*гёренке* «фунт», *жан* «живой, душа», *чомарт* «щедрый, великодушный» и т.п.), в) религионимы (*дин* «религия», *намаз* «намаз, моление» и т.п.), г) номинации флоры (*балли* «вишня», *пиринч* «рис», *чюгюндюр* «свекла», *шаптал* «персик»).

Автором не обойден вниманием и вопрос, связанный с фонетической адаптацией заимствованных арабизмов. В связи с этим им выделяются следующие три группы слов: а) арабизмы, которые подверглись адаптации в одинаковой степени как в карачаево-балкарском, так и в кабардино-черкесском языках; б) близкие к фонетической системе кабардино-черкесского языка слова; в) близкие к фонетической системе карачаево-балкарского языка слова [Мусукаев 1984: 104–107]. Он при этом приходит к правомерному выводу, что большое количество арабо-персидских заимствований проникло в языки народов Северного Кавказа через тюркское посредство. Хотя автором и проделана большая работа по лингвистической интерпретации арабизмов и персизмов, у него, на наш взгляд, есть и недочеты, которые выходят на проблему лексико-тематической таксономии заимствований, а также их семантическое освоение.

Значительный вклад в изучение заимствований внес и И.М. Отаров, который в своей монографии «Лексикология карачаево-балкарского языка» проводит системный поливекторный анализ арабизмов и персизмов в карачаево-балкарском языке [Отаров 1996: 56–69]. В этой работе автор представил целый ряд тематических групп арабских заимствований:

- а) лексем, связанные с государством и управлением: *жамауат* // *жамагъат* «сборище, сход, общество, общественность», *миллет* «нация, народ», *хукмат* «правительство» и др.;
- б) слова, связанные с наукой, культурой и образованием: *адабият* «литература», *дерс* «урок», *дефтер* «тетрадь», *китап* «книга», *харф* «буква», и др.;

в) религионимы: *ажал* «смерть, смертный час», *ахырзаман* «конец света», *бисмилляхи* «формула: во имя Аллаха», *дин* «религия», *ийман* «вера в бога, честь, совесть» и др.;

г) термины материальной культуры: *инжи* «бисер», *къатана* «бархат», *табакъ* «миска, тарелка», *хуржун* «карман» и др.;

д) адъективы, обозначающие различные качества: *ажайып* «удивительный, чудесный, поразительный», *асыл* «благородный, чистый, знатный», *закий* «одаренный, талантливый, пронизательный, смысленный», *факъыр* «бедный, нищий», *ырахат* «спокойный» и др.;

е) номинации различных абстрактных и конкретных понятий: *акъыл* «ум, разум», *дау* «иск, претензия», *келбет* «облик, образ, вид», *къап* «футляр, чехол», *нал* «подкова», *насийхат* «совет, наставление», *хал* «положение, состояние», *ышан* «признак, внешняя примета» и др.).

В этой работе приводятся и арабизмы, употребляющиеся в карачаево-балкарском языке в качестве антропонимов: *Азамат* «величие, слава», *Бахауатдин* «блеск веры», *Жамал* «красота, грация, прелесть», *Зубайда* «дар», *Масхут* «предмет зависти», *Рашит* «предводитель, ведущий», *Фатима* «отнятая от материнской груди», *Шамса* «солнечная» и т.п.

И.М. Отаровым тематически систематизированы и персидские заимствования, отражающие различные элементы материальной и духовной культуры: *гаммеш* «буйвол», *даража* «степень, сан, чин», *жау* «масло», *кямар* «пояс (женский)», *мажюсю* «язычник», *тузакъ* «ловушка, западня», *тукъум* «род, фамилия», *ыспас* «хвала» и т.п.

Им отмечены также фонетические изменения в области гласных и согласных, например, переходы типа: $a \rightarrow e$, $e \rightarrow a$, $e \rightarrow ы$, $o \rightarrow у$, $у \rightarrow ю$; $k \rightarrow x$, $x \rightarrow къ$, $f \rightarrow п$, $кк \rightarrow к$, $мм \rightarrow м$ и др.

В указанной выше работе автора наличествует и иллюстративный материал, выражающий различные семантические трансформации заимствованных из арабского и персидского языков слов, в частности, сужение, расширение и смещение их семантики, что свидетельствует о их глубоком семантическом освоении.

Заимствованной лексикой карачаево-балкарского языка специально занималась Л.Х. Мисирова. Наряду с заимствованиями из других языков она рассмотрела также арабизмы и персизмы. Она подробно остановилась на вопросах их фонетического освоения системой карачаево-балкарского языка, т.е. переходах гласных и видоизменениях согласных звуков: *адаб* (араб.) \rightarrow *адеп* (карач.-балк.) «хорошие манеры, правила поведения», *вагт* (араб.) \rightarrow *ууахты* (карач.-балк.) «время», *черагъ* (перс.) \rightarrow *чыракъ* (карач.-балк.) «лампа», *чогондор* (перс.) \rightarrow *чюгюндюр* (карач.-балк.) «свекла» и им подобные [Мисирова 2008: 12–13].

Рассматриваемый пласт лексики представлен и в научно-методических работах. Так, И.Х. Ахматов [Ахматов 1988: 18–19] пишет о том, что арабизмы, функционирующие в карачаево-балкарском языке, в основном относятся в первую очередь к субстантивной и адъективной лексике. Им приводятся следующие примеры: а) субстантивы: *азап* «мучение, страдание», *ахырат* «ад», *ууахты* «время, срок», *хакъ* «цена», *хамам* «баня», *шербет* «сладкий напиток» и т.п.; б) адъективы: *акъмакъ* «несообразительный, глупый», *жахил* «необразованный», *мискин* «бедный, жалкий» и т.п. Не обойдены вниманием и персидские заимствования, которые также обозначают в основном различные предметы и их признаки. К ним автор относит следующие лексемы: *багъа* «цена, стоимость; дорого; дорогой», *гетен* «брезент», *пиринч* «рис», *хаман* «постоянно, непрерывно», *чабакъ* «рыба», *бахча* «огород» и т.п. Даются и их персидские варианты: *бага* «цена, стоимость», *бахче* «палисадник, сад», *кэтан* «лен», *пэрэндж* «рис», *чапаг* «лещ», *хэман* «очень быстро, непрерывно». Приведенные лексемы проникли в язык весьма давно и воспринимаются его носителями как исконно карачаево-балкарские. Некоторые

из них в семантическом отношении трансформировались, а другие сохранили значения, присущие для языка-донора.

Арабо-персидские заимствования рассмотрены и в вузовском учебнике Ж.М. Гузеева [Гузеланы Ж.М. 1998: 186–189]. Его автором арабские заимствования подразделяются на следующие группы: а) конкретные и абстрактные субстантивы (*адеп* «воспитанность; вежливость, учтивость», *амал* «способ, метод; выход из положения, путь; возможность», *майдан* «площадь», *сурат* «картина, фотография», и др.); б) нарицательные и собственные имена существительные (*мектеп* «школа, здание», *устаз* «учитель», *харф* «буква»; *Абдул*, *Азрет*, *Алим*, *Хаким* и др.). Им отмечены также адъективные лексемы: *азат* «свободный», *аламат* «прекрасный», *кеф* «пьяный», *хазыр* «готовый» и т.п.

Персидские заимствования в указанном учебнике систематизируются по-другому:

а) слова, обозначающие продукты питания: *балли* «вишня», *жау* «масло», *шаптал* «абрикос», *шекер* «сахар», и др.;

б) слова, связанные с домашней утварью и хозяйством: *мамук* «вата», *мияла* «стекло», *челек* «ведро», *чыракъ* «лампа», *юлле* «трубка» и др.;

в) слова, обозначающие одежду: *бота* «плед», *тасма* «лента», *чарыкъ* «тапочка» и др.;

г) слова, связанные с торговлей: *анасы* «двадцать копеек», *дарман* «лекарство», *шай* «пять копеек» и др.;

д) названия животных: *къадыр* «мул», *суусар* «куница», *хораз* «петух», *чабакъ* «рыба» и др.;

е) слова религиозного характера: *гюнях* «грех», *намаз* «молитва», *файгъамбар* «пророк» и др.

В рассматриваемом учебнике Ж.М. Гузеев, ориентируясь на исследования таких лексикологов, как И.М. Отаров, говорит и о некоторых семантических сдвигах в заимствованных лексемах: 1) уменьшение количества значений многозначных слов, б) увеличение количества значений слов, в) приобретение словами других значений. Отмечены им и некоторые звуковые изменения в составе заимствованных лексем: сингармонизм (*дарман* – *дэрман*, *зыраф* – *исраф*), протеза (*ораза* – *рузе*, *ырахат* – *рахат*), эпентеза (*ибилис* – *иблис*, *къудурет* – *къудрет*), эпитеза (*фахму* – *фахм*, *илму* – *илм*) и др.

Указанная работа не лишена недочетов. Так, например, некоторые слова интерпретируются то как арабизмы, то как персизмы (*сапын* «мыло»). Арабизмы и персизмы систематизируются по различным признакам. Встречается некорректное представление семантических изменений. Например, по мнению автора учебника, полисемантическая арабская лексема *жума* подверглась семантическому сужению и употребляется в карачаево-балкарском языке в значении «байрым кюн (пятница)». Между тем в первом томе «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» [ТСКБЯ 1996: 939] данная лексема дефинируется как «молитва, совершаемая в мечети по пятницам», а понятие *байрым кюн* передается сочетанием *жума кюн*. Кроме того, *шаптал* интерпретируется и как «абрикос», и как «персик». Но в третьем томе указанного словаря [ТСКБЯ 2005: 972] эта лексема передается только как «абрикос». Носители языка персик обозначают сочетанием «тюклю шаптал». Отмечается также, что заимствования начинают подчиняться закону сингармонизма, но упускается из виду и обратное: некоторые арабизмы не подвержены этому закону (*тазир* «штраф», *китап* «книга» и др.).

Некоторые специалисты в области лексики карачаево-балкарского языка обращаются к арабским и персидским заимствованиям попутно, исследуя отраслевую терминологию. Так, А.А. Жаплуев посвятил специальную работу терминам земледелия, в которой приводит ряд арабских (*арба* «арба, телега», *мялк* «хозяйство, владение», *къарантил* «гвоздика», *мал* «скот») и персидских (*чюгюндюр* «свекла»,

принч «рис», *шантал* «абрикос», *харбыз* «арбуз») слов, относящихся к производственно-экономической терминологии [Жаппуев 1974: 15]. По его мнению, указанные слова были заимствованы в древнейшее время. Эти и другие заимствованные лексемы рассмотрены А.А. Жаппуевым и в другой работе [Жаппуев 1979: 65–67]. Проанализировав иллюстративный материал карачаево-балкарского языка, он приходит к выводу, что сельскохозяйственные термины арабского происхождения как отдельные слова малочисленны. Персидские же заимствования в большинстве своем представляют собой названия растений, плодов, а также продуктов, получаемых из них, названия специализированных участков земли, на которых выращиваются растения.

Арабские и персидские заимствования часто встречаются и в сфере зоонимов. По этому поводу Ш.А. Шаваева пишет, что по сравнению с другими лексико-семантическими группами слов, терминов арабского и персидского происхождения, обозначающих животных, в карачаево-балкарском языке мало. Ею приводится около двадцати наименований животных [Шаваева 2009: 8].

Наряду с другими вопросами лексикологии карачаево-балкарскими языковедами традиционно большое внимание уделяется и личным именам арабо-персидского происхождения. Такие слова исследовал Х.Ч. Джуртубаев. По его мнению, самую большую группу среди иноязычных антропонимов составляют заимствования из арабского языка, причиной чего является массовое их проникновение в карачаево-балкарскую антропонию благодаря принятию ислама карачаевцами и балкарцами [Джуртубаев 2004: 19]. Примерно такого же мнения придерживается и Б.Х. Мусукаев, который отмечает, что «выбор родителями имени ребенка в условиях господства любой религии, в том числе – мусульманской, был обусловлен глубоким проникновением в духовную жизнь народа идеи о добре и зле, связанной с религиозными догмами о земной и загробной жизни человека» [Мусукаев 2007: 47].

Большое количество мужских и женских арабо-персидских имен рассмотрел А.-М.Х. Батчаев [Батчаев 2008: 157–167]. Им предпринята попытка дать отдельные списки личных имен арабского и персидского происхождения. Однако ряд антропонимов он дает с пометой *ар.-фарс.*: *Сурат* «образ; картинка; картинная», *Сафиназ* «прямая, чистая», *Анвар* «помощник, сподвижник (пророка)», *Айвар* «красивый, как луна», *Мырза* «князь, господин, царевич» и др.

Б.Х. Мусукаевым выявлены и описаны топонимы (*Азан сырты*, *Ашамииш оба*, *Деука обасы*, *Капыр шауданла*, *Къалын обала*, *Межгит дорбун*, *Шайтан суу* и т.п.), сопряженные с мусульманской религиозной символикой, которых не так много. По всей видимости, это связано с тем, что ислам в Балкарии утвердился относительно недавно [Мусукаев 2008: 92–96].

Арабские и персидские заимствования подвергаются анализу также в работах, посвященных изучению языка и стиля некоторых карачаевских поэтов и писателей. А.-М.Х. Батчаев дал толкование около двадцати арабизмов и персизмов, функционирующих в романе Х. Аппаева «Къара кюбюр» и в поэзии карачаевского поэта А. Ургенова [Батчаев 2008: 125–157]: *аба* «название шерстяной одежды в виде плаща», *ассы* «1) восставший, неповинующийся, непокорный; 2) повстанец; 3) грешный, грешник», *аптиек* «введение в изучение мусульманского богословия», *гюнах* «грех, проступок», *хаджи* «человек, совершивший паломничество в г. Мекку» и др.

Некоторые аспекты арабских и персидских заимствований в карачаево-балкарском языке были освещены и в ряде научных статей лингвиста молодого поколения Р.А. Хаджиева. Им скрупулезно рассматриваются следующие проблемы: 1) функционирование арабских и персидских заимствований в карачаево-балкарских паремиях [Хаджиев 2010а]; 2) функционирование арабских и персидских заимствований в карачаево-балкарских фразеологических единицах [Хаджиев 2010б];

в) семантическая классификация арабизмов и фарсизмов [Хаджиев 2012а]; е) религиозная терминология [Хаджиев 2012б].

Арабизмы и персизмы, функционирующие в карачаево-балкарском языке, еще не подвергались должной лексикографической обработке, как это делается специалистами в других тюркских языках. Например, составители «Толкового словаря башкирского языка» [1993] предусмотрели пометы *ғәр.* (арабское слово), *фарс.* (персидское слово), чего не сделано составителями «Толкового словаря карачаево-балкарского языка». Здесь необходимо лишь отметить «Словарь природы» С.С. Ахматовой [Ахматова 2009], в который помещен ряд арабизмов с толкованиями, не в полной мере отвечающими сложившейся лексикографической практике.

На современном этапе наблюдается расширение аспектов изучения арабо-персидских заимствований. Так, появляются работы, в которых арабизмы и персизмы рассматриваются в составе этнографической лексики [Аппоев 2003], в сфере интерперсональных отношений [Кетенчиев и др. 2018] и космонимов [Abdullina et al. 2017]. Имеются попытки их лингвокультурологической интерпретации [Ахматова, Кетенчиев 2018].

Следует отметить и тот факт, что интерес к арабо-персидским заимствованиям проявляется и в научных трудах литературоведов, занимающихся проблемами религиозной культуры [Биттирова 1999], а также духовной литературы, рассматриваемой как фактор сохранения национальной идентичности [Узденова 2018; Vetuganova et al. 2019].

Таким образом, как видно из проанализированного выше фактологического материала, арабские и персидские заимствования занимают важное место в системе карачаево-балкарского языка. Они подверглись многоаспектному скрупулезному анализу в научных трудах карачаево-балкарских филологов. Тем не менее такого рода заимствования все еще имеют перспективы для дальнейшего лингвистического исследования, что связано не только с традиционными подходами к их изучению (установление исчерпывающего реестра заимствованных слов и составление словарей различных типов, их фонетическое, семантическое и грамматическое освоение карачаево-балкарским языком), но и современной антропоцентрической парадигмой науки о языке, ориентированной на междисциплинарные научно-теоретические изыскания.

Источники и литература

1. Аппоев А.К. Этнографическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2003. 23 с.
2. Ахматов И.Х. Лексика карачаево-балкарского языка в сравнительном отношении. Конспект лекций. Нальчик, 1988. 28 с.
3. Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б. Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 2 (30). С. 57–64. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64.
4. Ахматова С.С. Словарь природы: Карачаево-балкарско-русский и русско-карачаево-балкарский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2009. 144 с.
5. Батчаев А.-М.Х. Слова... и чувства, и мечты (статьи, очерки, стихотворения, рассказы). Черкесск, 2008. 253 с.
6. Биттирова Т.Ш. Религиозная культура и литература карачаево-балкарцев. Карачаевск: КЧПУ, 1999. 66 с.
7. Будаев А.Ж. Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. Нальчик, 1973. Вып. 7. С. 302–327.
8. Башкорт теленең һүзлеге: Ике томда. М.: Русский язык, 1993 (I том – 861 б., II том 814 б.).
9. Гузеланы Ж.М. Бусагъатдагы къарачай-малкъар литература тил. 1-чи кесеги. Нальчик: Эльбрус, 1998. 304 б.

10. Джуртубаев Х.Ч. Лексический состав и семантические типы карачаево-балкарских антропонимов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2004. 22 с.
11. Жантуев А.А. Термины земледелия в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 30 с.
12. Жантуев А.А. Заимствованная и общетюркская земледельческая терминология карачаево-балкарского языка // Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка. Вып. 1. Нальчик, 1979. С. 65–84.
13. Кетенчиев М.Б., Додуева А.Т., Девеева А.А. Вербализация семьи в карачаево-балкарском фольклоре // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С. 81–84.
14. Мизиев К.А. Об арабских заимствованиях в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 100–106.
15. Мисирова Л.Х. Заимствования в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2008. 23 с.
16. Мусукаев Б.Х. Балкарско-кабардинские языковые связи. Нальчик: Эльбрус, 1984. 128 с.
17. Мусукаев Б.Х. Очерки балкарской ономастики. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2007. 171 с.
18. Мусукаев Б.Х. Мусульманская религиозная символика в топонимии Балкарии // Семантика языковых единиц: Сборник научных статей кафедры балкарского языка КБГУ, посвященный 70-летию со дня рождения профессора И.Х. Ахматова. Нальчик, 2008. С. 92–96.
19. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1996. 220 с.
20. ТСКБЯ 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. I А-Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1016 б.
21. ТСКБЯ 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. II З-Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1168 б.
22. ТСКБЯ 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. III С-Я. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1157 б.
23. Узденова Ф.Т. Духовная литература как фактор сохранения национальной идентичности // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36). С. 111–113.
24. Хаджиев Р.А. Функционирование арабских и персидских заимствований в составе карачаево-балкарских паремий // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии: Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. Нальчик, 2010а. С. 162–167.
25. Хаджиев Р.А. Функционирование арабских и персидских заимствований в составе фразеологизмов карачаево-балкарского языка // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии: Сборник статей к 70-летию Ж.М. Гузеева. Нальчик, 2010б. С. 168–173.
26. Хаджиев Р.А. Лексико-тематическая таксономия арабизмов и фарсизмов в карачаево-балкарском языке // Наука и устойчивое развитие: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Нальчик: Изд-во Принт-Центр, 2012а. С. 220–221.
27. Хаджиев Р.А. Религиозная терминология в карачаево-балкарском языке (на материале авторской поэзии) // Дагестанская литература: история и современность. Выпуск VI. Материалы всероссийской научно-практической конференции «К проблеме нового прочтения и осмысления национальных литератур народов Кавказа» (История литератур народов Кавказа: новое прочтение, новое осмысление), посвященной 80-летию со дня рождения А. Абу-Бакара. Махачкала: ДГПУ, 2012б. С. 133–135.
28. Хаджилаев Х.-М.И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970. 160 с.
29. Шаваева Ш.А. Зоонимическая лексика карачаево-балкарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 2009. 23 с.
30. Abdullina G.R., Gadziakhmedov N.E., Ketenchiev M.B., Nasipov I.S. Cosmonyms in turkic languages (linguistic analysis) // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2017. Т. 7. № 9.1. P. 208–213.
31. Betuganova Y.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M. Problem of National Identity and Ways of its Resolution in Works of Adyghe and Karachay-Balkarian Authors // Tarih kultur ve sanat arastirmalari dergisi-journal of history culture and art research. 2019. Т. 8. № 2. P. 660–670.

LINGUISTIC INTERPRETATION OF ARABISMS AND PERSISMS IN THE KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

Appoev Alim Kanshauovich, orcid: 0000-0002-2654-8555, Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher of the Karachay-Balkarian Language Sector, Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Scientific Center Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», (Nalchik, Russia), appoev74@mail.ru

Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich, orcid: 0000-0002-1656-8368, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Karachai-Balkarian Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov», (Nalchik, Russia), ketenchiev@mail.ru

This article is devoted to one of the topical problems of the lexicology of the Karachai-Balkar language, in particular, to Arabic and Persian borrowings. The paper provides a critical analysis of the scientific works of Karachai-Balkarian authors (I.Kh. Akhmatova, A.-M.Kh. Batchaev, A.Zh. Budaev, Zh.M. Guzeev, Kh.Ch. K.A.Miziev, B.Kh. Musukaev and others), associated with the study of such aspects of the lexicon borrowed from the Arabic and Persian languages as the identification and lexical-thematic classification of borrowings, their phonetic, semantic and grammatical development by the Karachay-Balkarian language system ... It is shown that the aforementioned linguists in the study of borrowed vocabulary operate with traditional methods and techniques of structural linguistics, which are relevant for the Turkic linguistics of the 70–80s of the twentieth century. It was revealed that a number of borrowed lexemes need a clearer linguistic interpretation, primarily from the point of view of semantics and functional-grammatical characteristics. The main characteristics of Arabisms and Persisms, identified in special linguistic studies, are established. The analyzed material shows that the vocabulary of the Karachai-Balkarian language is not a closed system; during its existence, it has been replenished with many foreign words, which is determined by intensive contacts between different countries and peoples, the development and expansion of international and interethnic relations in various spheres of society. In addition, the prospects for further multivector analysis of Arabic and Persian borrowings have been identified, which is associated with the modern paradigm of linguistics.

Keywords: Karachay-Balkar language, vocabulary, Arabisms, farcisms, linguistic interpretation.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-42-50

**ГЪЭПСЫКИЭ ЗЭХЭЛЬ ЗИЭ ЛЪАБЖЬЭПЭХЭМРЭ
ЛЪАБЖЬЭУЖЬ –КІ-МРЭ ЛЭЖЬЫГЪЭЦІЭ КІЭУХЫМ КЪЫЩАГЪЭХЪУ
АБЛАУТХЭМ ЯГЪЭЗАЩІЭ КЪАЛЭНХЭР**

Дзыгъуанэ Ритэ Хьбалэ ипхъу, orcid.org/0000-0003-0684-7600, филологие щіэныгъэхэмкІэ доктор, адыгэбзэ секторым и щіэныгъэ лэжыакІуэ пашэ, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет щіэныгъэ ІуэхущІапІэ «Урысейм щіэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкър щіэныгъэ центр» Федеральнэ щіэныгъэ центрым» и филиал (Налшык, Урысей), dzug.rita@yandex.ru

Лэжыгъэр теухуащ лъабжъэпэ зэхэлхэр пыувзурэ къэхъуа лэжыгъэцІэ гупым лъабжъэужь –кІ шыыхьэкІэ лъабжъэ кІэухым къыщыхъу макъзэблэхъухэм ягъэзащІэ къалэнхэм. Езы лъабжъэпэхэр тІууэ е нэхьыбэу щІызэхыхьэм и щхъэусыгъуэр щІыпІэ, лъэныкъуэ ягъэлягъуэхэр нэсу ягъэнаІуэн папщІэщ. Адыгэбзэ лэжыгъэцІэм лъабжъэпэ зэхэлху хэтыр псори мы лэжыгъэм щытхузэщІэкъуэнутэкъыми, нэхьыбэрэ бзэм къыщагъэсэбэп гуп къыхэтхаш. А гупыр бзэм къызэрыщыкІуэ елыгтакІэ бгуэш хъунуш: лъабжъэужь –кІ ямыгъусэу къакІуэ лэжыгъэцІэхэрэ ар хэмыту псалъэр ухуа щымыхъу гупхэу. Превербхэм я закъуэ лэжыгъэцІэ къыщагъэхукІэ, лъабжъэ кІэухым *ы:*э макъзэблэхъу щыдиІэщ – лэжыгъэр зыгуэрэм бгъэдыхъуэ, екІуалІуэ кыигъэлягъуэу. Ауэ лъабжъэужь –кІ щыпыувэкІэ къэхъу *э:*ы аблаут лэужыгъуэм лэжыгъэр адэкІэ ІукІыу мыхьэнэ хельхъэ. Хьлэмэтагъ зэхуэмдэ куэд зэрагъэлягъуэм къыхэкІуэ лэжыгъэм лъабжъэгъусэхэм зырызурэ дащыкІэлоплъыр.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: макъзэблэхъухэр, лъабжъэпэ, лъабжъэужь, лэжыгъэцІэ, къэбэрдей-шэрджэсыбзэ, аблаут.

Адыгэбзэ лэжыгъэцІэм псалъэщІ лъабжъэпэхэм увыпІэшхуэ щаубыд. Ахэр бзэм щагъэзащІэ къалэнкІи, я бжыгъэкІи, я мыхьэнэкІи лъабжъэужьхэм куэдкІэ йобэкІ. ЩІыпІэ мыхьэнэ ягъэлягъуэхэм нэмыщІкІэ лъабжъэпэхэм лэжыгъэцІэ зыхыхьэхэм я щхъэ бжыгъэхэм хагъахъуэ. Лъабжъэ кІэухым къыщагъэхъу макъзэблэхъум лэжыгъэр щекІуэкІ лъэныкъуэр егъэнаІуэ. Лъабжъэужь –кІ-р превербхэм я дэІэпыкъуэгъуу къокІуэ. Ар зыхыхьэ псалъэпкъми нэгъуэщІ аблаут лэужыгъуэ къыщохъу, лэжыгъэр зыгуэрэм пыІукІуэту, бгъэдэкІыу кыигъэлягъуэу.

Мы лъабжъэгъусэхэр зыхыхьэ псалъэпкъхэм я ухуэкІэми, абыхэм я мыхьэнэхэми елыгтауэ бзэм гъэщІэгъуэнагъ куэд хыдолъагъуэ. Абыхэм зырызурэ дакІэлышпльынщ.

1. ЩІыпІэ къэзыгъэлягъуэ превербхэу *нэ-мрэ нэры-мрэ* мыхьэнэкІэ зокІуалІэ [4: 174]. Мы лъабжъэпэхэр зэрызэгъунэгъум шэч хэлькъым, ауэ зэщхэщыкІыныгъэ гуэрхэри яІэщ.

1) Преверб *нэры-мрэ* лъабжъэужь *кІ-мрэ* зыхыхьэ лэжыгъэцІэхэм лъабжъэ кІэухым *э:*ы макъзэблэхъу къыщыхъум лэжыгъэр здэгъэза лъэныкъуэр ехъуэж, превербкІэ къэхъуа лэжыгъэцІэмрэ лъабжъэгъуситІри зыхэт лэжыгъэцІэмрэ мыхьэнэ зэпэщІэуэ яІэ мэхъу. Щапхъэ: *нэры-лътэ-н* (зыщІыпІэ лъэтауэ пэрыхьэн, бгъэдэлъэтэн), ауэ *нэры-лъты-кІы-н* (зыщІыпІэ лъэтауэ пэрыкІын, бгъэдэлъэтын). Мыбдеж къыхгъэщыпхъэщ, лъабжъэужь –кІы-р хэмытуи, *э:*ы макъзэблэхъукІэ лэжыгъэр здэгъэза лъэныкъуэр хъуэжа хъууэ зэзэмызи узэрырихьэлІэр: *нэры-лъты-н = нэры-лъты-кІы-н*.

2) Превербым и заквэ лэжыггэр щеклуэкл щыпнэр нэсу щыхуэмыгэналуэм, льябжьэужьымрэ э:ы аблаутымрэ дэлэпыктуэггэу мэху. Щапхэ: *пэры-увэ-н* (зыщыпнэ гьунэггэу пэрыхэн, бггэдэувэн), ауэ *пэры-увы-кы-н* (зыщыпнэ пэрыкын, бггэдэкын).

3) Льябжьэпэ зэ- дызыкэлгыплэ лэжыггэцлэ гупым кьящыпыувэклэ *гушыныггэ* мыхэнэ хелхэ. Щапхэ: *зэ-пры-вы-кы-н* (зыгуэр, п.п., гьуэгур, зэпрыкыу вэн); *зэ-пры-шхы-кы-н* (зыгуэр и кум хуэзэу зэпрыгуэ шхын); *зэ-пры-тлы-кы-н* (зыщыпнэ зэпрыкыу тын), н.кв. Шэрджэс псалэпкэм мы льябжьэпэм зэзыпх *-р-* дэмыту кыщоклуэ: *зэ-пы-хулы-кы-н* (псэуалгэ гуэр тлу ищыкын, зэпрычын мыхэнэ илэу). Щапхэ: *Мылыфыщхэ гьуабжэ зытель унэ тлэклуэ пэшиитл хуэдэу зэпыхулыклати, зым цлалэр шиэри я пхэ гьуэлгыпнэ лэрыцлым ириггэгьуэлхэац* [1: 23]. Кьэбэрдей псалэпкэм а мыхэнэ дьдэр кыггэлыггэуэн папшлэ, каузатив *ггэ-* лэжыггэцлэм кыхохэ: *зэ-пры-ггэ-лы-кы-н* [3: 93].

4) Лэжыггэцлэ льябжьэм кыпыувэ льябжьэггусэхэм щхэ бжыггэм хаггэхуэ. Псалгэм папшлэ: *ар мэлгэтэ* (зы щхэ зилэ лэжыггэцлэ льямылэсц), ауэ *ар абы пэро-лэты-кл* (щхытл зилэ лэжыггэцлэ льямылэсц).

2. Преверб *нэцлэ-*мрэ льябжьэужь *кы-*мрэ зэхыггэу кьэху лэжыггэцлэхэм я бжыггэр куэд дьдэ хуркыым. Абы и щхэусыггэуэр зи гуггэу тщы льябжьэггусэхэр щылэцлэ, плыфэцлэ псалэпкэхэм зэрапымыувэр араш. Апхуэдэу щытми, ахэр лэжыггэцлэ льялэсми, льямылэсми кыщоклуэ.

1) Льябжьэггусэ *нэцлэ-*мрэ льябжьэужь *кы-*мрэ лэжыггэр зыгуэрым *и гупэм, и пащхэм* зэрыщеклуэкыр кьяггэлыггэуэ. Льябжьэ клэухым кыщыхуэ э:ы макггэблэхум лэжыггэр щеклуэкл льяныктуэр еггэналуэ. Щапхэ: *нэцлэ-уклурийэ-н* (уклурийуэ зыгуэрым и гупэм, и пащхэм ихуэн), ауэ *нэцлэ-уклурийы-кы-н* (уклурийуэ зыбггэдэтам пэлэцлэ хьун).

2) Зэхэлг гьэпсыклэ зилэ мы лэжыггэцлэ гупым льябжьэггусэхэр щызэпхауэ, зэмыггусэу кьямыктуэуи уащрохэллэ. Апхуэдэхэм деж превербми льябжьэужьми яггэзашлэ кьалэнхэр налуэ мэху. Псалгэм папшлэ: *нэцлэ-тлы-кы-н* (зыгуэрым и пащхэр щлэтыкын). Преверб *нэцлэ-*м кьяггэлыггэуэ лэжыггэр зыгуэрым *и гупэм, и пащхэм* кызырэщыхур, льябжьэужь *-кы-*м лэжыггэр дггэзэ льяныктуэр еггэналуэ.

3) Дызыкэлгыплэ льябжьэггусэхэм кьяггэхуэ лэжыггэцлэхэм объект мыблаггэм (жыжгэм) и щхэ кьяхохуэ. Щапхэ: *ар мэджэрэз* (зы щхэ зилэ лэжыггэцлэ льямылэсц), ауэ *ар абы нэцло-джэрэзы-кл* (щхытл зилэ лэжыггэцлэ льямылэсц).

3. Щыпнэ льябжьэпэ *кыуэцлы-*мрэ льябжьэужь *-кы-*мрэ псалэпкыым пыувэу кьэху лэжыггэцлэхэр гупышхуэ хуркыым, ауэ апхуэдэ лэжыггэцлэ льялэсхэри, льямылэсхэри щылэсц.

1) Льябжьэпэ *кыуэцлы-*мрэ льябжьэужь *-кы-*мрэ лэжыггэр зыгуэрым *и кум, и кыуэцлым* кызырэщыхур кьяггэлыггэуэ. А щыклэм тегу кьэхуэ лэжыггэцлэхэм льябжьэ клэухым макггэблэхуэ э:ы кыщыхуэм лэжыггэр дггэзэ льяныктуэр ехуэж, кыздиклэмклэ иггэзэжу. Щапхэ: *кыуэцлы-бзэхэ-н* (зыщыпнэ кыуэцлыггэпщкыуа хьун), ауэ *кыуэцлы-бзэхы-кы-н* (зыщыпнэ кыуэцлыкыуэдыкын).

Каузатив льябжьэпэ *ггэ-* апхуэдэ псалэпкыым щыпыувэм э:ы макггэблэхум зыхуэжкыым, ауэ лэжыггэцлэм льялэс мыхэнэ илэ мэху, и щхэ бжыггэми хохуэ: Щапхэ: *ар мэджэрэз* (зы щхэ зилэ лэжыггэцлэ льямылэсц), *ар абы кыуэцло-джэрэзэ* (щхытл зилэ лэжыггэцлэ льямылэсц), ауэ *абы ар абы кыуэцле-ггэ-джэрэзэ* (щхыщ зилэ лэжыггэцлэ льялэсц). Щапхэ: *Дауэ мыгузавэнрэ (Софят) – жэцхэр сьт хуэдэу кыфл, губггэу гьунапкггэниэм нэм кыуэцлэбэр цыплгаггуркыым... шу ерухэр кьэсыниц, имыщлэххэу пцацэр цлаклуэм кыуэцлаггэджэрэзэници ваггэуэижу ежггэжыниц...* [13: 78].

2) Дызыкэлгыплэ льябжьэггусэхэр лэжыггэцлэ льямылэсхэм нэхыбэу кыщоклуэ. Щыпнэ превербхэр псалэпкыым щыпыувэклэ, нэггэуэщлэ аблаут

лIэужыгъуэ лъабжьэ кIэухым кыщохуэ – ы:э : кIуэцIы-кIуэдэ-н (зыщIыпIэ, зыгуэрэм и кум щыкIуэдын), (еплъ: *кIуэды-н*).

3) Мы лэжыгъэцIэ гупым язэхуэдэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ лъабжьэпэ зэ-щапывэкIэ, щхьэ куэд зиIэ лэжыгъэцIэм объект мыблагъэм и щхьэр фIокIуэд: щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэм зы щхьэ иIэ мэхуэ, щхьищ зиIэм – щхьитI иIэ мэхуэ. Щапхьэ: *ар абы кIуэцIо-джэрэзы-кI* (щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ), ауэ *ар зэ-кIуэцIо-джэрэзы-кI* (зы щхьэ зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ).

4. ЩIыпIэ лъабжьэпэ *кIуэцIры*-мрэ лъабжьэужь –*кIы*-мрэ зыхыхьэу къэхьуа лэжыгъэцIэ гупым щхьэхуэныгъэ хэха яIэщ. А лъабжьэгъусэхэр лэжыгъэцIэм щызэпхаш, зэмыгъусэу къакIуэркъым, лъабжьэ кIэухми кыщыхуэ э:ы макъзэблэхум зихьэужкъым.

1) ЩIыпIэ превербым зы щIыпIэ гуэрэм *пхыкIын* мыхьэнэ къыгъэлыагъуэмэ, лъабжьэужь –*кIы*-мрэ лэжыгъэцIэ лъабжьэ кIэухым кыщыхуэ макъзэблэхуэ э:ы-мрэ лэжыгъэр здэгъэза лъэныкъуэр ягъэналуэ. Щапхьэ: *кIуэцIры-къуты-кIын* (зыгуэрэм и кур къутэн, къутэурэ кIуэцIрыхын) (еплъ: *къутэ-н*). Щапхьэ: *АрицхьэкIэ, зэцIэувыIыкIыу цыдалуэм, зэхихащ мэзыр кIуэцIрикъутыкIыу* къуэ *псыхьэмкIэ дэкIуей псэуцхьэ гуэрэм и Iэуэлыауэ макъыр* [9:49].

2) ЩIыпIэ преверб *кIуэцIры*-мрэ лъабжьэужь –*кIы*-мрэ лэжыгъэцIэм и щхьэ бжыгъэм объект мыблагъэм и щхьэр къыхагъахуэ. Щапхьэ: *абы ар ещI* (щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсщ), ауэ *абы ар абы кIуэцIре-цIы-кI* (щхьищ зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсщ).

5. ЩIыпIэ превербхэу *кIуэцIры*-мрэ *пхры*-мрэ мыхьэнэки, дистрибуцэ и лъэныкъуэкIи зэгъунэгъущ. Ахэр лъабжьэужь –*кIы* пыувэурэ къагъэхуэ лэжыгъэцIэхэм щызэпхаш.

1) Зи гугъу тщIы лъабжьэпэхэр зыхэт лэжыгъэцIэ псалъэпкъым лъабжьэужь –*кIы* пыувэу къэхьуа гъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ лэжыгъэцIэхэр синонимэгъу щызэхуэхуэи щыIэщ, зыгуэрэм *кIуэцIрыкIын*, *пхыкIын* мыхьэнэ къагъэлыагъуэу. Щапхьэ: *кIуэцIры-угъуэны-кIы-н = пхры-угъуэны-кIы-н* (зыгуэр зэпрыуэу гъуанэ щIын); *кIуэцIры-фы-кIы-н = пхры-фы-кIы-н* (зыгуэрэм кIуэцIрыкIыу, зэпхыкIыу кууэу хыхьэу фын) н. къ.

2) ЩIыпIэ лъабжьэпэхэу *кIуэцIры*-мрэ *пхры*-мрэ синонимэгъу зэрызэхуэхур мыхьэнэ лэжыгъэцIэм халъхьэ къудейм и закъуэкъым, атIэ ахэр дистрибуцэ и лъэныкъуэкIи зэгъунэгъущ. Псалъэм папщIэ, лъэныкъуэ къэзыгъэлыагъуэ преверб *къ-* дызыкIэлыплъ лэжыгъэцIэхэм шахыхьэкIи зэхуэдэу мыхьэнэ яхельхьэ. НэгъуэщIу жыпIэмэ, зи гугъу тщIы лъабжьэгъусэхэм лэжыгъэр *адэкIэ* IукIыу къагъэлыагъуэмэ, преверб *къы-м мыдэкIэ* къыгъээжу къегъэлыагъуэ. Щапхьэ: *кIуэцIры-тIы-кIы-н = пхры- тIы-кIы-н* (кIуэцIрыкIыу тIын, къэптIурэ пхыкIын), ауэ *къы-кIуэцIры-тIы-кIы-н = къы-пхры-тIы-кIы-н* (къэптIурэ мыдэкIэ къыпхыкIын, къы-кIуэцIрыкIын); *кIуэцIры-сы-кIы-н = пхры-сы-кIы-н* (зыгуэр исурэ адреи лъэныкъуэмкIэ пхыкIын), ауэ *къы-кIуэцIры-сы-кIы-н = къы-пхры-сы-кIы-н* (зыгуэр исурэ мыдрей лъэныкъуэмкIэ къыпхыкIын). Щапхьэ: *Лъакъуэ лъэныкъуэмкIэ пкIэуэ, (Музэриф) и лъэдакъэ кIуэцIрисыкIам епхьэурэ гъуахьэу хьэсэр къефыхь, къыщыцIари тэмэму къыхуэмыщIауэ* [9: 86]. Зэхуеплъ щапхьэхэм: *Дэп жьэражьэти, цIалэ цIыкIум и куэцIыр пхрысыкIащ* [2: 24].

3) ЩIыпIэ къэзыгъэлыагъуэ превербхэр лъабжьэужь –*кIы* я гъусэу лэжыгъэцIэ псалъэпкъхэм щапывэкIэ, объект мыблагъэм и щхьэр къахохуэ. Щапхьэ: *ар мэуц* (зы щхьэ зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ), ауэ *ар абы кIуэцIро-уцы-кI// пхро-уцы-кI* (щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ).

4) ДызыкIэлыплъ лъабжьэпэхэр дистрибуцэ и лъэныкъуэкIэ щызэщхьэщыкI щыIэщ. Псалъэм папщIэ, япэрауэ, лъабжьэпэ *пхры-кIэ* къэхьуа лэжыгъэцIэ гупым язэхуэдэныгъэ къэзыгъэлыагъуэ лъабжьэпэ зэ-къапыувэмэ, лъабжьэпэ *кIуэцIры-* зыпыувэ лэжыгъэцIэхэр абы ещхькъым. Щапхьэ: *зэ-пхры-шхы-кIы-н* (зэпрыгъуанэу шхын), ауэ *зэ-кIуэцIры-шхы- кIы-н* жаIэркъым. Е, *зэ-пхы-дэлу-кIы-н*

(фЫуэ зэхихын папшЦэ щэху зищЦауэ дэГуэн, зэщЦэдэГукЫн), ауэ зэ-кГуэцЦры-дэГу-кЫ-н жаГэркЫм. Щапхьэ: *ЗэпхьэдэГукИмэ (Гуацэ)*, зэхех кхьухьыпцым и псалъэмакь, *Сыхьум кьалэКэ дыхьэн зэрыхуейм теухуауэ зыгуэрэм унафэ хуицЦу* [8: 43].

Зэрынэрыльагьуши, язэхуэдэныгьэ кьэзыгьэльагьуэ льябжьэпэ зэ-зыпыуэвэ лэжыгьэцЦэм объект мыблагьэм и щхьэр фЦокЦуэд.

6. ЩыпЦэ преверб *кЦэры*-мрэ лъэныкьуэ льябжьэужь -*кЫ*-мрэ нэхьыбэу кьыщыкЦуэр лэжыгьэцЦэ лъэлэсхэрц. Апхуэдэу кьэхьуа лэжыгьэцЦэхэм зыгуэрэм и *джабэм*, и *бгьум* и гьунэгьуу лэжыгьэр зэрыщекЦуэкЦыр кьагьэльагьуэ.

1) ЩыпЦэ льябжьэпэ *кЦэры*-м и закьуэ лэжыгьэцЦэ кьышигьэхьукЦэ, *ы:э* аблаут льябжьэ кЦэхым кьыщыхьум лъэныкьуэ (*мыдэКэ кьакЦуэу*) гьэльагьуэныр и кьалэн мэхьу. Щапхьэ: *кЦэры-уцЦы-н* (ебупцЦурэ зыгуэр зыщЦыпЦэ кЦэрыгьэхуэн, кЦэрыгьэпцЦэн) (епль: *уцЦы-н*). ДызыкЦэлыпль лэжыгьэцЦэхэм льябжьэужь -*кЫ*-р шапыувэкЦэ, льябжьэ кЦэхым кьыщыхьу *э:ы* макьзэблэхьумрэ абырэ лэжыгьэр здэгьэза лъэныкьуэр (*адэКэ кЦуэу*) яхьуэж. Апхуэдэу кьэхьуа лэжыгьэцЦэхэм мыхьэнэ зэпэцЦуэу яГэ мэхьу. Щапхьэ: *кЦэры-уцЦы-кЫ-н* (зыщЦыпЦэ кЦэрыгьэпцЦа гуэр кЦэрыхын).

2) Зи гугьу тщЦы лэжыгьэцЦэ гупыр кьызэрыхьу льябжьэгьусэхэр нэхьыбэм зэпхаш морфологии и лъэныкьуэкЦэ. Щапхьэ: *кЦэры-тЦэты-кЫ-н* (зыщЦыпЦэ кЦэрыпхуауэ щытар кьэтЦэтауэ хуит щЦын) (епль: *тЦэтэ-н* – пха, зэрыдза гуэр зэрыхын).

3) Лъэныкьуэ кьэзыгьэльагьуэ льябжьэпэ *кь*-м, дызыкЦэлыпль лэжыгьэцЦэ гупым шапыувэкЦэ, и мыхьэнэр фЦокЦуэд. Апхуэдэу кьэхьуа лэжыгьэцЦэхэр синонимэгьу зэхуохьу. Щапхьэ: *кьы-кЦэры-тхьунцЦы-кЫ-н* = *кЦэры-тхьунцЦы-кЫ-н* (зыгуэр птхьунцЦурэ зыгуэр кьыкЦэрыгьэкЦын).

4) ЛэжыгьэцЦэ лъэмылэсхэм дызыкЦэлыпль льябжьэгьусэхэр щахыхьэкЦэ языныкьуэхэм деж лъэлэс мыхьэнэ яГэ мэхьу. Щапхьэ: *ар абы кЦэро-бзайэ* (щхьитЦэ зиГэ лэжыгьэцЦэ лъэмылэсц), ауэ *абы ар абы кЦэре-бзейы-кЦэ* (щхьищ зиГэ лэжыгьэцЦэ лъэлэсц).

7. ЩыпЦэ льябжьэпэ *цхьэщы*-мрэ льябжьэужь -*кЫ*-мрэ псалъэпкьым пыуэу кьэхьу лэжыгьэцЦэхэр гупышхуэ хьуркьым, ауэ ахэр лэжыгьэцЦэ лъэлэсхэми, лъэмылэсхэми кьыщокЦуэ. Кьумахуэ М. I. и кьэхутэныгьэхэм кьызэрыхэщымкЦэ, льябжьэпэ *цхьэщы*-р *цхьэ* щыЦэцЦэрэ *щы*-превербу зэхэтц икЦи адыгьэбзэхэм зэдай лексикэм хохьэ [5: 226–227]. Мы льябжьэпэм лэжыгьэр зыгуэрэм и *цхьэмкЦэ*, и *цхьэщыгумкЦэ* кьызэрыщыхьур кьегьэльагьуэ, аблаут лЦужьыгьуитЦэ кьыгьэхьумрэ льябжьэужьымрэ лэжыгьэр здэгьэза лъэныкьуэхэр ягьэнаГуэ.

1) Преверб *цхьэщы*-м и закьуэ лэжыгьэцЦэ кьышигьэхьукЦэ, льябжьэ кЦэхым кьыщыхьу *ы:э* аблаутым лэжыгьэр *мыдэКэ* кьызэрыгьэзар егьэльагьуэ. Щапхьэ: *цхьэщы-укЦурийэ-н* (укЦурийуэ зыгуэрэм и щхьэщыгум ихуэн). Льябжьэужь -*кЫ*-р апхуэдэ лэжыгьэцЦэм щыпыувэкЦэ нэгьуэщЦэ аблаут лЦужьыгьуэ диГэщ: *э:ы* – лэжыгьэр щекЦуэкЦэ лъэныкьуэми зехьуэж, *адэКэ кЦуэу*. Щапхьэ: *цхьэщы-укЦурийы-кЫ-н* (укЦурийуэ зыгуэрэм щхьэщыхун, ехуэхын).

2) Дызытепсэлыхь лэжыгьэцЦэ гупым льябжьэгьусэхэр зэпхуауэ, зыми закьуэу псалъэпкьым пымыуэу нэхьыбэрэ кьокЦуэ. Апхуэдэхэм деж льябжьэгьусэхэм щхьэж и кьалэныр ЦупцЦу кьыхош. Щапхьэ: *цхьэщы-лъэщЦы-кЫ-н* (зыгуэрэм и щЦылум телъ гуэр лъэщЦурэ техын, Цухын). Зэрынэрыльагьуши, превербым и *щЦыгумкЦэ*, и *цхьэмкЦэ* щЦыпЦэр егьэльагьуэ, льябжьэужьымрэ аблаутымрэ – *Цухын*, *адэКэ техын* мыхьэнэр кьагьэхьу. Иджьыри зы шапхьэ: *цхьэщы-ЦуэнтЦэ-н* (зыгуэрэм и щхьэр ЦуэнтЦурэ тегьэбыдэн). Щапхьэ: (*ХьэкЦагуэ*) *Ар нэмыцэцЦымы щЦыхури шатэр гьэжсалъэишхуэ зэтеЦубам язым црикЦац, адреЙр цхьэщыЦуэнтЦэри, морц жыпЦэн нэхь хэмылгу, тхьуцЦынынэр кьыщЦыригьэздзаци* [10: 67]. Ауэ *цхьэщы-ЦуэнтЦы-кЫ-н* (зыгуэрэм фЦэЦуэнтЦа гуэр гьэкЦэрахьуэрэ кьыфЦэхын). Щапхьэ: *Абдежым Мухьэмэд и цей жыпЦым псылъэ кьрихри и цхьэр цхьэщыЦуэнтЦыкЦац* [11: 65].

3) ГъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ лэжыгъэцIэ гуп зи гугъу тщIым лъэныкъуэ зыгъэлыагъуэ преверб *къ-* куэдрэ къахохъэ, ауэ абы и мыхъэнэр фIокIуэд. Абы игъэзащIэ хабзэ къалэныр лъабжьэ кIэухым къыщыхуэ аблаутымрэ лъабжьэужь –кI-мрэ ягъэзащIэ. Щапхъэ: *цхъэщы-щIы-кIын* = *къы-цхъэщы-щIы-кIын* (зыгуэр и щIыIумкIэ, и щхъэмкIэ щыфIэщIыкIын). Апхуэдэ лэжыгъэцIэхэр синонимэгъу зэхуохъуж.

4) Лъабжьэпэ *цхъэщы-* м лэжыгъэцIэхэм объект мыблагъэм (жыжьэм) и щхъэ къахегъахъуэ. Щапхъэ: *абы ар ед* (щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсщ), ауэ *абы ар абы цхъэщы-ды-кI* (щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэIэсщ).

8. ЩIыпIэ преверб *цхъэпры-* мрэ лъабжьэужь –кI-мрэ лэжыгъэцIэ куэд дыдэ къагъэхуркъым. Абы и щхъэусыгъуэр лъабжьэпэ *цхъэпры-*р лэжыгъэцIэ лъэмыIэхэм фIэклэ зэрыхэмыхъэрщ. ЩIыпIэ преверб *цхъэпры-*р лъабжьэпэ *цхъэщы-*м мыхъэнэкIэ йокIуалэ.

1) Лъабжьэпэ *цхъэпры-*м гъэпсыкIэ зэхэлъ зэхэлъ иIэщ: *цхъэ-* япэ Iыхъэм – *и цхъэмкIэ* щекIуэкI лэжыгъэр егъэлыагъуэ, *пры-* етIуанэ Iыхъэм – зыгуэрэм зэрыцхъэпрыкIыр къыуегъащIэ. Щапхъэ: *цхъэпры-Iэбы-кIы-н* (зыгуэр къэпщтэн мурадкIэ зыщIыпIэ уи Iэр щхъэпрышиикIын).

2) ГъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ лъабжьэпэ *цхъэпры-*м и закъуэ лэжыгъэцIэ псалъэпкъым щыпыувэкIи, лъабжьэужь –кIы-р и гъусэу къыщыкIуэм дежи зы аблаут лIэужыгъуэщ къэхур – *э.ы*. Зэхуеплъ: *цхъэпры-лъэты-н* = *цхъэпры-лъэты-кIы-н* (лъэтауэ зыгуэрэм и щIыIукIэ щхъэпрыкIын), (еплъ: *лъэтэ-н*). Зэрыгурылуэгъуэщи, мыбдежым аблаутым лъабжьэужь –кIы-м и къалэныр щегъэзащIэ, езы лэжыгъэцIэхэри синонимэгъу зэхуохуэ.

3) Лъабжьэпэ *цхъэпры-*м лэжыгъэцIэхэм объект мыблагъэм (жыжьэм) и щхъэ къахегъахъуэ. Щапхъэ: *ар мэбакъуэ* (зы щхъэ зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ), ауэ *ар абы цхъэпро-бэкъу(ы)-кI* (щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ).

9. ЩIыпIэ лъабжьэпэ *IэцIэ-*р лъабжьэужь –кIы-м и гъусэу лэжыгъэцIэ лъэIэсхэми, лъэмыIэсхэми къыщокIуэ.

1) Зэхэлъ гъэпсыкIэ зиIэ мы лэжыгъэцIэ гупым преверб *IэцIэ-*м лэжыгъэр зыгуэрэм и *Iэгум*, и *Iэм IэцIэлъу* къызэрыхур наIуэу къегъэлыагъуэ. Лъабжьэужь –кIы-ми лэжыгъэр здэгъэза лъэныкъуэр еубзыху. Щапхъэ: *IэцIэ-кIэрэхъуэ-н* (кIэрахъуэу зыгуэрэм и Iэм IэцIэхуэн), ауэ *IэцIэ-кIэрэхъу(ы)-кIы-н* (кIэрахъуэу зыгуэрэм и Iэм IэцIэхун, IэцIэкIын).

2) ДызыкIэлъыплъ гупым хыхъэ лэжыгъэцIэхэм превербым и закъуэ шапыувэкIэ зы аблаут лIэужыгъуэ къагъэхуэ *ы:э* – лэжыгъэр зыгуэрэм и *Iэм IэцIыхъэ* мыхъэнэ халъхъуэ: *IэцIэ-лъэтэ-н* (лъэтауэ зыгуэрэм и Iэм зыгуэр къыIэщIыхъэн), ауэ лъабжьэужь –кIы-м нэгъуэщI *э.ы* макъзэблэхуэ къегъэхуэ, лэжыгъэр здэгъэза лъэныкъуэми зехъуэж: *IэцIэ-лъэты-кIы-н* (Iэм IэцIэлъ гуэр лъэтауэ IэцIэкIын).

3) Апхуэдэ лэжыгъэцIэ гупым хыхъэ лъабжьэгъусэхэм мыхъэнэ зэхуэкIа яIэу ущрихъэлIэ щыIэщ. Ауэ апхуэдэхэм дежи лэжыгъэцIэм и морфологие гъэпсыкIэр къызэтонэ. Щапхъэ: *IэцIэ-гъутицы-кIы-н* (Iуэху гуэрэм тещхъэрыукIын, гум ихун), (еплъ: *щы-гъутицэн*). Щапхъэ: *Мэздэгъуи адрей къалэхэми*, – *гъуор къызэтонэ*, «комендант» псалъэр *IэцIогъутицыкIыжери*, итIанэ «инырал» псалъэр *къэгъуэтыжери*: – *Мэздэгъуи адрей къалэхэми дэс иныралхэм пацтыхъым унафэ къахуищIац адыгэ тицылIэхэм ящыц хэт цIэлэхуэужми*, *ар-цэ*, *яубыду*, *зэклуэцIыпхауэ*, *зейм деж яхужыну* [12: 132].

4) Лъабжьэпэ *IэцIэ-* м лэжыгъэцIэхэм объект мыблагъэм (жыжьэм) и щхъэ къахегъахъуэ. Щапхъэ: *ар мэ-джэрэз* (зы щхъэ зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ), ауэ *ар абы IэцIо-джэрэзы-кI* (щхьитI зиIэ лэжыгъэцIэ лъэмыIэсщ).

10. ГъэпсыкIэ зэхэлъ зиIэ щIыпIэ лъабжьэпэ *зэбгры-*мрэ лъабжьэужь –кIы-мрэ лэжыгъэцIэ лъэIэсхэми, лъэмыIэсхэми къыщокIуэ.

1) Мы лъабжьэгъусэхэр куэдрэ морфологие и лъэныкъуэкIэ зэпхауэ къокIуэ. Апхуэдэхэм деж зы аблаут лIэужыгъуэ *э.ы-*рщ лэжыгъэцIэхэм я лъабжьэ

кӀэухым кыщыхур. Щапхӕ: *зӕбгры-дыгъу(ы)-кӀы-н* (кӕдыгъуауэ зӕбгрыхын), (еплъ: *дыгъуэ-н*).

2) ЩыпӀӕ лъабжьӕпӕ *зӕбгры-м* лъэныкъуэ мыхъэнэи егъэзащӀӕ, лъабжьӕужь *-кӀы-м* епхауэ – *лъэныкъуэ псомкӀи, дэнӕкӀи* гъэзауэ. Щапхӕ: *зӕбгры-гъуэльы-кӀы-н* (дэнӕкӀи игъуэльыкӀын); *зӕбгры-гуэшы-кӀы-н* (лъэныкъуэ псомкӀи, дэнӕкӀи зӕбгрытыкӀын).

3) Лъабжьӕгъусэхуэ *зӕбгры-мрӕ -кӀы-мрӕ*, зӕщӀымыгъуу лӕжыгъӕцӀӕ кышагъэхум деж, синонимӕгъу цызэхуэхужь щыӀӕщ. Щапхӕ: *зӕбгры-лъэты-н = зӕбгры-лъэты-кӀы-н*. ЩапхӕхэмкӀӕ дызэхуеплынщ: *Пабжӕм хӕса цӀыкӀухэр, пцӀацхуэ цӀыкӀухэм ецху, зӕбгрылъэтац, псы цӀыӀэр кыттреутхӕ (Лу) жаӀу* [7: 234]. *Пулеметыр зӕ кӕлӕлӕгъуэ кӕлӕлӕри, кӕуэр кыгъӕпсӕлӕц, щиху инхэм зӕрызехуэ тетӀысхъӕж кӕуаргъ кӕомыр зӕрыгъӕкӀийуэ зӕбгрылъэтыкӀац* [6: 153].

4) ГъӕпсыкӀӕ зӕхӕл зӀӕ лъабжьӕпӕ *зӕбгры-м*, Къумахуэ М. I. кызыриллыгӕтмкӀӕ, язэхуэдэныгъӕ категорӕм и преверб *зӕ- хохъ* [4: 194–195]. Абы кыхӕкӀыу лъэмыӀӕс лӕжыгъӕцӀӕхэм зы щхъ фӀӕкӀа ямыӀу кӕокӀуэ, ари куэд бжыгъӕм иту. Щапхӕ: *ахэр зӕбгро-кӀуэсы-кӀ* (еплъ: *кӀуэсэн*).

11. ГъӕпсыкӀӕ зӕхӕл зӀӕ лъабжьӕпӕ *зӕлы-р* лӕжыгъӕцӀӕ мащӀӕ дыдӕм лъабжьӕужь *-кӀы-м* епхауэ кыщокӀуэ. Апхуэдэхэм деж лъабжьӕпӕ *зӕлы-м* щыпӀӕ мыхъэнэр фӀокӀуэдри лъэныкъуэ мыхъэнэм нӕхъ зӕужь. Щапхӕ: *зӕлы-пцӀы-кӀы-н* (зыгуэрхэр зӕлыхын, зӕлытхун, зӕлытхын). Мыбдеж лъабжьӕужь *-кӀы-м* *э:ы* макъзӕлӕху кызырышигъэхур нӕрылӕагъуш.

ЕдгӕкӀуӕкӀа кӕхутэныгъӕ лӕжыгъӕм кызыригъӕлӕгъуамкӀӕ, адыгӕбзӕ лӕжыгъӕцӀӕхэм зӕхӕл гъӕпсыкӀӕ зӀӕ лъабжьӕпӕхэм мыхъэнӕшхуэ цагъэзащӀӕ. Ахэр куэдрӕ лъабжьӕужым епхауэ кӕокӀуэ, зӕмыгъусӕу псалӕпкӕым пымыуӕу. Апхуэдэхэм деж абыхэм зӕгъусӕу лӕжыгъӕр щекӀуӕкӀ щыпӀӕр, здӕгъза лъэныкъуэр ягъӕнаӀуэ. ЗӕщӀымыгъуу лӕжыгъӕцӀӕ псалӕпкӕым щыпыуӕкӀӕ, а лъабжьӕгъусэхэм аблаут лӕужыгъуэ зӕхуӕмыдӕхэр кӕагъэху, зӕпӕщӀӕуэ мыхъэнӕ лӕжыгъӕцӀӕм халӕхуэ. Бзӕм зӕрызиужым и щыхъӕту, языныкъуэ лъабжьӕпӕхэм мыхъэнӕ зӕхъӕкӀа яӀу кӕокӀуэ, грамматикӕ и лъэныкъуӕкӀи хъӕлӕмӕтагъ куэд ягъӕлӕагъуэ, лӕжыгъӕ щхъэхуэ ятебухуӕну яхуӕфашуэ.

ТегъӕщӀапӀӕ тщӀа литературӕр

1. *АбытӀӕ В. Уанӕгу нӕщӀ. Черкесск: Ставрополь тхылъ тедзапӀӕ. Къӕрӕшей-Шӕрджӕс отделенӕ, 2009. 217 н. (Абитов В. Пустое седло. Черкесск: Ставропольское книжное издательство, Карачаево-Черкесское отделение, 2009. 217 с.).*

2. Адыгӕ ГуэрыӀуатӕхэр. Т. 1. Налшык: Къӕбӕрдей-Балӕкӕр тхылъ тедзапӀӕ, 1963. 340 н. (Адыгский фольклор. Т. 1. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. 340 с.).

3. *Дзуганова Р.Х. Суффиксальные глаголы в кабардино-черкесском языке. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2002. 116 с.*

4. *Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. М.; Нальчик, 1964. 272 с.*

5. *Кумахов М.А. Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1989. 384 с.*

6. *КӀыщокъуэ А. Хъуӕпсӕгъуэ нур // Тхыгъӕхэр томыхым цызэхуэхъӕсауэ. Романхэр. Т. 2. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение // Собрание сочинений в шести томах Т. 2. Нальчик: Эльбрус, 2005. 488 с.).*

7. *КӀыщокъуэ А. Мазӕ ныкъуэ щхуантӀӕ // Тхыгъӕхэр томыхым цызэхуэхъӕсауэ. Романхэр. Т. 3. Налшык: Эльбрус, 2005. 752 н. (Кешоков А. Зеленый полумесяц // Собрание сочинений в шести томах. Т. 3. Нальчик: Эльбрус. 2005. 752 с.).*

8. *КӀыщокъуэ А. Лӕапӕ // Тхыгъӕхэр томыхым цызэхуэхъӕсауэ. Романхэр. Т. 5. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н. (Кешоков А. Корни // Собрание сочинений в шести томах Т. 5. Нальчик: Эльбрус, 2006. 552 с.).*

9. *Къэрмокъуэ М.* Азэмэт. Налшык: Эльбрус, 1984. 392 н. (*Кармоков М.* Азамат. Налчык: Эльбрус, 1984. 392 с.).

10. *МафIэдз С.* Мыхъур. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2003. 344 н. (*Мафедзев С.* Печать. Повести. Налчык: Эльбрус, 2003. 344 с.).

11. *Мэзыхъэ Б.* Къуажэ пшыхъхэр. Рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 1978. 136 н. (*Мазихов Б.* Сельские вечера. Рассказы. Налчык: Эльбрус, 1978. 136 с.).

12. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Роман-эпопея, тхылъиплI хъууэ. Налшык: Эльбрус, 2016. 1224 н. (*Шортанов А.* Горцы. Роман-эпопея в четырех книгах. Налчык: Эльбрус, 2016. 1224 с.).

13. *ШоджэңцIыкIу I.* Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапIэ, 1962. 232 н. (*Шогенцуков Адам.* Весна Софият. Налчык: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1962. 323 с.).

РОЛЬ АБЛАУТНЫХ ЧЕРЕДОВАНИЙ, ВЫЗЫВАЕМЫХ В ГЛАГОЛЬНЫХ ОКОНЧАНИЯХ СЛОЖНЫМИ ПРЕВЕРБАМИ В СОЧЕТАНИИ С СУФФИКСОМ –КI

Дзуганова Рита Хабаловна, orcid.org/0000-0003-0684-7600, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Налчык, Россия), dzug.rita@yandex.ru

В работе рассматриваются аблаутные чередования в производных глаголах, содержащих сложные превербы в сочетании с суффиксом –кI. Сложность смысловой структуры превербов объясняется объединением двух превербов в одном глаголе для передачи нескольких различительных признаков. Степень сложности семантической структуры превербов оказалась неодинаковой, поэтому мы рассматриваем их в отдельности. В одной работе невозможно охватить все сложные превербы кабардино-черкесского языка, поэтому мы выбрали наиболее употребительные из них. Анализ материала показал, что в превербных глаголах действует один тип аблаута – *ы:э* – направленный к действующему лицу, а при включении суффикса –кI мы имеем другой тип аблаута – *э:ы*, где направление меняется в противоположную сторону.

Ключевые слова: аблаутные чередования, превербы, суффиксы, глагол, кабардино-черкесский язык.

THE ROLE OF ABLAUTED ALTERNATIONS CAUSED IN VERB ENDINGS WITH COMPLEX PREVERBS IN COMBINATION WITH SUFFIX –K1

Dzukanova Rita Khabalovna, orcid.org/0000-0003-0684-7600, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), dzug.rita@yandex.ru

The work deals with ablaut alternations in derivative verbs containing complex preverbs in combination with the suffix –k1. The complexity of the semantic structure of the preverbs is explained by the combination of two preverbs in one to convey several distinctive features. The degree of complexity of the semantic structure of the preverbs turned out to be unequal, so we consider them separately. It is impossible to cover all the complex preverbs of the Kabardino-Circassian language in one work, so we chose the most common ones. The analysis of the material showed that one type of ablaut – *ы:э* acts in the preverbal verbs directed to the character, and when the suffix –k1 is included, we have another type of ablaut – *э:ы*, where the direction changes in the opposite direction.

Keywords: ablaut alternations, preverbs, suffixes, verb, Kabardino-Circassian language.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-51-57

ХЭГЭХЬУЭНЫР ПСАЛЪЭУХАМ И ПКЪЫГЪУЭ ЕТІУАНЭХЭМ ЯШЫЦ ЗЫУЭ АДЫГЭБЗЭМ ЗЭРЫШЫТЫР

Жылэтеж Хьэжысмел Чылэний и къуэ, orcid.org/0000-0002-6040-9524, филологие шІэныгъэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и шІэныгъэ лэжьакуэ нэхьыжь, Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шІэныгъэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шІэныгъэхэмкІэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шІэныгъэ центр» «Федеральнэ шІэныгъэ центр» и филиал (Налшык, Урысей), hazismel@mail.ru

Адыгэбзэм и хэгъэхуэныр и кІэм нэсу зэпкърыха мыхьуа псалъэухам и пкъыгъуэ етІуанэщ. Лэжьыгъэм дыштыгъэпсэлъыхь хэгъэхуэным мыхьэнэ (семантикэ), грамматикэ и лъэныкъуэкІэ бгъэдэль нэщэнэхэм. Адыгэбзэм и хэгъэхуэным шІэныгъэ бгъэдыхьэкІэ елэжьын зэрышІадзэрэ куэд шІами, абы теухуауэ иджыри зэхэгъэкІыпхьэ Іуэхугъуэ зыбжанэ шыІэщ. Псалъэм папщІэ, хэгъэхуэныр бзэм кызырыхагъэкІ шІыкІэр, хэгъэхуэн къалэн ягъэзашІэу къакуэ псалъэ лъэпкъыгъуэхэмрэ абыхэм къагъэлабгъуэ плыфэхэмрэ зыхуэдэр, хэгъэхуэным псалъэзэшэ гъэпсыкІэ игъуэтхэр. Абыхэм нэмышкІэ шышІагъэ ину къыдолыгъэ хэгъэхуэным теухуауэ адыгэбзэкІэ шыІэ лэжьыгъэхэр зэрымащІэ дьдэр. Адыгэбзэ бзэщІэныгъэ фІэшыгъэцІэхэр къэдгъэсбэпурэ, мы къедбжэкІа Іуэхугъуэхэр зэхэгъэкІыным теухуащ мы лэжьыгъэр.

Зэрыгъуээн псалъэхэр: адыгэбзэ, хэгъэхуэн, псалъэухам и пкъыгъуэ етІуанэ, псалъэ лъэпкъыгъуэ, синтаксис къалэн, псалъэзэшэ гъэпсыкІэ.

Адыгэбзэм хэгъэхуэныр япэ дьдэу къыхэзыгъэкІар Нэгумэ Шорэщ [Ногма 1959: 148]. Абы лъандэрэ, псом хуэмыдэу ХХ лІэщыгъуэм и 30–40 гъэхэм шышІэдзауэ, шІэныгъэ бгъэдыхьэкІэкІэ хэгъэхуэным елэжьащ бзэщІэныгъэлІ пажэ зыбжанэ. Абыхэм ящыщ: *Борыкъуей ТутІэ* [Борукаев 1932], *Яковлев Н. Ф.* [Яковлев 1948], *Къардэн Бубэ* [Грамматика...1957], *Дзасэжэ Хьэсани* [Дзасежев 1969], *Урыс Хьэтэлий* [Урыс 1994], *Къэмбэчокъуэ Іэдэм* [Камбачоков 1997] сымэ, нэгъуэщІхэри. ЕплъыкІэ зэхуэмыдэхэр яІэми, мыбыхэм я къэхутэныгъэхэр лъабжэ хуэхуэуи хэгъэхуэныр иджырей адыгэбзэм лъэ бьдэкІэ зэрышыувам. Абы къыдэкІуэуи, гу лъомытэу къанэркъым абыхэм я лэжьыгъэхэм урысыбзэ (дунейпсо) терминхэр (фІэшыгъэцІэхэр) куэдэу кызырышыхьам икІи ахэр бзэм кызырыхэпІиикІым. А шышІэныгъэр зэгъээхуэжынми теухуащ мы ди лэжьыгъэр.

Хэгъэхуэныр – ар псалъэухам и пкъыгъуэ етІуанэщ, гъээщІэным хэлъ лэжьыгъэр зытехуэ предметыр, щхьэр е лэжьыгъэр зралэжьэкІ, зралэжь предмет къегъэлабгъуэ. Хэгъэхуэныр гъээщІэным и гупым хохьэр, зэдэхуІурыщІэныгъэ синтаксис зэпхыкІэкІэ абы епхауэ шытщ. Псалъэухам абыхэм яку дэлъщ объектнэ зэхушытыкІэ.

ЛэжьыгъэцІэ гъээщІэну къэкІуам и мыхьэнэм елытауэ (хьэлым игъэбелджылым), адыгэбзэм хэгъэхуэным и мыхьэнэм плыфэ зэмылІуужыгъуэхэр иІэфынуш. Къапщтэмэ, хэгъэхуэным къегъэлабгъуэр:

1. Іуэхугъуэр зыхуэгъэза объект е Іуэхугъуэм кърыкІуар: *Етэч шы къэрапцІэр шІалэм иритащ; Лъэтиц джатэ шІІри фІидзэжащ* [Нартхэр 1995: 34].

2. ІуэхугъуэкІэ зэпыча хьу шІыпІэ, кІуэныгъэ мыхьэнэ зиІэ лэжьыгъэцІэм и гъусэу псалъэухам и пкъыгъуэу хэгъэхуэныр къэхьамэ: *НэхьышІэм иутІытыца шабзэшэр пшэм пхыльэтащ* [Адыгэ Іуэрыуатэ 1999: 191]; *Хьэсэн псым зэпрысыкІащ.*

3. Гуэхугуэуэм и екIуэкIыкIэр кыггэзгэуэфынууц, а Гуэхугуэуэр гупсысэм, жьабзэм епхамэ: (Мухьэмэд:) *Сымыгупсысэу делеггэ кыызжэодоху* [Кьэрмокуэ 2007: 145]; *ХьэцIэхэр зыхэхуа Гуэхум тыншу укьыхэкIыжыфынутэкьым*.
 4. Гуэхугуэуэр зыхуэггэза объект: *Тенджыз губжьам и толъкунхэр кьыр задэ льягэм жьэхоуэр; Си псэм и цIасэ цIынальэжьым и мэ дахэхэр зыцызмыггэныцIу жьэдэсшэрт*.
 5. ГурыщIэхэр зыхуэггэза объект: (Ксенэ:) *Сэ уи ныбжэзгэуэр фIуэ солгагуэ* [Кьэрмокуэ 2007: 19].
 6. ЩытыкIэр, гукьыдэжыр зыхуэггэза объект: (Гулэз:) *Анчокьу и псэм сытошыныхь* [КIэрашэ 1989: 335]; *Ди текIуэныггэуэр нобэ псоми ялгагуэ*.
 7. Гуэхугуэуэр зыхуащIэ объект: *Мухьэдин кьэб тхьэмтэ зэкIуэцIылыыр и кьуэшыым хуеший* [Елгээр 1976: 44]; *Си ныбжэзгэуэм кьамэр естыжауц*.
 8. Зыгуэрэм ирагьащэ объект: *Ажалыр бжэм нэхьрэ нэхь благгэц* [Нало 3. 2008: 99]; *ГьуицIыым нэхьрэ бдзатIэр нэхь хьэлгэц*.
 9. Гуэхугуэуэр зыфIэмыфIу ялэжь объект: *Факьырэжь унэу Заурым фэ ар ефтыну фхуэдэнкьым* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 301]; *Мэзхьумэм цIалэ цIыкIухэм джыдэр кьатрихауц*.
 10. Гуэхугуэуэр зэраггэзащIэ Iэмэпсымэ: *Мухьэмэд тракторкIэ жэц псом вауц; УхуакIуэм пхьэбггэуэр пхьэхкIэ зэтихауц*.
 11. Гуэхугуэуэр зыхуащIэ объект: *Бынхэр сытым дежи анэм дэлэпыкьурт; Хьыджэбзым псы пэгунитIыр фызыжьым хуихьыжауц*.
 12. Гуэхугуэуэр зэггусэу здалэжь щхьэ: *Хэггэрейхэм цыиц цIалэ хьэцIэм дыицIэкIауц*.
 13. Объектым пэлэщIэ хьуныггэ: *Бэггэуи кIэбггэу зыкьыицIри гупым кьахэкIыжауц* [МафIэдз 1992: 24]; *И насытыншаггэти, Хьанджэрий а махуэм пицIантIэм добзэхькI* [Елгээр 1983: 74].
 14. ЗыщIэхьуэпс объект: *А ныпым зэхьээхуэхэр цIэхьуэпсырт*.
 15. Зыпэллэ, зыIэраггэхьа объект: *Корей народ лэщыр цIокьур мамырыггэм, уэ хей унэр бггэсу мафIэр цIыбоггэст* [КIыщокьуэ 1956: 244]; *Дэ текIуэныггэуэр кьыдохьыр, ГьацIэцIэ гьуэггум дрокуэ* [КIыщокьуэ 2004: 35].
- Хэггэхуэным и ситаксис кьалэныр адыгэбзэм цаггэзащIэ:
1. ЩыIэцIэхэмрэ цIэпапщIэхэмрэ: *Шэджаггэуэ зыггэпсэхуэггэуэм Софят Мурид бггэдыхьэри дзыхьмыщI-дзыхьмыщIу еуицIауц* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 116]; (Мусэ:) *Абы цыггэуэ си шыр соутIыттыжэ?* [Кьашырггэ 1957: 63]; *Хьумакуэр абыхэм жэци махуи кьакIэллоплэ; Кьэрэжан хьыджэбзынIэ зэриуэвэрэ и адэм зыри кьыиуыдыркьым; Дунейр бжэакьуэкIэ зредзэ* [Нало 3. 2008: 139].
 2. ЦIэ хьуа псалгэ льяпкьыггэуэхэм: плыфэцIэхэм, бжыггэцIэхэм, ГуэхуцIэхэм: *Жьым щытхьуи цIэр кьацтэ* [Псалгэжьыр... 1991: 52]; *Шу закьуэм зэшихьым зыр яхиукIыкIауц* [Кьашырггэ 1957: 148]; *Якьуам ямыкьуар ехь* [Адыгэ Гуэрыгуатэ 1999: 152].
 3. Инфинитивым: *И ежьэныр кьыхохьыжэ* [Кьэрмокуэ 2007: 238]; *Дэ кьэдггэзэжьыхуекIэ унэри, ханIэри пхьумэныр уи тцэрылыц!* [Дыггужь 2011: 124].
 4. МакьыщIэхэмрэ макьзэпыщIыжхэмрэ: «Урар» *псоми зэуэ зэхахауц; Уи «уэхур» сужэггэуауц; Гупсысэм здиIыггьым, Кьасым мэдалуэ. Дэтхэнэ «цIыргьери» и тхьэкIумэм жану кьыиуыду* [Мэзыхьэ 2003: 21].
 5. Синтаксис зэхыхьэ лIэужьыггэуэхэм: ГуэхуцIэ, Гуэхудэкуэ, инфинитив; цIэ псалгэ льяпкьыггэуэхэр зыхэт зэхыхьэхэм: *Зэхьээхуэм зевггэубггэуныр зыIэрывггэхьакьэ? – зэкIэлгэггэпIауцIэ Ахьмэтым* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 74]; *Кьуицхьэтхым ихьэу кьыицIыкIухьын игу кьыхьауц Ерстэм* [КIэрашэ 1989: 135]; *Кавалеристыр абы сотитхукIэ кьызэрытекIуар игу кьелэрт* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 96]; *Ямылэггэуа бланэ кьаукIыркьым* [Адыгэ псалгэжьхэр 2004: 94]; *Гуггэуехь зымышэчыр лым хабжэркьым* [Адыгэ псалгэжьхэр 2004: 101].
 6. Фразеологизмэ е мыфразеологизмэ псалгэ зэпхахэм: *ГьуицIытсэ цIалэр сэхуэ гьэбзэкIэм, аркьэн дзыкIэм хуеггасэ* [КIэрашэ 1989: 323]; *Инус мызэ-*

мытIуу шүэтэжсац абы шыгыуэ хьэрып гуэрым и фыз сымаджэр выфэ цIынэм кIуэцIидэу **жин фIыцIэр** фызым зэрыцхьэцихуар [КIыщокьуэ 2005: 21]; **Иэцэ зыIыгыфыр** зауэм дгьэкIуац [КIыщокьуэ 2006: 84]; **Бзум яхудупхьейн** ди гуэн илгыжкьым.

Хэгьэхуэныр лэжыгыэцIэу кьэкIуа гьээщIэным и закьуэкьым зи гьусэу кьахьыр, атIэ плгыфэцIэхэми дащIыгыфщ. Апхуэдэхэм деж хэгьэхуэныр зыунэтI псалъэзешэм ит хабзэщ, ауэ зыхуэжми щит шыIэщ: *Дэфэрэдж шхынкIэ IэжIуэлякIуэт...* [КIыщокьуэ 2006: 112]; – *Сэ псалъэкIэ сыIэжIуэлякIуэжкьым, – жилэрт абы (Астемыр)* [КIыщокьуэ 2005: 134]; *ТхылъкIэ Iэзэщ, счетоводу еджац* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 143]; *Бжыыхьэр гьавэжIэ жумартц* [Адыгэ псалъэжхэр 1967: 184].

И мыхьэнэмрэ зегьэкIуэныгыэ нэцэнэмрэ елытауэ адыгэбзэм хэгьэхуэныр псалъэзешипIым языкхэу кьокIуэр: цIэйуэ, зыхуэж, зыунэтI е зыхуэж.

Хэгьэхуэныр цIэйуэ псалъэзешэм иту кьыщыкIуэр

Мыпхуэдэ хэгьэхуэным хэгьэхуээн занщIэкIи объект гьунэгьукIэ йоджэ. Абы кьыдэкIуэу гу лытапхьэщ «хэгьэхуээн занщIэ» фIэщыгыэцIэр мыбдежым кьызэрыхьар елытауэщ, сыт щхьэкIэ жыпIэмэ абы адыгэ бзэщIэныгьэм хуабжыу зыщиубгыуащ. Ауэ, а псалъэ зэпхам кьигьэлыгагьуэ мыхьэнэр урысыбзэмрэ кавказыбзэхэмрэ, кьапщтэмэ, адыгэбзэм, шызэхуэдэкьым, сыту жыпIэмэ хэгьэхуээн занщIэр урысыбзэм винительнэ псалъэзешэкIэ кьэгьэлыгьуа мэхьу, адыгэбзэмрэ абы и льэпкьэгьу бзэхэмрэ – цIэйуэ псалъэзешэкIэ.

Щхьэбэ льэIэсхэр лэжыгыэцIэ-гьээщIэным хэлъ Iуэхугьуэр зыхуэгьэза хэгьэхуэныр цIэйуэ псалъэзешэм йоувэр. Объект кьагьэлыгагьуэу лэжыгыэр зыхуэгьэза хэгьэхуэныр цIэйуэ псалъэзешэми зыхуэж псалъэзешэми щитым деж я мыхьэнэкIэ зэщхьц: *Нанэ гузавэу Iэртхуэру Софят клагуэ дьтар кьыцехри хьыджэбзы-р кьелэбэрэбыхь* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 152]; *Нанэ тлайкIэ зыри жимыIэу цысыц. Хьыджэбзы-м и цхьэм Iэ дельэ, йодэхацIэ* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 185]; *Луси и пхьэIэцэ-м тетIысхьэжсац* [ЩоджэнцIыкIу I. 1962: 88].

Iуэхугьуэр зытехуэ объектым нэмыщI, цIэйуэ псалъэзешэм ит хэгьэхуэным кьигьэлыгьуэфынуц логикэ илгьэныкьуэкIэ субъекту щыт щхьэ е предмет. Апхуэдэ кьалэн хэгьэхуэным щигьэзащIэр псалъэухам и гьээщIэным хуэгьэуш льябжыгьуэс -гьэ щыхэтым дежщ: *ЕгьэджажIуэм кьыкIэрыхуа-хэ-р кьыцIи-гьэ-хьэжсац; Бысымым хьэцIэ-хэ-р ири-гьэ-жэжсац.*

Хэгьэхуээн занщIэр гьээщIэным синтаксис зэпыщIэкIэ тIуащIэкIэ епхаш: гьээщIэну кьэкIуа лэжыгыэцIэ льэIэсым хэгьэхуэныр цIэйуэ псалъэзешэ гьэпсыкIэм ирегьэуэ; абы дэщIыгьуу гьээщIэныр хэгьэхуэным щхьэкIэ, бжыгьэкIэ йокIу.

Зыхуэж псалъэзешэм ит хэгьэхуээнхэм кьащхьэщыкIыу, кьызэрыгуэкI псалъэуха кьызэрыкIуэм зы хэгьэхуээн занщIэщ хэтыфынур. А хэгьэхуэныр гьээщIэным апхуэдизкIэ быдэу епхаци, псалъэпкь кьабзэу куэдрэ бзэм кьыщокIуэ: *гуэдз кьэхыж; удз неупцI; мыIэрысэ кьыпекIыж; уэрэд жеIэ* н.кь.

Бзэм ущрохьэлIэ цIэйуэ псалъэзешэм иту цIэ зэмыльэпкьэгьуйтI псалъэуха кьызэрыкIуэм щыхэт. Ауэ ар ищхьэмкIэ шыжытIам, кьызэрыгуэкI псалъэуха кьызэрыкIуэм зы хэгьэхуээн занщIэ фIэкIа зэрыхэмытыфынум, зыкIи пэщIэуэкьым, сыту жыпIэмэ а цIэхэм ящыщ зыр сытым дежи гьээщIэн зэхэтым и Iыхьэу щытщ. Апхуэдэ гьээщIэным и дэIэпыкьуэгьу Iыхьэу кьокIуэ **щIын** гуэдзэ лэжыгыэцIэр. ЦIэмрэ лэжыгыэцIэ гуэдзэмрэ объект-гьээщIакIуэ зэхушытыкIэхэр яфIокIуэдри, апхуэдэ зэхэлыкIэхэм зы мыхьэнэ кьагьэлыгагьуэу щытщ: *ЩIалэм ахьшэр былым ицIац.* Мы шапхьэм *былым ицIац* псалъэ зэпхар гьээщIэн мэхьу. *ПхьацIэм пхьэбгьур бжэ ицIац.* ЦIэйуэ псалъэзешэм иту кьэкIуа *пхьэбгьу* цIэмрэ *ицIац* лэжыгыэцIэмрэ гьээщIэну хоувэр.

Хэггэхуэныр зыхуэж псалгэзешэм иту кыщыкІуэр

ЦІэйуэ псалгэзешэм ит хэггэхуэным кыщхьэщыкІуэ, зыхуэж псалгэзешэм иту хэггэхуэныр щхьэбэ лъэжыгыгэцІэ лъэлэсым имызакбуэу щхьэбэ лъэжыгыгэцІэ лъэмылэсхэми ящыгыуш. Абы щыггуэми лъэжыгыгэцІэ лІэужыгыуитІми хэтщ е щыпІэ, е мыблаггэ зэхушытыкІэ къэзыггэлыаггуэ лъабжьэпэ. Псалгэ лъэпкыгыгуэхэмрэ предмет мыхьэнэ зиІэ зэхэлгыкІэхэмрэ хэггэхуэныр лъабжьэггусэ -м-кІэ кыщыгыгэлыэггуаш, зыггэлыаггуэ цІэпапшІэм – лъабжьэпэ – **бы**-кІэ: *Ар (Джырандыкбуэ) щІалэ-м нэбгыгуэцІэ епІащ* [МафІэдз 1992: 282]; *Бажэр етІуанэ-м еуцІащ* [Адыгэ Іуэрыуатэ 1999: 142]; *Жангулэз а-бы ебзэдджэкащ* [МафІэдз 1992: 334].

Зыхуэж псалгэзешэм ит хэггэхуэным кыггэлыаггуэ мыхьэнэ плыфэхэр кыщыпщытэкІэ, ІуэхугуэитІым кытеувыІапхьэщ: а) хэггэхуэным лъэжыгыгэцІэм хэлъ логикэ илэныкыуэкІэ субъект кыггэлыаггуэу, Іуэхугуэр иггэзэшІэным кыхураджэу логикэкІэ субъект кызэриггэлыаггуэм; 2) зыхуэж хэггэхуэным зыунэтІ псалгэзешэм и кьалэн зэриггэзэшІэм.

Япэ Іуэхугуэм ехэлІауэ кыггэлыэггуапхьэщ зыхуэж хэггэхуэным лъэжыгыгэцІэ-ггэзэшІэным хэлъ Іуэхугуэр иггэзэшІэну кыхураджэ логикэкІэ субъект кызэриггэлыэггуэфыр. Апхуэдэ кьалэн хэггэхуэным щеггэзашІэ хуэггэуш лъэбжьэггусэ -ггэ зи ггэзэшІэным пыту кыкІуа псалгэуухахэм: *ЕггэджакІуэ-м еджакІуэхэ-м диктант яре-ггэ-тх*; *Пыжы-м щІалэ-м пхэз ури-ггэ-кьутащ*.

ЛъэжыгыгэцІэ лъэлэсым кытекІа лъэжыгыгэцІэ-ггэзэшІэн лъэлэсым субъект дьдэмрэ объектымрэ щызэриггакІуэкІэ, объектыр цІэйуэ псалгэзешэ ггэпсыкІэм ириггэуэвэн хуейт. Ауэ апхуэдэ псалгэуухахэм объектым игуэтыр зыхуэж ггэпсыкІэщ: *Адэ-м и кьуэ-м хьэсэр ури-ггэ-пцІащ*. ЛъэжыгыгэцІэм **ггэ-/гга-** хуэггэуш лъэбжьэггусэ щыхэтым деж лъэжыгыгэцІэм и щхьэ бжыггэр зыкІэ хохуэр. Абы щыггуэми, хуэггэуш лъэжыгыгэцІэ лъэлэсыр лъэлэсу кьонэж, ауэ хуэггэуш лъэжыгыгэцІэ лъэмылэсыр лъэлэс мэхьу. Абы кыхэкІкІэ, хуэзыггэуш щхьэр япэ Іуэхугуэми етІуанэми зыхуэж псалгэзешэм ит субъект дьдэш. ЦІэр, Іуэхугуэр зыггэзашІэр, зэм (лъэжыгыгэцІэ лъэмылэсыр хуэггэуш лъэжыгыгэцІэ лъэлэс щыхьум) объект занщІэш: *ЕггэджакІуэ-м еджакІуэ-р усэ кьриггэджащ*; *адрейм щыггуэ (лъэжыгыгэцІэ лъэлэсым хуэггэуш лъабжьэггусэ ггэ-/гга-щыпыувэм) объект мыблаггэш: Пыжы-м щІалэ-м пхэз ириггэкьутащ*. Абы кыхэкІуэ нэхьыщхьэу щытыр Іуэхугуэр зылэжь субъект дьдэмрэ объектымрэ лъэжыгыгэцІэм зэрызэриггакІуэрщ: псалгэууха лІэужыгыуитІми субъект дьдэр щызезыггакІуэр хуэггэуш лъэжыгыгэцІэрщ. А лъэжыгыгэцІэм, дапхуэдэу мыхьуами лъэлэсу кьэнэжым, субъектыр зыхуэж псалгэзешэм итын хуейуэ кьеггэувыр. Мыпхуэдэ зэхэлгыкІэхэм объектыр кьежяпІэ лъэжыгыгэцІэм щызэреггакІуэ: кьежяпІэ лъэжыгыгэцІэ лъэлэсым объектыр, Іуэхугуэр зылэжыр, зыхуэж ггэпсыкІэм иреггэуэвэ, кьежяпІэ лъэжыгыгэцІэ лъэмылэсым – цІэйуэ псалгэзешэ ггэпсыкІэм.

Логикэ илэныкыуэкІэ субъекту щытыр, н.ж. цІэр, хуэггэуш лъэжыгыгэцІэ-ггэзэшІэн зыхэт псалгэуухахэм Іуэхугуэр зылэжыр, иныкыуэхэм кызэралгытэм хуэдэу, етІуанэ ггэзэшІакІуэу щытыфынукыым: лъабжьэпэ **ггэ-** зыпыт лъэжыгыгэцІэхэми, ар зыпымыт лъэжыгыгэцІэ лъэлэсхэми щхьэ лъабжьэпэу тІуш яІэр: зым субъект кьеггэлыаггуэр, адрейм – объект. Ар щыхьэт тохьуэ хуэггэуш лъэжыгыгэцІэ-ггэзэшІэным зы грамматикэ ггэзэшІакІуэ фІэкІа зэрымІэм.

Зыхуэж хэггэхуэным зыунэтІ псалгэзешэм и кьалэныр зэриггэзэшІэфыным и гуггуэ пщІымэ, абыи, зыунэтІ псалгэзешэм ит хэггэхуэным хуэдэу, зэралэжьэ е зэрызекІуэ Іэмэпсымэ мыхьэнэ иІэш. Абы щыггуэм ггэзэшІэным **р(и)-** лъабжьэпэ хэуэвэ хабзэш: *Дэшхуейуэ си пхэз вакытІы-м сыны-р-окІуэр, сыны-р-оплгэр* [Адыгэ Іуэрыуатэ 1999: 286]; *Хьэсэн шыгу-м кьалэм и-ри-кІуащ*; *Джыдэ-м пхэз*

и-р-ыдокъутэр; – Сым нэхь зэлэжыу шытар фи шлалэр? – хуэмышылэжыу плейтей хуауэ шлоупицлэ Мурид. – Тракторы-м и-ри-лажъэрт [ЩоджэнцЫкЛу I. 1962: 159].

Хэгъэхуэныр зыунэтI псалъэзешэм иту кышыцкIуэр

ЗыунэтI псалъэзешэм ит хэгъэхуэныр адыгэбзэ псалъэухам лэжыгыбэцI-гъээщIэн лъэIэсми лъэмыIэсми и гъусэу кыщахь. Мы гъэпсыкIэр кыагъэлыагъуэ **-кIэ/-мкIэ** лъабжыбэгъусэхэм.

ЗыунэтI хэгъэхуэным, ипэкIэ зи гугъу тшIам хуэдэу, лэжыгыбэр зытехуэ предмет кыгъэлыбэгъуэфынуш, ауэ абы и кьалэн нэхыщхьэр Iуэхугъуэр зэралэжь Iэмэпсымэр кьэгъэлыбэгъуэнырщ. Абы кыыхэкIкIэ зыунэтI псалъэзешэм ит хэгъэхуэным адыгэ бзэщIэныгъэм куэдрэ Iэмэпсымэ хэгъэхуэнкIэ щоджэр: *Унэхэр яцIт, пхьацIэхэт, бжэ-цхьэгъубжэхэр хагъэувэт, хьэкхэр зэтралъхьэт, шIыунэхэр кьатIти мывэ-кIэ кьрацIыкIыжт* [Дыгъужь 1983: 160.]; *Гуэщэнэ и нэхууитIы-мкIэ зэльыIухауэ кьеплъащ абы* [КIэрэф 2009: 112]; *ШIащIэн ямыгъуэту, езыхэр жэм-кIэ мавэ* [ЩоджэнцЫкЛу I. 1962: 161]; *ГушыIэкIэ зымыщIэр IэштIым-кIэ мауэ* [Адыгэ псалъэжхэр 2004: 65].

Iэмэпсымэ мыхьэнэ яIэу зыхуэж, зыунэтI псалъэзешэхэм ит хэгъэхуээнхэм псалъэухам кыщагъэлыагъуэ мыхьэнэхэр зэщхьщ: *Хьыджэбзыр машинэ-м и-р-одэр – Хьыджэбзыр машинэ-кIэ мадэр*. Ауэ мы псалъэухахэм хэт гъээщIэнхэм и зэхэлыкIэр зэхуэдэкъым. Зыхуэж псалъэзешэм ит Iэмэпсымэ хэгъэхуэным кьегъэув езым и лъабжыбэгъусэ **-р** гъээщIэным хэтын хуейуэ. ЗыунэтI псалъэзешэм ит Iэмэпсымэ хэгъэхуэным и гъээщIэным **-р** лъабжыбэгъусэ хэткъым. ГъээщIэнымрэ Iэмэпсымэ хэгъэхуэнымрэ яку дэлъыр зы зэпыщIэныгъэщ – зегъэкIуэныгъэщ.

Зыхуэж псалъэзешэм ит Iэмэпсымэ хэгъэхуээнхэр зыхэт зэхэлыкIэ псалъэухахэр я зэхэлыкIэкIэ нэхыжыщ **-кIэ/-мкIэ** Iэмэпсымэ хэгъэхуээнхэр зыхэт псалъэухахэм нэхьрэ. Зыхуэж псалъэзешэр Iэмэпсымэ хэгъэхуэным и гъэпсыкIэ нэхыщхьэу адыгэбзэм шыщыта лъэхьэнэм гъээщIэныр абы тегъэпсыхьауэ шытащ. Абы кышымынэу, ар а зэманым Iуэхугъуэр зыгъэзашIэу, субъекту кьащыхьурт. АбыкIэ гурыIуэгъуэ мэхьу гъээщIэныр пасэм грамматикэ классым и нэщэнэу шыта лъабжыбэгъусэ **-р-кIэ** екIуу шIыщытар. Зыхуэж псалъэзешэм ит Iэмэпсымэ хэгъэхуээнхэм я гъэпсыкIэр нэхь иужьыIуэкIэ бзэм кышыхьуа синтаксис Iуэхугъуэщ. Абы ирихьэлIэу синтаксис зэхушытыкIэхэр кызырагъэлыагъуэ Iэмалхэми захуэжаш. Псалъэухам хэт пкыбгъуэхэм я зэпыщIэныгъэхэр щхьэ гъэпсыкIэкIэ кьэгъэлыбэгъуа хууэ шIидзаш. А Iуэхугъуэр Iэмэпсымэ хэгъэхуээнхэми ялэIэсаш, абыхэм субъект пльыфэхэр яфIэкIуэдащ. Iэмэпсымэр иджы дэлэпыкьуэгъуэ Iэмалу, субъектым Iуэхугъуэр зэригъэзашIэ предмету ябж хуащ. Абыхэм кыыхэкIыу Iэмэпсымэ хэгъэхуэнымрэ гъээщIэнымрэ я зэхушытыкIэхэм захуэжаш: гъээщIэнымрэ хэгъэхуэнымрэ яку дэлыа экIуныгъэ тIуащIэр кIуэдыжаш, Iэмэпсымэ хэгъэхуэныр кыгъэлыагъуэу гъээщIэным хэта лъабжыбэгъусэ **-р-ри** хэхуащ.

Зыхуэж псалъэзешэм ит Iэмэпсымэ хэгъэхуэным Iуэхугъуэр зэралэжь Iэмэпсымэм имызакъуэу, Iуэхугъуэр зылгэлэс, зытехуэ предмет е кьэхукъащIэ кьегъэлыагъуэ: *Ирауд бэнэн-кIэ зигъэницIыркъым* [Псалъэжыбэр... 1991: 74]; *Хуэмыхур Iэмал-кIэ Iэзэщ* [Адыгэ псалъэжхэр 1967: 92]; – *Хьэуэ, – жиIащ Софят, – вагъэ-кIэ куэду IэкIуэлъагъуэщ* [ЩоджэнцЫкЛу I. 1962: 56]. Iэмэпсымэ хэгъэхуээн зыхэт псалъэухахэми хуэдэу, мы шапхьэхэм кьапэхьуу шыIэщ зи хэгъэхуэныр зыхуэж псалъэзешэ гъэпсыкIэм ит псалъэухахэр. Мыпхуэдэ псалъэухахэм хэт гъээщIэным хуэ-, шI- н.кь. превербхэм хуэдэхэр дапщэщи хэтщ. Егъапщэт: *Ирауд бэнэны-м зы-щ-игъэницIкъым; Хуэмыхур Iэмалы-м хуэ-Iэзэщ; Вагъэ-м куэду хуэ- IэкIуэлъагъуэщ*. Мы псалъэухахэр зэщкъым хэгъэхуэнымрэ гъээщIэнымрэ я зэхушытыкIэхэр кызырагъэлыбэгъуамкIи, гъэпсыкIитIым я мыхьэнэки.

Апхуэдэ щыкIэкIэ, зыхуэж псалгэзешэм ит хэггэхуэным кьеггэуэ Iэмал имыIэу гьээщIэным хуэ-, щ-, н.кь. Iыхэхэр хэтын хуейуэ. ГьээщIэным а Iыхэхэр и гьусэу кьэбггэсэбпыфынуккым хэггэхуэныр псалгэухам щимыггусэмэ. Хэггэхуэныр зыунэти псалгэзешэм иту кьакIуэ синтаксис гьэпсыкIэхэм гьээщIэным преверб хэха щыпыувэрккым, абы кьыхэкIыу псалгэухам хэггэхуэныр хэмытми мэхуэ. Ауэ апхуэдэ псалгэухахэм я мыхьэнэм зехуэж: *Ирауд бэнэнкIэ зиггэниIырккым – Ирауд зиггэниIырккым*. ПсалгэухаищIэр мыхьэнэкIэ адреим фIыуэ кьыщхьэщокI: «ираудым» «зэрызимыггэниIырккым» сыткIэми гурыIуэггэуэжккым.

Абы кьыщынэмыщIауэ, зыунэти псалгэзешэм ит хэггэхуэныр зыхэт псалгэухахэм я мыхьэнэ, стиль ильэныккыуэкIэ нэхь нейтралщ, хэггэхуэным -м пыту зыхэт зэхэлкыкIэхэм елытауэ. ЕтIуанэ гьэпсыкIэ лIэужьыггэуэм Iуэхуггэуэр зыггэзашIэмрэ Iуэхуггэуэр зытехуэмрэ нэхь зэпыщIэныггэ быдэ щалэщ. Адыгбзэм, псом хуэмыдэу IуэрыIуатэм, художественнэ тхыггэхэм я бзэхэм, хэггэхуэныр зыунэти псалгэзешэм иту кьыщыкIуэ гьэпсыкIэхэр нэхь кьыщаггэсэбэп, хэггэхуэныр зыхуэж псалгэзешэм щит псалгэухахэм нэхьрэ.

Хэггэхуэныр зыунэти псалгэзешэм щитым деж, абыхэм яIэ нэггэуэщI щхьэхуэныггэщ езыхэр грамматикэ хэггэхуэну кьанэу, логикэ ильэныккыуэкIэ субъектым и щхьэр кьызэраггэлэггэуэфыр. Ар щыболгаггэуэ зыггэзэж гьэпсыкIэ зиIэ псалгэухахэм: *Темыр цIакуэ кьриггэпс дьыггэ-кIэ Iуащхьэмахуэ уэсыр текIынккым* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 46]; *Хунэмысхэм я хьэдаггэр бейм я деж-кIэ дьыхьэхэни* [ЩоджэнцIыкIу А. 2000: 99]; *Абджыр уэр-кIэ льэщIа хьунуккым*.

Хэггэхуэныр зэрыхуэ псалгэзешэм иту кьыщыкIуэр

Зэрыхуэ хэггэхуэным -у/-уэ псалгэзешэ гьэпсыкIэ иIэщ. ГьээщIэным зеггэкIуэныггэкIэ епхаш. Зэрыхуэ псалгэзешэм ит хэггэхуэныр щыт хабзэщ щыIэцIэу е цIэпапщIэу. Хэггэхуэным зэрыхуэ псалгэзешэм щитым кьеггэлаггэуэ IэщIаггэ, IэнатIэ: *(Аслэныккыуэ:)* *Кьурдэныр дяпэкIэ колхоз председател-у лажьэ мыхьужыну сэ кьызолытэ* [Кьэрмокуэ 2004: 161]; *Абы хьумакуэ-у ТытIу тест* [ШэджыхьэщIэ 1987: 298]; *Махачкала дохутыр-у щоджэ* [ШэджыхьэщIэ 1987: 194]; *Нэггэабэ районым и глава-уэ хахащ; Хэту уккыщIиггэжIыну еджанIэм?*

-У/-уэ зыпыт хэггэхуэным предметыр зищIыс хуэ, зищIысу ящI хэггэщхьэхукIыныггэ мыхьэнэ иIэщ: *Адыггэхэм хьурыфыхэр джэдыгу-у ядырт, Iэфэм гүэншэрыккэ кьыхащIыкIырт; Гуэдз хьэсэ пхырхэр щэджэ-у зытралхьэрт; Дэрбзэрым щэжIыр бостей-уэ идащ.*

Мы гупым хэбггэхьэ хьунуш мыпхуэдэ псалгэуха лIэужьыггэуэхэр: *Си лэжьапщIэм и ныккыуэр гьавэ-у кьелысхащ; Зыбггэджэду хьэжы-уэ кьысфIоцI.*

Льабжьэужь -у/-уэ зыпыт глаголыр е цIэр Iыхьэ нэхьщхьэу зыхэт псалгэ зэпхэхэр псалгэухам хэггэхуэну кьыщокIуэ. Ар щыт хабзэщ кьабзэ зэдзэклауэ: *Сэ еджанIэр хьыфIомыдзэн-у бжесати; Нартхэр Сэтэней гуащэ еуниIын хуей-уэ яжриIащ Тхьэггэлэдж; ЕджакIуэхэр зэгурыIуащ лIыжэ-фызыжэжхэм фIыуэ дIэпыккун-у.*

Ди кьэхутэныггэм кьрикIуахэр кьызэщIэпкыуэжмэ, нэрылгаггэуэ мэхуэ хэггэхуэныр адыгбзэ псалгэухам и пкыггэуэ етIуанэу зэрыщытыр, абы гьээщIэным хэлэ лэжыггэр зытехуэ предметыр, щхьэр е лэжыггэр зралэжккI, зралэж предмет кьызэриггэлаггэуэр. Хэггэхуэныр гьээщIэным и гупым хохьэр, зэдэхуIурыщIэныггэ синтаксис зэпхыкIэкIэ абы епхауэ щытщ. Псалгэухам абыхэм яку дэлэщ объектнэ зэхушытыкIэ. ЛэжыггэцIэ гьээщIэну кьэклауам и мыхьэнэм елытауэ (хьэлым иггэбелджылым), адыгбзэм хэггэхуэным и мыхьэнэм плыфэ зэмьлIэужьыггэуэхэр иIэфынуш.

ТегъэщIапIэ тщIа литературэрэ

1. Адыгэ псалъэжъхэр. ЕтIуанэ тхыль. Налшык: Къэбэрдей-Балькъэр тхыль тедзапIэ, 1967. 252 н. (Кабардинские пословицы и поговорки. Кн. II. Налчык: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1967. 252 с.).
2. Адыгэ псалъэжъхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. 152 н. (Кабардинские пословицы. Налчык: Эльбрус, 2004. 152 с.).
3. Адыгэ IуэрыIуатэ. Налшык: Эльбрус, 1999. 400 н. (Адыгское устное народное творчество. Налчык: Эльбрус, 1999. 400 с.).
4. *Борукаев Т.М.* Грамматика кабардино-черкесского языка Налчык, 1932. 140 с.
5. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: АН СССР, КБНИИ, 1957. 240 с.
6. *Дыгъужь Къу.* Щымахуэ лэгъуыпкъу Черкесск: Къэрэшей-Шэрджэс республикэм и къэрал тхыль тедзапIэ, 2011. 176 н. (*Дугужев К.* Зимняя радуга. Черкесск: РГУ Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2011. 176 с.).
7. *Дзасежев Х.Э.* Иджырей къэбэрдей-черкесыбзэ (синтаксис). Черкесск, 1969. 155 н. (Современный кабардино-черкесский язык (синтаксис). Черкесск, 1969. 155 с.).
8. *Елгъэр К.* Лъэужьхэр. Повестхэмрэ рассказхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1983. 436 н. (*Елгаров К.* Следы: Повести и рассказы. Налчык: Эльбрус, 1983. 436 с.).
9. *Елгъэр К. Ухеймэ – улъэциц.* Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 1976. 348 н. (*Елгаров К.* Тот силен – кто прав. Повести. Налчык: Эльбрус, 1976. 348 с.).
10. *Камбачоков А.М.* Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. Налчык: Эль-Фа, 1997. 235 с.
11. *КIэрашэ Т.* Шу закъуэ. Налшык: Эльбрус, 1989. н. 432. (*Керашев Т.* Одинокий всадник. Налчык: Эльбрус, 1989. 432 с.).
12. *КIэрэф М.* Лъэужь елIэужь. Повестхэр. Налшык: Эльбрус, 2009. н. 572. (*Керэфов М.* Оставить след. Повести и рассказы. Налчык: Эльбрус, 2009. 572 с.).
13. *КIыцокъуэ А.* Лъапсэ. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. V том. Налшык: Эльбрус, 2006. 552 н. (*Кешоков А.* Корни // Собр. соч. в 6 т. Т. V. Налчык: Эльбрус, 2006. 552 с.).
14. *КIыцокъуэ А.* Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Налшык: Къэбэрдей тхыль тедзапIэ, 1956. н. 543. (*Кешоков А.П.* Стихи и поэмы. Налчык: Кабардинское кн. изд-во, 1956. 543 с.).
15. *КIыцокъуэ А.* Усэхэмрэ поэмэхэмрэ. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. I том. Налшык: Эльбрус, 2004. 512 н. (*Кешоков А.* Стихотворения и поэмы // Собр. соч. в 6 т. Т. I. Налчык: Эльбрус, 2005. 512 с.).
16. *КIыцокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхъэсауэ. II том. Налшык: Эльбрус, 2005. 488 н. (*Кешоков А.* Чудесное мгновение // Собр. соч. в 6 т. Т. II. Налчык: Эльбрус, 2005. 488 с.).
17. *Къашыргъэ Хь.* Насыпым и хэКыпIэ. Налшык: Къэбэрдей-Балькъэр тхыль тедзапIэ, 1957. 309 н. (*Каширгов Х.* Источник счастья. Налчык: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1957. 309 с.).
18. *Къэрмокъуэ М.* Пшэпэ зэхуэуэгъуэ. Повестхэр, рассказхэр. Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н. (*Кармоков М.* Сумерки. Повести и рассказы. Налчык: Эльбрус, 2007. 264 с.).
19. *Къэрмокъуэ М.* Щихухэр иджыри мэкI. Ещанэ тхыль. Налшык: Эль-фа, 2004. 320 н. (*Кармоков М.* А тополя еще растут. Т. 3. Налчык: Эль-Фа, 2004. 320 с.).
20. *МафIэдз С.* Гъыбзэ хуэфашцэт: роман. Налшык: Эльбрус, 1992. 448 н. (*Мафедзев С.* Достойны печальной песни: роман. Налчык: Эльбрус, 1992. 448 с.).
21. *Мэзыхъэ Б.* Жэц закъуэрэ гъащIэ псомрэ: ГушыIэхэмрэ ауанымрэ. Налшык: Эльбрус, 2003. 216 н. (*Мазихов Б.* Одна ночь и вся жизнь: рассказы, повесть. Налчык: Эльбрус, 2003. 216 с.).
22. *Нало З.* Адыгэ псалъэгъэпсахэр. Налшык: Эльбрус, 2008. 240 н. (*Налоев З.* Адыгская паремнология. Налчык: Эльбрус, 2008. 240 с.).
23. *Нартхэр.* Къэбэрдей эпос. Налшык: Эль-Фа; Ашэмэз, 1995. 559 н. (Нарты. Кабардинский эпос. Налчык: Эль-Фа; Ашамез, 1995. 559 с.).
24. *Ногма Ш.Б.* Филологические труды. Налчык: КБНИИ, 1959. Т. 2. 199 с.
25. Псалъэжыыр бзэм и дамэщ. Налшык: Нарт, 1991. 208 н. (Пословицы в языке художественной литературы. Налчык: Нарт, 1991. 208 с.).

26. *Урыс Хь.Щ.* Адыгэ грамматикэ. Синтаксис, пунктуацэ. Налшык: Эльбрус, 1994. 360 с. (*Урусов Х.Ш.* Кабардинская грамматика. Синтаксис, пунктуация. Нальчик: Эльбрус, 1994. 213 с.).

27. *ШэдджыхъэцІэ Хь.* Тэрч шыхъэтщ. Налшык: Эльбрус, 1987. 392 н. (*Шекихачев Х.* Терек свидетель. Нальчик: Эльбрус, 1987. 392 с.).

28. *ЩоджэңцІыкІу А.* Тхыгъэхэр. Налшык: Эльбрус, 2000. 432 н. (*Шогенцуков А.А.* Избранные произведения. Нальчик: Эльбрус, 2000. 432 с.).

29. *ЩоджэңцІыкІу І.* Софят и гъатхэ. Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхылъ тедзапІэ, 1962. 232 н. (*Шогенцуков А.О.* Весна София. Нальчик: Кабардино-Балкарское кн. изд-во, 1962. 232 с.).

30. *Яковлев Н.Ф.* Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.; Л., 1948. 372 с.

ДОПОЛНЕНИЕ КАК ОДИН ИЗ ВТОРОСТЕПЕННЫХ ЧЛЕНОВ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ

Жилетежев Хажисмель Чилияниевич, orcid.org/0000-0002-6040-9524, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), hazismel@mail.ru

В статье рассматриваются разновидности и особенности употребления дополнений в кабардино-черкесском языке. В работе использовался комплекс взаимодополняющих методов исследования: методы теоретического анализа литературы по исследуемой проблеме; методы изучения, обобщения и анализа опыта существующих результатов исследования другими авторами. В качестве материала для анализа и выборки примеров использовались произведения современных адыгских писателей и фольклора. В ходе исследования установлено, что в зависимости от семантического значения глагольного сказуемого дополнение в кабардино-черкесском языке может иметь около 15 оттенков значения. Замечено, что синтаксическую позицию дополнения могут занимать имена существительные, местоимения, субстантивированные части речи (прилагательные, числительные, причастия), инфинитив, междометия и звукоподражательные слова, различные обороты (причастный, инфинитивный, деепричастный), нефразеологизированные и фразеологизированные словосочетания. Впервые в научный оборот вводятся большее количество лингвистических терминов на кабардино-черкесском языке.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, дополнение, второстепенный член предложения, части речи, синтаксическая функция, падежная форма.

THE COMPLEMENT AS ONE OF THE MINOR MEMBERS OF THE SENTENCE IN THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Zhiletzhev Khazhismel Chilyanievich, orcid.org/0000-0002-6040-9524 candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), hazismel@mail.ru

The article discusses the varieties and features of the use of supplements in the Kabardino-Circassian language. A set of complementary research methods was used in the work: methods of theoretical analysis of the literature on the problem under study; methods of studying, generalizing and analyzing the experience of existing research results by other authors. The works of modern Adyghe writers and folklore were used as material for the analysis and sampling of examples. The study found that, depending on the semantic meaning of the verb predicate, the complement in the Kabardino-Circassian language can have about 15 shades of meaning. It is noted that the syntactic position of the complement can be occupied by nouns, pronouns, substantive parts of speech (adjectives, numerals, participles), infinitive, interjections and onomatopoeic words,

various turns (participial, infinitive, adverbial), non-phraseologized and phraseologized phrases. For the first time, a greater number of linguistic terms in the Kabardino-Circassian language are being introduced into scientific circulation.

Keywords: Kabardino-Circassian language, complement, minor member of the sentence, parts of speech, syntactic function, case form.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-58-66

УДК 81(470.64)

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-67-72

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИКЭ СИСТЕМЭМ И МЫХЬЭНЭР (АДЫГЭБЗЭМ ЕХЬЭЛІАУЭ)

Токмакь Мадинэ Хьэсэнбий ипхьу, orcid.org/0000-0003-2172-5070, филологие шлэныгэхэмкІэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжьакІуэ нэхьыжь, Гуманитар кьэхутэныгэхэмкІэ институт – Федеральнэ кьэрал бюджет шлэныгэ ІуэхушІапІэ «Урысейм шлэныгэхэмкІэ и академием и Кьэбэрдей-Балъкьэр шлэныгэ центр» Федеральнэ шлэныгэ центрм» и филиал (Налшык, Урысей), tokmak_madina_h@mail.ru

Мы лэжьыгьэр лексикэм и зы гупым – лексико-грамматикэ системэм теухуаш. БзэшлэныгэлІ цлэрыуэхэм я кьэхутэныгэхэр кьэдгьэсэбэпурэ, абы и шхьэхуэныгэхэр зэпкьрыдох. Апажэ М.Л. ишІа лексикэм и гуэшыным тедгьашІурэ, адыгэбзэм и псалъэ лъэпкыгыуэхэм я гугьу дошІ, урысыбзэмрэ адрей индоевропейскэ бзэхэмрэ кьазэрышхьэщыкІыр кьэдгьэлягьуэрэ. БишІо Б.Ч. зэхигьэува, мыгувэу кьыдэкІыну урыс-адыгэ псалъалъэм шыщ фІэщыгьэщІэхэр кьыхэдгьэхьуэрэ лексико-грамматикэ лІэужьыгьуэхэм датотхьыхь.

Зэрыгьуэзэн псалъэхэр: псалъэ лъэпкыгыуэ, семасиологическэ шхьэхуэныгэ, синкретическэ кьэхьукьащІэ, лексико-грамматикэ лІэужьыгьуэ, зи шхьэ хушытыжь псалъэ, Іэдэж псалъэ.

Псалъэхэр бзэщІыб шытыкІэмкІэ имызакьуэу бзэщІэныгэм щекІуэкІ хабзэмкІи зэгуохьэ. Апхуэдэу, бзэм хэт псалъэхэр псалъэ лъэпкыгыуэкІэ ягуэш, мыхьэнэ, морфологие, псалъэухам и хэтыкІэ язэхуэдэныгэхэм тешІыхьауэ. Адыгэбзэм и псалъэ лъэпкыгыуэ псори зэхуэдэу нэгьэсауэ кьэхутахьым, иджыри зэлэжьын хуей Іуэхугьуэхэр шыІэщ. Академик Шахматов А.А. псалъэ лъэпкыгыуэхэмкІэ еджэныгэм «грамматическэ лексикологие» фІищаш [Шахматов 1941], Апажэ М.Л. ар лексико-грамматикэ системэу кьегьэлягьуэ [Апажэв 1992]. Мы лэжьыгьэм абы дыштыгепсэлъыхьынуш, адыгэбзэм и псалъэ лъэпкыгыуэхэм я шхьэхуэныгэхэм и гугьу шытшІынуш.

Головин Б.Н. зэритхымкІэ, лексикэри, псалъэщІри, морфологиери, синтаксисри бзэм хэт псалъэхэм и ІуэхуеплъыкІэ зэмылІэужьыгьуэхэщ [Головин 1979]. Абы кьыхэкІкІэ, гурыуэгьуэ мэхьу инэхьыбэм псалъэр бзэм и занэ нэхьышхьэу шІабжыр. Иджырей бзэщІэныгэм псалъэ лъэпкыгыуэхэр зэщхьэщегьэкІ е зы гуп, е гуп зыкьом хьу нэщэнэхэмкІэ. Абы тешІыхьауэ бзэм шызэхагьэкІ полидифференциальнэ, монодифференциальнэ Іуэху бгьэдыхьэкІэхэр. Полидифференциальнэ бгьэдыхьэкІэр филологием и хабзэжьым тешІыхьаш, Щербэ Л.В. [1974], Виноградов В.В. [1940], Булаховскэ Л.А. [1954], абы Жирмунскэ В.М. [1968], Смирницкэ А.И. [1955], Будагов Р.А. [1978], Тихонов А.Н. [1968], нэгьуэщІхэми я лэжьыгьэхэм зыужьыныгэ щигьуэташ. Абы нэмышІ, еджакІуэхэм шхьэкІэ зэхалъхьа тхыльхэми инэхьыбэм а бгьэдыхьэкІэраш кьагьэсэбэпыр. Хабзэу кьекІуэкІ псалъэ лъэпкыгыуэхэм я зэхэгьэкІыкІэм Кацнельсон С.Д. [1972] хэльхьэныгьэшхуэ хуишІаш. Абы етх: «Хабзэу кьекІуэкІ грамматикэм дапщэши кьельыташ грамматикэ зэхэлъыкІэмрэ лексикэмрэ я зэхуэмыдэныгьэр нэгьэсауэ зэрышчымытыр. Абы нэмышІ, грамматикэм и зэщхьэщыкІыныгьэхэр лексикэ псом пхырокІ, и кІуэцІымкІи ар кьызэригьэпэшу». Апхуэдэу шытми, «хабзэу кьекІуэкІ грамматикэм зэгьусэу

щымытыфхэр зэулу ишлу псалъэ лъэпкыгыуэхэр щызэгуригъауэм деж, зэм морфологиемкIэ, зэм синтаксисымкIэ, зэм категорэ мыхьэнэмкIэ зэунэтI, икIэм-икIэжым, зыми хуэмыкIуэу» [Кацнельсон 1972: 128].

Хабзэу къекIуэкI псалъэ лъэпкыгыуэкIэ зыхэгъэкIыным и щыщIагъэ нэхьыбэр кызыыхэкIыр ар флексивнэ бзэхэм (я псалъэзыыхуэжыр инэхьыбэм кIэууххэм ягъэзащIэу) зэрытешIыхъаращ. Абыхэм морфологиие къэхьукъащIэхэм яхуэмыфащэу мыхьэнэшхуэуэ ират. Апхуэдэ Iуэху бгъэдыхьэкIэм аналитическэ бзэхэм (зэхэлъ гъэпсыкIэкIэ ухуахэм) я псалъэ лъэпкыгыуэхэм я Iуэхугъуэ гугъур нэгъэсауэ зэхигъэкIыфыркъым. Абы кыыхэкIыу шэч кытыдохьэ европейскэ бзэхэм тешIыхъа хабзэу къекIуэкI гуэшыныгъэр европейскэу щымыт бзэхэм епхьэлIэ хьуным. Языныкыуэ бзэщIэныгъэлIхэм (Жирмунскэ В.М. сымэ [Жирмунский 1968: 24]) хабзэу къекIуэкI гуэшыныгъэр сыт хуэдэ бзэми хэзагъэу ябж, адреихэм (Сепир Э. сымэ [Сепир 1934: 93]) бзэ дэтхэнэми цIэхэмрэ лэжыгъэцIэмрэ щыIэу къалыгъэ. Кацнельсон С.Д. япэ IуэхуеплгыкIэр нэхь къещтэ, ар нэхь тэмэму къелыгъэри. Ауэ кыыхегъэщ: «хабзэу къекIуэкI псалъэ лъэпкыгыуэхэм я гуэшыкIэм бзэ псоми хуэпхь хьунукъым, псоми хуэкIуэ нэшэнэхэмрэ нэгъуэщIэхэм емыщхьхэр апхуэдизкIэ абы щызэхэзэрыхъащи, псалъэ лъэпкыгыуэхэм я лексикэ-семантикэ нэшэнэгъэлягъуэри IупщIу щыткымыи» [Кацнельсон 1972: 130]. Кацнельсон С.Д. и IуэхуеплгыкIэхэр грамматикэмрэ лексикэмрэ зыджхэм къагъэсэбэп. Бзэм хэт псалъэхэр гуп-гупу бгуэшыны щхьэкIэ, хуэфашэ нэшэнэгъэлягъуэ ептын щхьэкIэ, лексикологиемрэ семасиологиемрэ ямызакъуэу, грамматикэми зыхуэбгъэзэн хуейщ. Псалъэм папщIэ, урысыбзэ грамматикэхэм [ГРЯ 1952; ГСРЛЯ 1970; РГ 1980] кыыхагъэщ псалъэм бзэм щилэ мыхьэнэшхуэмрэ ар грамматикэ зэхэлгыкIэм зэрэпхамрэ.

БзэщIэныгъэм и тхыдэм хыболъагъуэ лексикэ-грамматикэ системэр псом япэу (тхыгъэжыкыбзэхэм, тхыбзэншэ бзэхэм) яджу зэрыщытар. Апхуэдэу, Нэгумэ Ш.Б. деж кыщыщIэдзауэ адыгэбзэ грамматикэм теухуа лэжыгъэхэм бзэм хэт псалъэхэр къахутэу шытащ. Ди къэралми, нэгъуэщI къэралхэми щызекIуэ грамматикэ еджэныгъэхэм затедгъэщIэурэ, адыгэбзэм и шытыкIэ хэхар къэтлыгътэурэ, иджырей бзэщIэныгъэлIхэм лексико-грамматикэ гуп I1 зэхагъэкI: щылэцIэ, пльыфэцIэ, бжыгъэцIэ, цIэпапщIэ, къэхьукIэцIэ, лэжыгъэцIэ, псалъэужь, псалъэзэпыщIэ, псалъэкIапэ, макъыщIэ, макъзыпэщIыж псалъэхэр. ЛэжыгъэцIэр адреи къедбжэкIа псалъэ лъэпкыгыуэхэм къащхьэщокI и гугъуагъымкIи, гъэпсыкIэ къулеймкIи. Абы щыхьэт кытохьуэ адыгэбзэ лэжыгъэцIэхэм я лексико-грамматикэ лIэужыгыуэхэмрэ морфологиие категорэхэмрэ. Лъэлэс – лъэмыIэсымрэ, хьей – мыхьеймрэ, уха – мыухамрэ – абы и лексико-грамматикэ лIэужыгыуэхэм ящыщ. Морфологиие категорэхэм хохьэ щхьэ, бжыгъэ, зэман, тешэ, хуэгъуэуш къэзыгъэлягъуэхэр. Абы нэмыщI, зыхуэгъэза, зэщIыгъуныгъэ, зэпыщIэныгъэ, язэхуэдэныгъэ категорэ сыт хуэдэхэри лэжыгъэцIэхэм кыыхагъэкI. Адыгэбзэм инфинитивым, IуэхуцIэхэм, IуэхудэкIуэхэм шытыкIэ хэха щалэщ.

ЩылэцIэм и лексико-грамматикэ лIэужыгыуэхэу ябж унейрэ зэдаймрэ, пыухыкIамрэ тельагъуэкIамрэ. Абы нэмыщI, щылэцIэхэм гъэнэхуа-мыгъэнэхуа, кызэщIэзыкыуэ, пкъахуэ мыхьэнэхэри яIэнкIэ мэхьу. Зи гугъу тщIы псалъэ лъэпкыгыуэм псалъэзэшэ, бжыгъэ, еигъэ, зэпыщIэныгъэ морфологиие категорэхэр иIэщ. Урысыбзэмрэ адреи индоевропей бзэхэмрэ хуэмыдэу, адыгэбзэм щылэцIэхэр гупитIу щызэхагъэкI – цIыхумрэ хьэпшыпхэмрэ. ЦIыху къэзыгъэлягъуэ щылэцIэ къудейхэрщ упщIэ *хэт?* зыхуэбгъэу хьунур. Псалъэм папщIэ, *Хэт жызылар?* – *ЕгъэджакIуэм. Хэт зыщлар?* – *ПхьащIэм. Хэт бгъэкIуар?* – *ЩIалэр.* Адреи щылэцIэхэм (псэ зыIутхэми псэ зыIумытхэми) упщIэ *сыт?* хуагъэу. Щапхьэ: *Сыт пльагъур?* – *Унэ, жыг, хьэ, бзу, шы,* нэгъуэщIэхэри. А зи гугъу тщIа семасиологическэ щхьэхуэныгъэр, Чикобавэ А.С. зэрыжиIэмкIэ, кавказыбзэ псоми и хабзэу шытщ: «упщIэ *хэт?* цIыхум фIэкIа епхьэлIэ хьунукъым. Адреи псори, псэушхьэхэри абы хэту, категорэ *сыт*-ым? хохьэ. *Сыт хьуакIуэр?* – *Шыр. Сытым*

шэр кыщцІэкрэ? – Жэмым. Апхуэдэхэм упщцІэ хэт? хуэбгъэувыфынукъым. Псэушхьэхэр хьэпшып къэзыгъэлягъуэ грамматикэ гупым хохьэ» [Чикобава 1968]. Адыгэбзэм, псалъэм папщцІэ, дэтхэнэ псэушхьэми я гугъу щапщцІым деж мыпхуэдэ упщцІэ хуэбгъэувыфынуш: *Сыт мы нартыхур зышхар? Сыт мы хадэр зыутар? Мо кьакІуэр сыт – дыгъужь е мэлыхъуэхьэ?* Абы нэмыщцІ, сабий кьальхуагъащцІэм, иджыри цІэ зыфІамышам щыщцІэупщцІэм деж упщцІэ *сыт?* кьагъэсэбэп: *Сыт Ланэ кыльхуар – щІалэ хьэмэ хьыджэбз?* АрщхьэкІэ, щцІыху сабийм е псэушхьэ гуэрым и гугъу щыпщцІым деж *сыт?* жыпІэну щэныншэу кьалыгтэ. Апхуэдэхэм деж псэушхьэ гуэрым щыщцІэупщцІэм деж *дэтхэнэр?* упщцІэр нэхь хуокІуэ: *Дэтхэнэр уи уанэишхэм кьатэжар? Уи жэмхэм дэтхэнэра шэ нэхьыбэ кьозытыр?* Сабийм щхьэкІэ жалэ: *Хэт абы щыгъуэ Ланэ кыльхуар – Мадинэ хьэмэ Маринэ?* Дэтхэнэ адыгэми ещцІэ дэ кьэтхьа шапхьэхэм упщцІэ *сыт?* хуэбгъэувы зэрымыхъунур. Чикобавэ А.С. [1968] жыхуиІа семасиологическэ щхьэхуэныгъэр адыгэхэри, адрей кавказ цІыхури я мыбзэкІэ (урысыбзэкІэ е нэгъуэщцІ гуэркІэ) щыпсалъэкІэ кьыхош. Псалъэм папщцІэ, урысыбзэм хуэмыкІуэу адыгэбзэм *Тимур уи сыт?* жепІэн хъуейщ, ауэ *Тимур уи хэт?* жыпІэ хъунукъым.

ПлъыфэцІэхэр лексико-грамматикэ лІэужьыгъуэхэу зэхагъэкІ щытыкІэ-гъэлягъуэхэрэ ехьэллауэ, морфологие категорэу бжыгъэ, псалъэзешэ, зэлыгыныгъэ мардэхэр ялэщ. Гу зылыгытапхьэщ, адыгэбзэм а зы псалъэр щыІэцІэуи плъыфэцІэуи щыщытынкІэри мэху. Зэвгъапщэ: *нэху* «дыгъэ, мазэ, уэздыгъэ с.ху. кыппих нур псори плъагъу зыщцІ» – *нэху* «лыд, цІу», *ниэр* «лым кІэрыль щэ» – *ниэр* «лыфІэ, дагъэ зыщцІэль, лы зытелъ», нэгъуэщцІхэри. Иджыри кьэхутауэ щыткъым синкретическэ кьэхукъащцІэхэмрэ мыпхуэдэ кьэхукъащцІэхэмрэ я зэхушытыкІэхэр: 1) псалъалъэхэм мыхьэнэбэу (*гъушцІ* «жырымрэ шыгунымрэ углевод яыхьа нэужь, дыжыныфэ иІэу кьэху металл» – *гъушцІ* «а металлым кьыхэщцІыкІауэ») е ІукІэзэшхьыгъуэ (*жьы* «ныбжышхуэ зиІэ, куэд щІа, кхьахэ» – *жьы* «хьэуа») кьэгъэлягъуа псалъэхэмрэ, 2) конверсиекІэ зэпха псалъэхэмрэ (*гъукІэ* «ипкІыурэ гъушцІым хьэпшып, Іэмэпсымэ гуэрхэр кьыхэзыщцІыкІ, а ІэщІагъэм ирилажьэ» – *гъукІэ* «гъушцІ хьэпшып кьыщыхашцІыкІ щыпІэ»; *пхьащцІэ* «пхьэм елэжэ ІэщІагъэлІ» – *пхьащцІэ* «пхьэм кьыхэщцІыкІа хьэпшып здащцІыр»), 3) конверсиемкІи мыхьэнэбэкІи зэпха псалъэхэмрэ (*мэкъуауэ* 1. а) «мэкъу пызыупщцІ цІыху»; б) «мэкъу пызыупщцІ цІыхум ехьэллауэ»; 2. а) «мэкъу шыпаупщцІ, шагъэхьэзыр, шеуэ»; б) «мэкъу шыпаупщцІым ехьэллауэ»). Апажэ М.І. зэригугъэмкІэ, кьэдгъэлягъуэ синкретическэ кьэхукъащцІэхэр плъыфэцІэхэм я щыІэцІэ хъуныгъэмрэ (*щІалэ* «ныбжыщцІэ, цІыхухъу хэмыкІуэта» → *щІалэ* «зи щІалэгъуэ (цІыху)»), щыІэцІэхэм я плъыфэцІэ хъуныгъэмрэ (*кьару* «лэщагъ, бланагъэ» → *кьару* «лэщагъ зыбгъэдэлъ») кьыхэкІауэ убж хъунуш. Апхуэдэхэм деж кьытекІа-кызытекІа мыхьэнэхэр зэхэбгъэкІын щхьэкІэ этимологиие кьэхутэныгъэ ебгъэкІуэкІын хуейщ [Апажев 1999: 16–17].

БжыгъэцІэм и лексико-грамматикэ лІэужьыгъуэхэр зэхуэщцІауэ щытщ, плъыщцІым нэс лексикэ занэхэр хиубыдэу. Абы нэмыщцІ, бжыгъэцІэхэм хабзэ хъуауэ хагъэхьэ абы кьатекІа лІэужьыгъуэхэр: зыгуэш (*зырыз, щырыщ, хырых, н.*), кызыэрытригъэзэж (*бгъуэ, тІоцІрэ, минрэ, н.*), кьутахуэ (*пІланэ, тІоцІланэ, ныкъуэ, н.*), зэрызэкІэлъыкІуэ (*ещанэ, етІуанэрей, ещыкІуианэ(рей), н.*).

ЦІэпапщцІэхэри лексико-грамматикэ гуп зэхуэщцІауэ убж хъунуш, ахэр лІэужьыгъуэкІэ зэшхьэщокІ: щхьэ (*сэ, уэ, дэ, н.*), еигъэ (*сысей, дыдей, н.*), зыгъэлягъуэ (*ар, мыр, мор, н.*), зэрыупщцІэ (*хэт, сыт, дэтхэнэ, н.*), зыгъэнаІуэ (*езы, щхьэж, хэти, н.*), мыгъэнэхуа (*гуэр, зыгуэр, н.*).

КьэхукІэцІэхэр гупитІу ягуэш – зыгъэнаІуэрэ зэрыхуу. ЗыгъэнаІуэ кьэхукІэцІэхэр лІэужьыгъуитІу зэхэтщ: а) щытыкІэгъэлягъуэхэрэ (*лэщу, лъагъу, дахэу, куууэ, н.*); б) бжыгъэ кьэзыгъэлягъуэхэу (*куэдрэ, апхуэдизу, мардэнишэу, икъукІэ, н.*). Адыгэбзэм и зэрыхуу кьэхукІэцІэхэр Іуэхугъуэр зэрагъэнаІуэ илгъэныкъуэкІэ зыбжанэу зэшхьэщокІ. Апхуэдэхэщ зэман (*дыгъуасэ, гъатхэм,*

н.), шьыпIэ (*мыбдеж, дэни, н.*), щхьэусыгъуэ (*зэрымыщIагъэкIэ, абы цхьэкIэ, н.*), мурад (*цхьэ, сьт, н.*) зыгъэлыагъуэ къэхьукIэцIэхэр.

Iэдэж псалъэхэр (псалъэужьхэр, псалъэзэпыщIэхэр, псалъэкIапэхэр) куэд хьуркьым, ахэри зэхуэщIауэ щытщ. Щербэ Д.В. [1974] зэрыжиIэмкIэ, Iэдэж псалъэхэм щхьэхуэу уатепсалъыхьын хуейщ – ахэр «лексикэр зэраухуэ пкыгъуэхэщ», бзэ кызыгъэпэщыным мыхьэнэшхуэ шаIыгыгу. Блох М.Я. [2000] зи щхьэ хушытыж псалъэхэр бзэм и сэлэту къелыгтэ, Iэдэж псалъэхэм офицер папщIэу ахэр зэрагъакIуэу.

Псалъэужьхэр псалъэухам щыIэцIэхэм, цIэпапщIэхэм, къэхьукIэцIэхэм, лэжыгъэцIэм я гъэпсыкIэхэм кIэлюкIуэ, я грамматикэ хушытыкIэ зэмылIэужьыгъуэхэр къагъэлыагъуэу. НэгъуэщIу жыпIэмэ, псалъэужьхэм псалъэухам псалъэзэшэ кIэуххэм я къалэн шагъэзашIэ. Псалъэм папщIэ, *Ар псым нэс кIуащ. Иджыри къэс дэнэ ушыIа? Машинэр куэбжэм деж къыщигъэувыIащ.* Псалъэужьхэр лексико-грамматикэ лIэужьыгъуэхэу ягуэш: шьыпIэ (*дей, идеж, пацхьэ, н.*), зэман (*лэндэрэ, пцIондэ, къэс, н.*), щхьэусыгъуэ (*папщIэ, кыыхэкIкIэ, н.*), мурад (*цхьэкIэ, н.*) мыхьэнэ сьт хуэдэхэр яIэу.

Адыгъбзэм щызэхагъэкI псалъэзэпыщIэ зэпызыщIэхэмрэ зыгъэIурыщIэхэмрэ. ЗэпызыщIэхэм хохьэ 1) зэзыпх псалъэзэпыщIэхэмрэ (*икIи, аби, н.*), псалъэзэпыщIэ лъабжьэужь *-и//-икI, -ри//-рикI, -рэ-хэмрэ*; 2) зыгуэш псалъэзэпыщIэхэр (*е, хьэмэ, зэ, н.*); 3) зэпэщIэуэ псалъэзэпыщIэхэр (*ауэ, атIэ, арицхьэкIэ, н.*). ЗыгъэIурыщIэхэм хохьэ щхьэусыгъуэ (*сыту жыпIэмэ, сьт цхьэкIэ жыпIэмэ, н.*), хуэгъэкIуатэ (*цхьэкIэ, нэт, нэтми, н.*), мурад (*папщIэ, цхьэкIэ, н.*), кыыхэкI (*абы кыыхэкIкIэ, ауэ цыыхьукIэ, н.*) псалъэзэпыщIэхэр.

ПсалъэкIапэхэм псалъэхэмрэ псалъэухамрэ я мыхьэнэ зэмылIэужьыгъуэхэр къаIуатэ. ПсалъэкIапэхэр мыпхуэдэ лексико-грамматикэ лIэужьыгъэхэу зыщхьэщокI: зыгъэлыагъуэ (*мис, мьдэ, н.*), щыIэныгъэ (*хьуниц, нтIэ, н.*), щымыIэныгъэ (*хьэуэ, алэ, н.*), зэрыупщIэ (*нIэрэ, цэ, н.*), зэзыгъапщэ (*хуэдэ, нэхьей, н.*), хуэгъуэш (*илэт, еуэ, н.*), пыухыкIа (*кьудей, н.*), зэтэзыIыгъэ (*догуэ, зэ, н.*), зыгъэлыэщ (*нэтрэ, дьдэ, н.*), лъэIу (*кхьылэ, н.*), зыгуэрым зэрызыухагъазэм и щIэгъэхуэбжэныгъэ (*уа, н.*), куэд мыхьэнэ зыхэлъ (*сьмэ, н.*), хуит щIыныгъэ (*зи, зикI, н.*), мыгъэнэхуа (*гуэр, н.*), уасэхуэщI-зыхэщIэ (*гуицэ, н.*).

МакъыщIэхэр адреI псалъэ лъэпкыгъуэхэм (зи щхьэ хушытыж псалъэхэми, Iэдэж псалъэхэми, макъзыпэщIыжхэми) ещхькьым. Абыхэм цIыхум и гурыщIэхэр, и щытыкIэ зэмылIэужьыгъухэр къаIуатэ. Къагъэлыагъуэ мыхьэнэ елытауэ макъыщIэхэр гупищу зэхагъэкI: 1) унафэ, хуэгъэушыныгъэ къэзыгъэлыагъуэхэр (*хьейдэ, маржэ, н.*); 2) зыхэщIэныгъэ зэмылIэужьыгъуэ къэзыгъэлыагъуэхэр (*еу-уей, а-Iей, н.*); 3) этикет къэзыгъэлыагъуэхэр (*гун махуэ апиций, н.*). Абы нэмышI, макъыщIэхэр гендер-ныбжэ зэщхьэщыкIыныгъэкIэ ягуэш: цIыхухьухэм (*Iагъу, зиунагъуэрэ, н.*), цIыхубзхэм (*а-на гуицэ, адыдыд мьгъуэ, н.*), сабийхэм къагъэсэбэпыр (*IыIы, уэррей, н.*). ИщхьэмкIэ зи гугъу щытщIа псалъэ лъэпкыгъуэхэм елытауэ макъыщIэхэм сьт щыгъуи къахохьуэ. Ар хэзыгъахьуэхэм ящыщ псалъэ кыыхыыхахэр, IэщIагъэ гуэрым епха псалъэхэр, нэгъуэщIэхэри.

Языныкьуэ бзэщIэныгъэлIэхэм макъзыпэщIыж псалъэхэр псалъэ лъэпкыгъуэ щхьэхуэу ябж. МакъзыпэщIыж псалъэхэр мыхьэнэкIэ зэщхьэщокI теплэ къэзыгъэлыагъуэхэрэ (*шыкь, хьуицт, н.*) зэрызыпашIыж псалъэхэу (*кьурт-кьурт-кьурт, цIу-цIу-цIу, н.*). Гу зылытапхьэщ, макъзыпэщIыж псалъэхэм нэгъуэщI лексико-грамматикэ гупхэм хыхьэ псалъэхэр къатокI. Псалъэм папщIэ, макъзыпэщIыжхэм къатехьукIащ *кьугъын, кьэкъэн, цыицын, чэчэн, буун, гьуэхьуэн* сьт хуэдэ лэжыгъэцIэхэр.

KIэухуы жытIэнщи, лексико-грамматикэ системэм и кьэхутэныгъэ нэхьыщхьэхэм ящыщ грамматикэ псалъалъэхэр зэхэлъхьэныр, псалъэм папщIэ, псоми яцIыху, купщIэ куу зиIэ Зализняк А.А. и «Урысыбзэм и

грамматикэ псалъальэм» [1977] хуэдэхэр. Абы нэмышцI, псалъэ лъэпкъыгъуэ щхьэхуэхэм теухуа псалъальэхэми мыхъэнэшхуэ ялэщ, апхуэдэу щытщ Сазоновэ И.К. зэхилъхьа «ЛэжыгыэцIэмрэ абы и IуэхуцIэ гъэпсыкIэхэмрэ» [1989], нэгъуэщIхэри.

ИщхьэкIэ шыжытIахэм IупщI къащI псалъэм и лексикэмрэ грамматикэ щытыкIэхэмрэ я мыхъэнэмкIэ зэрызэпхар, зыр адреим зэрыхыхьэр. Абы къокI псалъэр а лъэныкъуитIымкIи къэхутэн зэрыхуейр. Адыгэбзэм хэт псалъэхэр семантико-грамматикэ бгъэдыхьэкIэкIэ къэплъытэмэ, лексикэр зэхуэмьдэ гупиплIу бгуэш хъунущ. Япэр, нэхь иныр, зи щхьэ хушытыж псалъэ лъэпкъыгъуэхэм къагъэхьу – щыIэцIэхэм, лэжыгыэцIэхэм, плъыфэцIэхэм, къэхьукIэцIэхэм. Абыхэм иджырей адыгэбзэм и лексико-грамматикэ системэр къызэлухауэ шагъэт, сыт шыгыуи зрагъэубгъуу. ЕтIуанэр, зэхуэщIауэ, хэмыхьуэу шытыр, цIэпапщIэхэмрэ бжыгъэцIэхэмрэщ. Ещанэ гупым, инэхьыбэм зэхуэщIам, Iэдэж псалъэхэр къызэщIекъуэ – псалъээпыщIэхэр, псалъэужьхэр, псалъэкIапэхэр. Еплланэм, ари инэхьыбэм зэхуэщIауэ шытым, макъыцIэхэмрэ макъзыпэщIыж псалъэхэмрэ хохьэ. Иужьрей гупищым хыхьэ псалъэхэр псори зэхэту щэ зыбжанэ нэхьыбэ хьуркъым. Зи гугъу тщIа гупхэр бзэщIэныгъэм шагъэзащIэ къалэнымкIи зэхуэдэу щыткъым: зэхуэщIауэ щытхэр, къызэлухахэм елыгытауэ, нэхьыбэрэ къагъэсэбэп.

ТегъэщIапIэ тщIа литературэрэ

1. *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.
2. *Блох М.Я.* Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2000. 160 с.
3. *Будагов Р.А.* Система и антисистема в науке о языке // Вопросы языкознания. 1978, № 4. С. 3–17.
4. *Булаховский Л.А.* Введение в языкознание. М.: Учпедгиз, 1954. Ч. II. 177 с.
5. *Виноградов В.В.* О грамматической омонимии в современном русском языке // Русский язык в школе. 1940. № 1. С. 1–14.
6. *Головин Б.Н.* Язык // Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. М.: Просвещение, 1979. С. 161–162.
7. *ГРЯ – Грамматика русского языка.* Т. 1: Фонетика и морфология. М.: АН СССР, 1952. 720 с.
8. *ГСРЛЯ – Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова.* М.: Наука, 1970. 767 с.
9. *Жирмунский В.М.* О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. М.; Л.: Наука, 1968. С. 7–32.
10. *Зализняка А.А.* Грамматический словарь русского языка. М.: Русский язык, 1977. 879 с.
11. *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.
12. *РГ – Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова.* Т. 1. М.: Наука, 1980. 783 с.
13. *Сазонова И.К.* Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М.: Русский язык, 1989. 587 с.
14. *Сепир Э.* Язык. Введение в изучение речи. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. 223 с.
15. *Смирницкий А.И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 11–53.
16. *Тихонов А.Н.* Части речи – лексико-грамматические разряды слов // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. М.; Л.: Наука, 1968. С. 220–221.
17. *Чикобава А.С.* Части речи как понятие филологической грамматики и как понятие описательного научного анализа // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. М.; Л.: Наука, 1968. С. 49–63.
18. *Шахматов А.А.* Очерк современного русского литературного языка. М.: Учпедгиз, 1941. 288 с.
19. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

О ЗНАЧЕНИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА)

Токмакова Мадина Хасанбиевна, orcid.org/0000-0003-2172-5070, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), tokmak_madina_h@mail.ru

Данная статья посвящена одной из структурированных зон лексики – лексико-грамматической системе, ее значению в языкознании. Анализируются различные подходы ученых к изучению данной системы, обнаруживающие отдельные недостатки в традиционной классификации частей речи, используемой во многих языках, в том числе в русском и кабардино-черкесском. Выделяются основные лексико-грамматические классы в кабардино-черкесском языке: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, наречие, глагол, послелог, союзы, частицы, междометия, мимео-изобразительные слова. Указываются их специфические особенности: богатство форм у глагола; отсутствие категории рода у существительных и наличие у них двух классов – класса лиц (человека) и класса вещей (не человека); нерасчлененность выражения значений существительного и прилагательного и т.д. Отмечено, что словарный состав кабардино-черкесского языка с семантико-грамматической точки зрения делится на четыре неравные группировки, каждая из которых включает знаменательные или служебные части речи, характеризуется способностью непрерывно пополняться новыми единицами или ограничивается уже имеющимися единицами. Замечено, что данные группировки далеко не равнозначны по своей роли в языке и по своим функциям: закрытые, малочисленные разряды значительно превосходят по частоте употребления открытые, многочисленные классы слов.

Ключевые слова: традиционная грамматика, части речи, лексико-грамматические классы, знаменательные слова, служебные слова, разряды, морфологические категории.

ABOUT THE VALUE OF THE LEXICO-GRAMMATIC SYSTEM (ON THE MATERIAL OF THE KABARDINO-CHERKESS LANGUAGE)

Tokmakova Madina Hasanbievna, orcid.org/0000-0003-2172-5070, Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Kabardino-Circassian Language Sector, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), tokmak_madina_h@mail.ru

This article is devoted to one of the structured areas of vocabulary – the lexical-grammatical system, its meaning in linguistics. Various approaches of scientists in the study of this system are analyzed, revealing certain shortcomings in the traditional classification of parts of speech used in many languages, including Russian and Kabardino-Circassian. The main lexical and grammatical classes in the Kabardino-Circassian language are distinguished: noun, adjective, numeral, pronoun, adverb, verb, postpositions, conjunctions, particles, interjections, mimeo-figurative words. Their specific features are indicated: richness of verb forms; the absence of a gender category for nouns and the presence of two classes in them – a class of persons (a person) and a class of things (not a person); indivisibility of the expression of the meanings of the noun and adjective, etc. It is noted that the vocabulary of the Kabardino-Circassian language from the semantic and grammatical point of view is divided into four unequal groupings, each of which includes significant or service parts of speech, is characterized by the ability to continuously replenish with new units or is limited to existing units. It is noticed that these groupings are far from equivalent in their role in the language and in their functions: closed, small-numbered digits significantly exceed the frequency of use of open, numerous classes of words.

Keywords: traditional grammar, parts of speech, lexical and grammatical classes, significant words, service words, categories, morphological categories.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-67-72

РАМКИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ ЛИТЕРАТУРЫ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Алхасова Светлана Михайловна, orcid.org/0000-0003-1773-285X, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), alkhas55@mail.ru

Тема истории и судьбы адыгского (черкесского) народа – центральная в адыгской национальной художественной литературе. И хотя рамки истории, к которой обращалась адыгская литература, не ограничивались только XIX веком (периодом Кавказской войны) и первой четвертью XX столетия и предметом художественного осмысления писателей диаспоры становился и черкесско-мамлюкский период, в особенности время правления адыго-абхазской династии в Египте (XII–XV вв.), все же главной и основной темой в литературе зарубежной черкесской диаспоры оставалась тема Кавказской войны и махаджирства. Поэтому вся проза, и, прежде всего, исторический роман, посвящены названным выше темам. Поскольку в исторической памяти еще свежи трагические события XIX в. (Кавказская война 1763–1864 гг.), сопровождавшиеся гибелью и выселением в Турцию сотен тысяч адыгов (черкесов) и других горцев Северного Кавказа, они не могут не отображаться в литературе. Последствия выселения горцев Северного Кавказа периодически и последовательно дают о себе знать и в современном мире. Связано это с тем, что, став малочисленным народом в зарубежной черкесской диаспоре, а также на своей исторической родине, черкесы регулярно оказываются под угрозой естественной ассимиляции среди более многочисленных народов. Как известно, мировая историческая публицистика, а также мемуарная литература XIX – начала XX вв. оставили огромное наследие: сочинения, наблюдения, воспоминания, исторические описания о жизни и быте горцев, о Кавказской войне и др. Они всегда были доступны писателям, ученым, историкам зарубежной черкесской диаспоры. Все эти факторы сыграли важнейшую роль в обращении литературы к художественным произведениям, научным трудам и изысканиям по составлению словарей и азбук черкесского языка, по лингвистике родного языка и другим трудам и сочинениям, начиная с конца XIX века и до конца XX века, а также и до настоящего времени.

Ключевые слова: литература черкесского зарубежья, Кавказская война, жизнь и быт горцев, мировая публицистика, исторический роман.

Несмотря на то, что адыги-черкесы оказались на грани исчезновения, народу удалось выжить и сохранить традиционную культуру и создать свою оригинальную литературу. Одним из ярких представителей черкесского (адыгского) зарубежья является Расим Рушди [Хафицэ 2000]. Египетский ученый и писатель черкесского происхождения, видный деятель черкесского зарубежья Рушди Расим Осман (Фэукьюэ) (1898–1976) – потомок черкесских махаджиров – родился в Каире. Он внук генерала Осман Руфки-паши – военного министра в правительстве хедива Тауфик-паши. Успешно окончил Сорбоннский университет в 1920 году. Во времена египетских королей Фуада Первого (1917–1936) и Фарука (1936–1952) занимал высокие государственные должности. Являлся одним из основателей и руководителей Общества черкесского братства в Каире (1932). Поддерживал тесные связи с адыгами Иордании, Сирии, Турции. Печатался в каирских журналах «Аль-Рисала» («Письмена») и «Аль-Муктатаф» («Избранное»). Автор романа «Жан».

Рушди Расим Осман (Фэукьэ) является автором научно-исследовательских и публицистических работ: «Черкесы и Египет», «Ислам и свободомыслие», «Алибек аль-Кабир», «История национальной трагедии черкесского народа», «Это моя нация (Черкес рассказывает о своем народе)», а также повести «Жан» (1949), посвященной геноциду адыгов в XIX столетии. Книга «Это моя нация» переведена на русский язык Абубекиром Гукемухом и издана в Нальчике в 1993 году.

До настоящего времени не опубликованы его романы «Очарованная весной» и «Султан Абдул-Хамид».

Остановимся подробнее на рассмотрении самого крупного литературного произведения Расима Рушди – исторического романа «Жан», хорошо известного в среде черкесов зарубежья. Он написан на арабском языке в первой половине XX в. В 1988 г. в Иордании, в издательстве «Мактаббат Ашабаб» роман «Жан» был переиздан вторично. В 2004 году роман переведен на кабардино-черкесский язык репатриантом Аднаном Калмыковым и опубликован в Нальчике в издании «Хэхэс дуней» («Мир махаджиров»), подготовленном Х.Т. Тимижевым [Тымыжь 2004].

Произведение предвещает развитие исторического романа в черкесской диаспоре XX в. Расим Рушди (Фэукьэ) продолжил художественную традицию, начатую во второй половине XIX века Ахмедом Мидхатом в романе «Кавказ» и повести «Черкесские воспоминания». Рушди художественно раскрывает историю и этнопсихологию своего народа, переживающего Кавказскую войну и махаджирство. Его произведение написано после тщательного изучения им истории адыгов в архивах Британии. В тот же период, в 1939 году, одновременно с выходом романа Рушди публикует в Иерусалиме историческое исследование на английском языке «The tragedy of the nation in the history of the Circassians» («Трагедия народа в истории черкесов»).

Героиня произведения – легендарная женщина по имени Жан, которая хранит верность своему народу, как завещал ей ее отец, великий адыгский князь. Жан – женское имя, в переводе с черкесского означающее «острая», «тонкая», «умная», «проницательная». Постепенное, «ступенчатое» крушение надежд обозначается в романе сначала смертью великого князя, затем героической гибелью мужа Жан. А кульминацией становится трагический тупик, символизирующий «путь в никуда», – это гибель мальчика на руках у Жан.

В любой культуре смерть единственного сына на руках у матери, может символизировать только полное внутреннее опустошение. Жан теряет сына, когда она уже на корабле, и она держит путь в неизвестность. Ведь сын в адыгском мифо-эпическом представлении – это продолжатель рода. С его гибелью фактически гибнет сам народ. Писатель усилил краску безысходности, чтобы, по-видимому, подчеркнуть свою собственную утрату веры в будущее и гибель надежды на выживание своего народа на чужбине.

В выборе эмиграции, по мысли писателя, кроется катастрофа. Но Рушди не видит и иного выхода для него, исключая существование на родине после поражения. Утрата «свободы» – это не меньшая беда. Так, его главная героиня размышляет о том, что оставаться в отечестве равносильно «рабству». То, что герои романа считают рабством, на деле было ли таковым? Сколько войн испытало человечество на протяжении тысячелетий ... Все ли проигравшие войну эмигрировали? Обязательно ли поражение означает рабство? Сложение оружия, отступление – вот, что значит проиграть войну, но при этом – и возможность оставаться жить на своей земле... Разве это было бы хуже того, что их ожидало в эмиграции? Вопросов возникает много. Поиски ответов на эти вопросы, собственно, и формировали творчество адыгских писателей зарубежной диаспоры.

Как и писатель черкесского зарубежья Ахмед Мидхат, Рушди не превращает свое произведение в современный исторический роман, хотя многие элементы этого жанра уже ярко присутствуют в нем. Несомненно то, что мы имеем дело с

эпическим произведением. Трактовка характера жанра, в котором Рушди написал свое произведение, находит выражение в том, что герои неадекватно относятся к своей судьбе. Они выше этой судьбы своим духом, но общее чувство героев – ощущение «тупиковости» ситуации, ее безысходности – определяет трагическое настроение в повествовании. Мифоэпические художественные знаки и образы, которыми пользуется писатель, указывают на крушение всех надежд.

В романе «Жан» Расима Рушди нет той сложной многоступенчатой повествовательной структуры, которая присуща историческим романам М. Кандура, и которая, безусловно, определяет стиль этого автора. В нем главным и единственным повествователем выступает сам персонифицированный автор. Такой способ повествования облегчает восприятие сюжета.

Постоянное присутствие голоса писателя – отличительная черта романа. Следовательно, автор-повествователь играет особую роль в художественной системе произведения, формировании романной структуры, а его речь, вместе с диалогом и речами других героев, становится основным средством раскрытия характеров. Эта же речь раскрывает образ самого автора, его взгляды на исторические события и личности, она же устанавливает связь между прошлым, настоящим и будущим. Неразрывная связь между историей, мифологией и философией народа понимается автором как естество адыгской экзистенции. Главная тема романа «Жан» – бытие адыгов, их судьба, повествование о том, что с ними происходит, когда над народом нависает катастрофа войны и эмиграции.

Следует упомянуть об одной важной детали, на которую необходимо обратить внимание в романе, в особенности, при характеристике композиционной структуры данного произведения. Когда ученые (и российские, и зарубежные) пишут о романе «Жан», они обращают внимание на использование «гыбза» (песни-плача), свидетельствующего о сильном влиянии фольклора. Мифологизация образа Жан, думается, совершается Рушди активным воплощением гыбза – одной из форм устного поэтического творчества, успешно «перекочевавшей» в литературный жанр. Как известно, гыбза отождествляется в сознании адыгов с концом жизни, с концом всего земного существования. Поэтому, выражая свои мысли в форме гыбза, Рушди передает, прежде всего, свое собственное настроение, мировосприятие.

Расим Рушди создал оригинальную эстетику, опираясь на духовное наследие своего народа, и, таким образом, воплотил замысел своего романа.

Каждый этап этнодуховного развития черкесской (адыгской) диаспоры во всех странах, где жили черкесские махаджиры, выдвинул целую плеяду выдающихся писателей, философов, историков и других ученых, которые, по сути, были и деятелями культуры. Они активно участвовали в создании Адыгэ Хасэ, культурных обществ, издании литературных журналов, создавали алфавиты, пропагандировали собственную культуру, выступали со статьями о сохранении народа на страницах газет и журналов, организовывали и проводили конференции по языковым проблемам и т.п. В их числе просветитель, языковед, поэт, писатель Бленао Батоко Харун (Блэнауэ) (1886–1958) [Хафицэ 2000]. Он происходит из адыгского рода Блэнауэ. Родился в сирийском городе Хомсе. Окончил Стамбульский университет. Активный участник первой черкесской организации (1908), член комиссии по созданию адыгского алфавита на арабской и латинской графической основе. Составленный им алфавит на латинице был принят Северокавказским обществом в Стамбуле. На нем печатались различные документы и художественные сочинения. Преподавал на родном языке историю и географию в Черкесской образцовой школе, основанной силами Общества взаимопомощи черкесских женщин. Его стихи и статьи публиковались в журнале «Дианэ», издании этого общества. После образования Турецкой Республики вернулся в Сирию, где вместе со своими единомышленниками вел культурно-просветительскую работу среди сирийской черкесской диаспоры. Один из основателей Союза черкесской интеллигенции в

городе Кунейтра (Голанские высоты). Эта организация в 1928–1932 гг. выпускала газету «Мэрдж» на адыгском, арабском, французском и турецком языках, издавала школьные учебники и научно-популярные брошюры, книги.

В своих публицистических статьях Харун Батоко обращал внимание на то, что в рамках историко-культурного процесса в изгнании у черкесов-махаджиров сформировались богатый и уникальный фольклор и литература, отразившие мировосприятие и философские взгляды адыгов, их эстетическое отношение к жизни, природе и человеку. Ведь адыгский язык развивался, и он постоянно испытывал воздействие других языков: турецкого, арабского, английского, иврита, русского и других.

Вместе с тем бережно сохранялись и совершенствовались духовные и культурные составляющие этноса, нашедшие выражение в Адыгэ хабзэ – кодексе чести народа. Этнодуховной составляющей Адыгэ хабзэ, как указывал Харун Батоко, является «адыгагэ», которая способствует самоосознанию адыгов как части человечества.

Многочисленные работы Харуна Батоко посвящены разработке адыгского языка, его фонетике, созданию адыгского алфавита: «Черкесский алфавит» (1919, 1929), «Адыгэ бзэхабзэ» (1931), «Адыгэ алфабэ» (1932), «Адыгэ арджэн» (1929), «Учебник для чтения» (1929), «Наставления по верховой езде», «Адыгэ усэхэр» (1940); «Наставления по верховой езде», «Адыгэ усэхэр» (1940), «Образование звуков и букв в черкесском языке и создание единого алфавита» (1940).

Харун Батоко умер в городе Кунейтра в 1958 году.

Деятель культуры черкесской диаспоры, поэт, композитор, народный певец Кушхэ Доган сын Алладина (1956) родился в г. Кайсери в Турции. Учился в университете Анкары. В этот период, будучи молодым студентом, он являлся активным членом «Адыгэ Хасэ» («Адыгское Собрание»), вел большую работу среди своих черкесских (адыгских) студентов по сохранению родного языка.

Кушха Доган является одним из тех изгнанников, чей подвижнический труд помогает сохранять культуру народа. Начиная со студенческих лет, Доган увлекся идеей сохранения культуры и родного языка, начал заниматься национально-культурной работой на благо своего черкесского (адыгского) народа.

Уже в молодые годы Доган ездил по всем поселениям черкесской диаспоры, встречался со старшими из родов диаспоры, по крупицам собирая сохранившиеся в их памяти жемчужины родного фольклора: нартские сказания, мудрые изречения, легенды, поговорки и пословицы и т.д. Он встречался с такими известными аксакалами черкесской диаспоры, как: Мурадин Ауанис, Берд Масей, Зачий Тлигур, Кушук Фащмух, Махир Глостан, Бадредин Дышек и многими другими. Одновременно Кушха Доган начал собирать забытые и полузабытые песни, плачи, старинные песни и мелодии. Доган стал сам исполнять эти песни, и его исполнение имело большой успех у слушателей. Вскоре он приобрел большую популярность не только в странах, где проживает черкесская диаспора, но и у себя на исторической родине – на Северном Кавказе.

В 1980 году Кабардино-Балкарское объединение «Родина» пригласило делегацию адыгских репатриантов из Турции во главе с Кушха Доган. В 1982–1984 гг. Доган стал преподавателем черкесской (адыгской) культурологии в Адыгском образовательном учреждении в столице Иордании Аммане. Там же, в Аммане при адыгском клубе «Нади аль Жил» он организует группы певцов и танцоров и занимается их обучением. В 1992 г. он был делегатом Первого Адыгского Всемирного фестиваля от черкесской турецкой диаспоры вместе с организованной им в городе Кайсери группой певцов.

В 1995 году на Кабардино-Балкарском республиканском телевидении были записаны песни Догана в его сольном исполнении, аккомпаниатором выступил Миша Куада. Эти записи помещены в фонд телевидения КБР. Выступления

созданного Доганом фольклорного ансамбля песни и танца черкесской диаспоры из Турции проходили с аншлагом в Германии, Голландии, Турции, а также на малой родине – Адыгее, Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. В репертуаре ансамбля были представлены фольклорные песни, собранные по всей диаспоре, а также песни, написанные самим Кушха Доганом. В 2002 году Кушха Доган записал свои песни и издал их для широкой публики на CD-дисках. Песни Догана, такие как: «Песня Айтек Жетжера», «Песня Залимгерия Керефа», «Песня о моей жизни», «Песня о трагической гибели адыгских махаджиров», «Нет, не хочу!», «Мы едем, едем, за невестой едем», «Выйди, выйди замуж за меня, красавица», «Оредада», «Моя Тамара», «Андемыркан», «Скучаю по тебе», «Я пришел танцевать» и другие [Кушха Доган] – популярны во всех странах, где живут адыги.

В 2006 году на «World Art Committee», в котором принимали участие 33 страны, ему вручили золотую медаль и Почетную грамоту. Кушха Доган является почетным членом Кабардино-Балкарского фонда культуры, работник культуры. В 2012 году за заслуги перед адыгским народом в области культуры и искусства он был награжден также Почетным дипломом Кабардино-Балкарского государственного университета, ему присвоено высокое звание профессора университета. Он был посланником доброй воли от Кавказа, членом исполкома Всемирной Адыгской Хасы (ДАХ) с 2005 по 2013 гг., является членом совета Всемирной Адыгской Хасы.

В позднесоветский и постсоветский период времени в кабардинскую литературу влилась свежая литературная струя сочинений писателей зарубежной черкесской диаспоры, живущей на Ближнем Востоке, Турции, Европе и США [Алхасова 2015]. Литература писателей черкесской диаспоры – это результат историко-духовного развития на длительном отрезке времени [Надъярных 2005].

Культура черкесской диаспоры, развивавшаяся на основе этнодуховной идентификации Адыгэ хабзэ, была открытой. Особенностью ее является и такая характерная черта: литература черкесского зарубежья постоянно находилась в диалоге с культурами тех народов, среди которых жили и творили черкесы. Зарубежная черкесская (адыгская) литература не только испытала влияние других культур, но и сама оказала на них воздействие. Произведения таких писателей черкесского зарубежья, как Мохий Кандур, Кумук Мамдух, Фуад Дугуж, Аднан Кумук органично вошли в современную кабардино-черкесскую литературу. Говоря о новых, в прошлом запретных темах, следует назвать рассказы Мамдуха Кумука, поэтические произведения Аднана Кумыка, романы Мухадина Кандура, его трилогию «Кавказ» [Алхасова 2015]. Впервые М. Кандур отразил Балканскую трагедию адыгов в романах «Черкесы», «Балканская история», общая для адыгов национально-возрожденческая идея звучит в романе «И в пустыне растут деревья». Крупные художественные произведения писателя и кинорежиссёра Мухадина Кандура пронизаны национальным самосознанием и духовным возрождением адыгского народа.

Подводя итог, отметим, что рамки литературы черкесского зарубежья значительны и не ограничены в историческом времени. Они обогащают уникальный опыт всей адыгской литературы и способствуют ее самоутверждению.

Источники и литература

1. Алхасова С.М. Современная кабардино-черкесская литература. Фактологические и событийные материалы. Нальчик, 2015. 167 с.
2. Хафицэ М. Разбросаны адыги по белому свету. Книга о черкесском зарубежье. Нальчик: Эльбрус, 2000. 324 с.

3. *Надъярных Н.С.* Литературы народов России. М.: Наука, 2005. 376 с.
4. *Тымыжь Хь.* Хэхэс дуней. Изэрыуатэ тхыгъэ кыыхэхэхэр. Налшык: Эльбрус, 2004. С. 3–4, 99–101 (Мир махаджиров: сборник, составитель Х.Т. Тимижев. Налчык: Эльбрус, 2004. С. 99–101 (252 с.).
5. *Кушха Доган.* Материалы из личного архива Кушха Догана.

THE FRAMEWORK OF THE HISTORICAL TIME OF THE LITERATURE OF THE CIRCASSIAN ABROAD

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, orcid.org/0000-0003-1773-285X, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), alkhas55@mail.ru

The theme of the history and fate of the Adyghe (Circassian) people in a certain period of time is the central theme of the national fiction of the Circassian diaspora. But the scope of the historical time, to which the Adyghe literature of the Circassian abroad turned, was not limited only to the XIX century (the period of the Caucasian War) and partly to the first quarter of the XX century (the era of revolutionary events and the establishment of Soviet power), the Circassian-Mamluk period, especially the period of the rule of the Adygo-Abkhazian dynasty in Egypt (XII–XV centuries), also became the subject of artistic understanding of the writers of the diaspora.

The matrix: “foreign Circassians (Adygs) – Circassian Mamluks”, stands for extremely simple. The first is that foreign Circassians identify their fate with that of the Circassian Mamluks. And the second: the proof of the first thesis is the second thesis, that in the diaspora of foreign Circassians there is a living connection with the descendants of the Circassian Mamluks. But the main and main theme in the literature of the Circassian diaspora abroad is the theme of the Caucasian War and Mahajirism. Therefore, all prose, and, above all, the historical novel, are devoted to the above-mentioned topics. Since the tragic events of the XIX century are still fresh in the historical memory. (The Caucasian War of 1763–1864), accompanied by the death and eviction to Turkey of hundreds of thousands of Adygs (Circassians) and other mountaineers of the North Caucasus, they cannot but appear in the literature. The consequences of the eviction of the mountaineers of the North Caucasus periodically and consistently make themselves felt in the modern world. This is due to the fact that, having become a small people in the in the Circassian diaspora abroad, as well as in their historical homeland, Circassians are regularly threatened with natural assimilation among more numerous peoples. As you know, world historical journalism, as well as memoir literature of the XIX – early XX centuries. they left a huge legacy – writings, observations, memories, historical descriptions about the life and life of the mountaineers, about the Caucasian war, etc. They have always been available to writers, scientists and historians of the Circassian diaspora abroad. All these factors have played a major role in the appeal of literature to works of fiction, scientific works and research on the compilation of dictionaries and abcs of the Circassian language, on the linguistics of the native language and other works and writings, from the end of the XIX century to the end of the XX century, as well as to the present time.

Keywords: literature of the Circassian diaspora, the Caucasian War, life and life of mountaineers, world journalism, historical novel.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-73-78

БАГЪЫР УЛУ КЪАСПОТНУ ЛИРО-ЭПИКАЛЫ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫГЪЫ

Биттирланы Шамшудинни кызы Тамара, [orcid.org/ 0000-0001-3815-8615](https://orcid.org/0000-0001-3815-8615), филология илмуланы доктору, Гуманитар тинтиулени Институтуну «Федерал илму араны «Россей академияны илмуларыны Къабарты-Малкъар илму ара» деген Федерал кырал бюджет илму учрежденияны Филиалыны къарачай-малкъар адабият бѣлюмюню баш илму къллукъчусу, tbittir@mail.ru

Илму иште белгили назмучу, 19-чу ѳмюрню закий жырчысы Къочхарланы Къаспотну лирика дунясы, сѳймеклик дастанлары тинтиледиле. Жазмада Къаспотну «Айжаякъ» поэмасына энчи эс бѣлюнеди, мында жырчы кесини къадарыны юсюнден айтханы себепли, терен сезимлерин баямлайды. Поэманы суратлау кючю, «Айжаякъда» болгъан суратлау дуняны назмучу къалай бла къурагъаны, аны символика амаллары да ачыкъланадыла. Бегирек да ол дуняда «ала жаулукъ» деген шарт белгини уллу магъанасы болгъаны тохдашдырылады – ол тиширыуну ич дунясын, аны сезимлерин, муратларын, жарсыуларын, къууанчын да белгилеген кийим болгъанына дастанны хар терттизгининде керюнеди. Назмучуну, жырчыны бек уллу усталыгы бу чыгъармада элпек кергюзтюлгенине юлгюле келитирледиле. Къочхарланы Къаспотну чыгъармаларына белгили адабиятчыланы къарамлары да тинтиледиле.

Ачыкълама сѳзле: Къочхарланы Къаспот, къарачай-малкъар назмучулукъ, жырчылыкъ, «Айжаякъ», сѳймеклик дастанла.

Къочхарланы Багъырны жашы Къаспот Уллу Къарачайны Учкулан элинде 1818 жылда туугъанды. Аны атасы Багъыр гитчеликден урланып, Тау Артында бир бийден башхасына жети кере сатылгъанды. Багъырны атасы Эза жашын излеп, табып, сатып артха алгъанды. Жесирликде керген артыкълыкъны юсюнден Багъыр юйдегисине, эллилерине кѳп хапар айта эди. Кѳрген кыйынлыкълары инжитип, ол эрттеден окъуна кѳтюрѳм болады. Аны себепли Багъырны саулугъун сора, аны хапарына тынгыларгъа тенглери, жууукълары жюрюп тургъандыла. Ол замандан башлап келген эди Къаспотха сѳзге, жыргъа сакълыкъ, сѳймеклик да. Гитчеликден Къаспот жашауда тюбеген жарсыуланы, тенгсизликни, учузлукъну ангылап, жюрегинден кюйюп тургъанды. Эсли болгъанда уа ол затланы юсюнден кесини жырларында айтханды.

Къаспот сабий заманында деменгили жырчы Семенланы Къалтурну жырларына сѳйюп тынгылагъанды. Аны чыгъармачылыкъ жолунда биринчи устазы да Къалтур болгъаны ишексизди. Учкулан эл къарачай-малкъар поэзияны «отжагъаларындан» бириди. Семенланы Къалтур, Жанибекланы Аппа, Къочхарланы Къаспот, Семенланы Исмаил бу элде туууп, ѳсгендиле. Аланы уллу поэзиягъа жоллары да Учкуландан башлангандыла. Багъыр улу Къаспотну чыгъармачылыкъы 1907 жылдан бери илму ишледе тинтиледиле [Акъбайланы 1964; Биттирова 1997; Биттирова 2002; Ёзденланы 2004; Кабаченко 1958; Капиев 1940; Ортабаева1977; Ортабайланы 1981; Филонович 1939; Хабичланы 1986; Шуровский 1908]. Къочхарланы Къаспотну юсюнден тынгылы китапны жарашдыргъан алим Хабичланы Магомѳт аны жашау жолун ачыкълагъанды, жырларын, назмуларын, поэмаларын, нарт сѳзлерин жыйышдырып, басмалагъанды [Хабичланы 1986]. Бу китапха жашауда тенгликни кюсеген назмула, сѳймеклик, тарых, самаркъау

жырла, суймеклик поэмала киргендиле. Бир къауум халкъ жакъчыланы юсюнден жырланы (Баракъ, Гапалау, Къанамат, Жандар, Жанболат) Хабицланы Магомат Къаспотну чыгъармаларына санайды. Алай бу затха сагъыракъ къараргъа тийиншлиди. «Къочхар улунукъула болмагъанлай, аны аты бла жырланып тургъан халкъ жырла да тюбейдиле (Жандар, Баракъ, Гапалау)», – деп жазады башха жерде алим [Хабицланы 1986]. Ол затны юсюнден Багъыр улу Къаспотну чыгъармачылыгъын уста билген, назмучу бла кѣп кере тюбешген Ёзденланы Абугъалай да былай айтханды: «Бусагъатда талай жыргъа Багъыр улунукъуду деп къоядыла. Фахмулу, белгили жырчыды деп, эски жырланы кѣбюсюн анга атап барыргъа керекбизми? Къаспот алай кѣп жыр этмегенди, уста, ариу жырлагъанды ансы. Мен билгеннге кѣре, Багъыр улу Къаспот ариу ауазы бла халатсыз, керти жырлагъаны бла белгили болгъанды» [Ёзденланы 2004: 120–121].

Жырчыны аты халкъны ичинде эрттеден белгили болгъанына кепле шагъатлыкъ этгендиле. Аланы санында белгили адабиятчы Эффенди Капиев болгъанды. «Къаспот жаш заманында окъуна бек фахмулу, эсли эди. Къошлада тургъан къарт сюрюучюле айтхан жырланы, таурухланы тынгыларгъа бек суйгенди. Ол жырла бла таурухла аны терен эсинде кѣп жылланы сакълангандыла. Мингнге жууукъ тизгиннге жетген жомакъланы, жырланы ол эсинде тутханды. Бир ёмюр бола кетеди Къаспотну сыйлы аты битеу Къарачайгъа фахмулу жырчы, закий назмучу деп белгили болгъанлы. Узун ёмюрюнде жырчы ол кѣп алаамат чыгъарма къурагъанды», – дегенди 1940 жылда Къаспотну назмуларын кѣчюрюп, китапны ал сѣзюн да жазгъан Эффенди Капиев [Капиев 1940: 3–4].

Къарачай-малкъар халкъгъа бусагъатдагъы жазма Совет власть бла бирча келгенди. Кѣп ёмюрлени жазмадан айырылып айныгъан адабиятха ол къадарны бек уллу саугъасы эди – закий назмучуланы чыгъармалары энди ёлюмсюз боллукъ эдиле. Алай болгъанлыкъгъа, 1920–1930-чу жыллада эски къарачай-малкъар адабиятны бетлери толу ачыкъланмай къалгъандыла. Бу жыллада белгили халкъ жырчыланы, назмучуланы жалан да эски жашауну сѣкген чыгъармаларын басмаларгъа ёч эдиле. Аны бла да къалмай, халкъ жырчылагъа ёмюрде этмеген ишлерин этерге тюшеди – таматаланы, къуллукъчуланы, къырал башчыланы махтагъан назмуланы жазаргъа. Анга кѣре уа аланы башха, уллу суратлау магъаналары болгъан чыгъармалары зарфха урулмай, тас болгъандыла, не да халкъны кѣлден айтылгъан чыгъармачылыгъыны хазнасына къошулгъандыла. Къаспотну чыгъармачылыгъы да ол болумгъа тюшген эди. Назмучуну 80 жыллыгъына дери къурагъан назмуларындан, жырларыннан, поэмаларыннан бюгюн бизге бек азы жетгенди. Ала толусунлай Багъыр улу Къаспотну сау заманында жазылып алынмагъанларыны сылтаулары башда айтылгъандыла. Болса да аны алаамат жырларыны асламын халкъ ёнюнде, жюрегинде сакълап, жюз жылдан артыкъ жюрютеди. «Хорасан» бла «Айжаякъ», «Эски аскерчиле», «Сандракъ», «Ёксюз гылычукъгъа», «Кавказ таула», нарт сѣзлеге тийиншли айтыулары Къаспотну уллу фахмусуну бизге жетген ажымсыз шагъатларыдыла.

Бусагъатда халкъ жыргъа бурулуп къалгъан «Айжаякъны» Къаспот ХХ-чы ёмюрню аллында къурагъанды. Алай назмучу бу жырны жашауну ахыр жылларына дери айта, жангы тизгинле къоша, тюрлендире тургъанды.

Айжаякъ, жырынгы жырадым

Ал тишлерим тюшгюнчю... – дейди жырчы кеси*.

«Къаспот келсе, сау эл юсюне басынып, эки-юч кюнню жырлап тура эди, – деп жазады эсгерилеринде Ёзденланы Абугъалий. – Жазлыкъда, бизни тийреде эки

* Жазмада юлголе «Къочхарланы Къасбот. Сайламалары. Черкесск, 1964» деген китапдан алыннгандыла.

гитче къарындашы – Оча бла Гитче – жашай эдиле да, алагъа таймай келиучен эди. Аладан да бек Доттайланы Ахматны – жырчы нөгерин унутмай эди...» [Ёзденланы 2004: 117].

Абугъалийни эскериулерине кёре, ол «Айжаякъны» Къарачайда биринчи болуп, Къаспотну кесинден юйренип, айтып турганды. Жыр алгъа Абугъалий айтханча къысха жырланганды, ызы бла Къаспот аны узун этгенди. Халкъ да эсинде къысха тюрлюсюн тутханды. Жырны къысха тюрлюсю Малкъарда кенг жайылыпды.

Къаспот сагъынылса, бек алгъа аны суймеклик дастанлары «Хорасан» бла «Айжаякъ» эсибизге келедиле. Кертиси бла да, къаллай уллу фахму керекди суймеклик назмула, поэмала, жырла бла бай адабиятыбызда энчи хат къояр ючюн! Сёзсюз, Къаспотну ёлюмсюз суймеклик дастанларына, тарых жырларына уллу, гитче да бюгюн къуралгъан кюнлериндеча суйюп тынгылайдыла.

Поэмаларын жазардан алгъа назмучу бёлек жыр къурагъанды, ала да терк окъуна миллетге кеслерин суйдюрюп, тойдан тойгъа, къошдан къошха, элден элге кенг жайылгъандыла.

Болсада Багъыр улу Къаспотну суймеклик дастанлары, бегирек да «Айжаякъ», миллет адабиятны айынуунда бир магъаналы атлам болгъанын чертирге тийиншлиди.

*Жюрюгюз, аланла, барайыкъ,
Ма улан туугъан той барды.
Бир алгъыш аякъ да алайыкъ,
Къурманлыкъгъа асыралгъан къой барды,
– деп башлайды дастанны назмучу.*

Поэманы аллында Къочхарланы Къаспот Айжаякъны нек сайлагъанын айтады. Алгъы бурун баш сылтау – къызны ариулугъу эди. Алай назмучуну суймеклиги, сайлагъан къызыны халин биле баргъаны сайын, кючлюден кючлю болады.

*Айжаякъ, татлы тиллисе,
Жокъду сёзюнгю бузугъу.
Сени суймей къалай этейим,
Алтын терекни булчугъу.*

*Тарасанг, таракъ кирмейди,
Айжаякъ, къутас чачынга...*

Поэмада Айжаякъны сыфатлаугъа уллу эс бёлунеди: аны бетини, саныны ариулугъу, субайлыгы, ёнюню жумушакълыгы – бары да тиширыуну чырайлы суратын къурайдыла.

Чыгъарманы суратлау энчилиги – Айжаякъны башына къысхан жаулугъу уллу эстетика магъана да жюрютеди. «Ала жаулукъ» – бу шарт белги, ариулукъну, айбатлыкъны кёрюмдюсю, дастанны аллындан ахырына дери айгъакълап барады. Бу энишгеде келтирилген юлюгюледе жырчы суйгенин сейирлик тюрсюнлю дунягъа тенглешдиргенине шагъат болабыз. «Ала» деген сёз бир магъанасында «жарыкъ», «ачыкъ» дегенни туттады. Анга кёре, Айжаякъны башында жаулугъу тегерекни жарытханчады, ары битеу дуняны сыйындыргъанчады:

*Айжаякъ, ала да жаулугъунг
Ариу жарашады бойнунга. –*

*Айжаякъ, ала жаулугъунг
Ачмай къысаса мюйюшюн. –*

*Айжаякъ ала жаулугъунг,
Сыртынга атаса къанатын. –*

*Айжаякъ, ала жаулугъунг,
Аны чачакълары жохарлай, –*

*Айжаякъ, ала жаулугъунг,
Кесинги кенгден танытад, –*

*Айжаякъ, ала жаулугъунг,
Аны алалары онгмайды, –*

*Айжаякъ, ала жаулугъунг,
Бойнунгда турады хаман да.*

«Ала» деген сёз бла назмучу дагъыда суйгенини сыфатында, халинде да башха затланы да ачыкълайды:

*Айжаякъ, ала кёзлеринг,
Жюрек байлайла сёзлеринг...
Дагъыда –
Сени суймей къалай этейим,
Тау сууну ала чабагъы...-
Жюрегими жауун ашайды
Эки кёзюнгю аласы.*

Бу сёзтугушлада «ала жаулукъну» башха ишанла кючлендиргенлерин кёребиз. Назмучу «ала» деген тюрсюнню дуняны ариулугъун сыйындыргъан тюрсюннгеча къарайды. «Айжаякъда» болгъан суратлау дуняны назмучу тюрлю-тюрлю метафорала бла къурайды. Бегирек да ол дуняда «ала жаулукъ» деген шарт белгини терен магъанасы барды – ол тиширыуну ич дунясын, аны сезимлерин, муратларын, жарсыуларын, къууанчын да белгилеген кийим болгъанына Къаспот дастанны хар тёрттизгининде баямлайды. Назмучуну, жырчыны бек уллу усталыгъы бу чыгъармада элпек кёргюзтюлгенине шагъат болабыз.

Филология илмуда халкъыбызны биринчи алимлерини санында тургъан Алийланы Баблашны жашы Умар Багъыр улу Къаспотну сагъына быллай оюмун айтханды: «Минги Тауну эки тёппесича, Къочхарланы Къаспот бла Мёчуоланы Кязим Къарачайда, Малкъарда жазычуланы тёппелеридиле» [Хабичланы 1986: 54]. Болсада, бизни деменгили поэзиябызгъа эки тёппе азлыкъ этгени баямды. Къарачай-малкъар миллетни поэзиясыны бийикликлеринде назмучуну аты заманны барыуунда унутулмазлыгъыны сылтауу аны терен да, кенг да поэзиясыды. Къочхарланы Къаспотну назмулары ХХ-чы ёмюрдеги къарачай-малкъар адабиятны жангы айныу жолун белгилегенди дерге боллукъду. Къарачайда Къаспот, Малкъарда Кязим – эки закий назмучу бир кезиуде жашап, халкъыбызны сёз маданиятын бирча фахмулу айнытхандыла. Аланы жырлары, назмулары жюзден артыкъ жылны ичинде халкъыбызны сёз усталыгъында уллу жерни алгъанлай келедиле, уллу суратлау юлгю да болгъанлай къаладыла.

Къочхарланы Къаспот (халкъ анга «Багъыр улу Къаспот» дегенди) ишексиз, уллу жырчы, назмучу эди. Ол кесини жырларын уста айтханды. Аланы бизге барысы да жетмегенликге, сакъланнган кесеги окъуна аны сёзге закийлигин, табийгъат чомарт берген уллу фахмусун ачыкълайды. «Айжаякъ» бизни адабиятда суймеклик дастанланы санында алчы жерледен бирин алады, назмучулары Къаспотдан сора келген тёлюлерине бийик юлгю болгъанлай къалады.

Хайырланган китапла

1. *Акъбайланы М.* Къасбот. // Къочхарланы Къасбот. Сайламалары. Черкесск: Ставрополь китаб издательство, 1964. 121 б.
2. *Биттирова Т.Ш.* Эски адабият тѳрелени юсюнден В книге: Традиционная карачаево-балкарская литература. Эски къарачай-малкъар адабият. Нальчик: Эльбрус, 2002. С. 3–33.
3. *Биттирова Т.Ш.* Ал сѳз. В книге: Алгъышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле.... Хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору. Нальчик: Эльбрус, 1997. 262 с.
4. *Кабаченко Е.* Народный певец Касбот Кочкаров // «Ставрополье». № 8. 1958. 80–82 с.
5. *Капиев Э.* Касбот Кочкаров. Стихи и песни. Пятигорск, 1940. С. 3–4. Сб. составлен и обработан Эфенди Капиевым. Пятигорск, 1940.
6. *Ортабаева Р.* Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1977. 79 с.
7. *Ортабайланы Р.* Къара сууну къатында. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бѳлюмю, 1981. 178 б.
8. *Филонович Ю.* Народный поэт Карачая... // «Литературная газета». 26.06.1939.
9. *Хабичланы М.* Къочхарланы Къасбот – халкъ жыръчыланы тамадасы. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бѳлюмю, 1986. 256 б.
10. *Шуровский В.* По Карачаю летом 1907 г. // Еженедельник Русского горного общества. VIII. М., 1912. С. 13–30.

LYRIC-EPIC WORKS OF KASBOT KOCHKAROV

Bittirova Tamara Shamsudinovna, [orcid.org/ 0000-0001-3815-8615](https://orcid.org/0000-0001-3815-8615), Doctor of Philology, Leading Researcher of the Sector of Karachay-Balkar Literature, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), tbittir@mail.ru

The work examines the work of the famous singer-improviser Kasbot Bagirovich Kochkarov through his lyrical works, in particular the poem “Aijayak”. The artistic skill of the author is noted when creating the main work that projects on his personal fate. Special attention is paid to the symbolic structure of the poem, its organization, in which a large role is assigned to “ala zhauluk” – “colorful shawl”. Each stanza begins with this image-symbol and accompanies any action of the heroes – all this is illustrated by convincing examples from dastan. There are many meanings hidden in this symbol-the headdress of a mountain girl: love, expectation, joy and sadness accompany her, reflected in the shades of the scarf, in the way it is tied. The article analyzes the statements of famous writers about the work of Kasbot Kochkarov.

Keywords: Kasbot Kochkarov, Karachay-Balkar author’s poetry, songwriting, “Aizhayak”, “Khorasan”, poems about love

ЛИРО-ЭПИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАСПОТА КОЧКАРОВА

Биттирова Тамара Шамсудиновна, [orcid.org/ 0000-0001-3815-8615](https://orcid.org/0000-0001-3815-8615), доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), tbittir@mail.ru

В работе рассматривается творчество известного певца-импровизатора Каспота Багировича Кочкарова через его лироэпические произведения, в частности поэму «Айджаяк». Отмечается художественное мастерство автора при создании главного произведения, проецирующегося на его личную судьбу. Особое внимание уделяется символическому строю поэмы, ее организации, в которой большая роль отводится «ала жаулюк» – «пестрый платок». В этом символе – головном уборе девушки-горянки скрыто

множество смыслов: любовь, ожидание, радость и печаль сопровождают ее, отражаясь в оттенках платка, в том, как он завязан и т.д.. Каждая строфа начинается с этого образа-символа и сопровождает любое действие героев – все это иллюстрируется убедительными примерами из поэмы. В статье анализируются высказывания известных литераторов о творчестве Каспота Кочкарова.

Ключевые слова: Каспот Кочкаров, карачаево-балкарская авторская поэзия, песенное творчество, «Айжаяк», «Хорасан», поэмы о любви.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-79-84

УДК 821 352.3

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-85-92

СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ ЗУБЕРА ТХАГАЗИТОВА

Тхагазитов Юрий Мухамедович, orcid.org/0000-0001-5566-9156, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской Академии наук» (Нальчик, Россия), yutkhag@gmail.com

Хавжокова Людмила Борисовна, orcid.org/0000-0001-9931-7726, кандидат филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Канукоева Мадина Биляловна, кандидат филологических наук, директор средней школы с.п. Лечинкай, Почетный работник общего образования РФ, m.0507@jadex.ru

Статья посвящена исследованию поэтического наследия народного поэта КБР Зубера Тхагазитова. Структура художественного пространства поэзии З. Тхагазитова позволила авторам определить основные принципы его формирования и трансформации, уточнить специфику его дальнейшего исследования. В статье раскрывается потенциал поэзии З. Тхагазитова, который является функциональным на разных уровнях эстетической рефлексии. Как считают авторы статьи, являясь важной, поэтической составляющей, индивидуально-художественное пространство структурирует новационные идеологемы и концепты, непривычные для национальной литературы. Авторы статьи приходят к выводу, что совмещение в рамках единого образа элементов традиционного и инонационального художественного опыта становятся определяющей чертой поэзии З.Тхагазитова.

Ключевые слова: кабардинская поэзия, Зубер Тхагазитов, поэтическое пространство, модель творчества, эмотивные образы, символ.

Оценивая роль и место Зубера Тхагазитова в истории кабардинской и в целом адыгской поэзии, мы закономерно придем к нескольким выводам. Вне всякого сомнения, он является своеобразным связующим звеном между поколениями кабардинских авторов, исповедовавших совершенно разную эстетическую идеологию. Первые – в их числе были и реальные таланты высочайшего уровня, в том числе, и такие, как А. Шогенцуков и А. Кешоков – пришли в литературу, осознавая большевистскую доктрину художественного творчества как верную, более того – возможную. Необходимо сказать, что коммунисты осознавали роль индивидуальности и уникального таланта в искусстве достаточно своеобразно. Так, в базовом теоретическом документе советской эпохи – статье В.И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» – однозначно утверждается примат классовой политической утилитарности искусства, а творческий потенциал личности оценивается, в сущности, как возможность маневрировать в границах актуальной политической необходимости невзирая на все реверансы по поводу «свободы» и «простора» фантазии писателя [Ленин 1980].

Жесткая позиция государства в вопросах идеологического содержания литературного процесса обусловила характер мышления писателей первой формации.

При этом принципы художественного отражения, свойственные этому поколению национальных литераторов, долгое время оставались определяющими для всей кабардинской поэзии – вплоть до 60-х – 80-х годов прошлого столетия. Кардинальный поворот эстетического сознания народа наметился и получил стилоопределяющее качество именно в творчестве З. Тхагазитова. Его поэтическое наследие представляет несомненный интерес с точки зрения его места в эволюционном контексте этнической культуры. Дело в том, что развитие кабардинской советской поэзии характеризуется чертами, некоторые из которых можно воспринимать, как весьма своеобразные.

Практически все новописьменные литературы России, сформировавшиеся после Октябрьской революции и окончательного становления институтов нового государства, были весьма слабо связаны с фольклором в части идеологического содержания. Причина проста – фольклор не знает идеологической дихотомии, вернее, не имеет инструментов отражения классового противостояния на уровне идеологии. Даже поверхностный обзор народных текстов социального звучания выявляет очевидное тяготение к категориям и понятиям морально-этического характера. Поэтому молодые литературы на первых этапах своего становления заимствуют необходимые компоненты в донорной культуре, в нашем случае – в русской. В первую очередь, это касается принципов аксиологического позиционирования лирического героя. Не имея в эстетическом мышлении схем безусловных категоричных оценок окружающего общества, национальные литературы практикуют механическое копирование пафосных моделей русской политической агитки, что на какое-то время вообще лишает их любых признаков этничности – кроме, разумеется, языка. Особенно четко это проявлено в литературах народов Северного Кавказа, вступивших в эпоху строящегося социализма напрямую из полупатриархальных сообществ, в коллективном сознании которых вообще не существовало классовой или идеологической оппозиции, и все окружающее дифференцировалось исключительно по этическим параметрам.

Иначе дело обстояло у восточных адыгов. Фундаментальной специфической чертой кабардинского фольклора была необычайная жесткость социальных конфликтов, легших в основу тех или иных текстов. Местное сословное общество характеризовалось исключительно сложной структурой, причем границы между различными социальными стратами были практически непреодолимы. Это подчеркивают все наблюдатели, посещавшие Кабарду на протяжении XVII–XIX веков.

Взаимная обособленность сословий подкреплялась особым характером взаимоотношений между ними. В классическом кабардинском обществе статусная дистанция между различными классами даже внутри одного типологического вида была огромна, например, жизнь уорка второй степени, не стоила практически ничего по сравнению с жизнью князя. За насильственную смерть последнего от руки дворянина физическому уничтожению подвергался не только убийца, но и весь его род, что зафиксировано в известной кабардинской пословице «Кровь князя наполняет ущелье». Положение же зависимых сословий относительно дворянских было крайне стесненным.

Поэтому уже на самых ранних стадиях развития национального фольклора – в историко-героических песнях – кабардинский народ довольно отчетливо обрисовывает ощущение межсословного напряжения, бывшего чертой этнического социума на протяжении всей его истории. Никакой фольклор, в том числе и кабардинский, попросту не может выйти на уровень осознания классовости и, соответственно, к идеологическому пониманию общеэтического концепта справедливости-несправедливости. Однако народное словесное творчество восточных адыгов вплотную подошло к отражению социальных коллизий в их идеологической интерпретации и обобщению по признаку сословной принадлежности.

Если чертами идеологической типизации наделены лишь отдельные произведения кабардинского фольклора, то сама схема жесткого бинарного противостояния, модальность безусловного конфликта присутствует практически во всех народных произведениях соответствующих жанров. Это свойство традиционного художественного сознания восточных адыгов можно считать главным из его отличительных черт.

Наличие прототипичных схем идеологической модальности в национальном эстетическом мышлении кабардинцев позволило им в кратчайшие сроки освоить поэтику безальтернативного классового конфликта. По сути дела, кабардинским поэтам не пришлось заимствовать из русской революционной поэзии и классовой агитки никаких аксиологических элементов и структур. Русская традиция обогатила кабардинское поэтическое мышление лишь рядом специфических «революционных» и «политических» терминов, несколькими обязательными символами – на этом ее донорное воздействие в секторе общественно значимой поэзии заканчивается. Речь, естественно, идет о самых первых этапах развития советской национальной литературы, о годах доминирования поэтики лозунга и прямой агитки.

Это обусловило вторую характерную черту эволюции кабардинской авторской поэзии – очень быстрое, опережающее по сравнению с другими народами региона, освоение образности, семантика которой базируется на понятийно-символических и понятийно-условных объектах. Уже в 30-х годах прошлого века кабардинские авторы имели в своем распоряжении достаточно обширный ряд определяющих устойчивых представлений, позволявших выражать как идеологическую позицию в координатах государственной эстетики, так и этническую, точнее, региональную принадлежность того или иного текста.

В первые послевоенные десятилетия этот уровень национального художественного мышления обрел парадигмальную полноту и завершенность, что и предопределило такое масштабное явление, как творчество А. Кешокова. Он не просто подвел итог целому этапу становления кабардинской поэзии, но и перевел ее на новый виток развития. В сущности, в поэзии А. Кешокова оформились два возможных вектора дальнейшего движения национального эстетического мышления, так как его зрелое творчество насыщено обращениями к этнической конкретике, реалиям бытийного окружения, а символические единицы при необходимости трансформируются в сенсорно и визуально насыщенные объекты.

Однако подавляющее большинство авторов (этому способствовали, прежде всего, эстетические стандарты сложившихся в СССР форм поэтического представления и предпочтения официальной критики) фактически проигнорировали находки А. Кешокова в части механизмов и инструментария повышения суггестивного содержания поэтического текста. Кабардинская поэзия продолжала двигаться по линии преимущественного использования и развития символикопонятийной семантики. Это, в принципе, мало сказывалось на когнитивных возможностях, национального стиха до вполне определенного периода. Символикопонятийная образность требует соответствующего ассоциативного окружения, художественная убедительность этого типа представлений обеспечивается богатством культурных реминисценций, сопутствующих поэтическому выражению внеконтекстуально. Иначе говоря, поэтика такого рода нуждается в стабильности информационной среды, в условиях которой художественные универсалии успевают интегрироваться в те или иные смысловые поля.

Однако уже 70-е годы XX века лишили эстетическое сознание подобной возможности. Определяемые как эпоха НТР, а затем – как эпоха так называемого «информационного взрыва», 70-е годы выявили отставание комплексов кабардинских поэтических представлений от реального бытийного окружения. Решение этой проблемы могло быть найдено лишь в кругу совершенно новых перцептивных механизмов, которые активно использовал в своем творчестве Зубер Тхагазитов.

Талант именно этого поэта, особенности его личности и художественного мышления позволили обеспечить преемственность заложенных А. Кешоковым принципов эстетической суггестии, развить их и интегрировать в общее пространство современной кабардинской поэзии. Вызовы нового информационного окружения получили достойный ответ в стихах З. Тхагазитова, он создал сразу несколько перцептивных моделей, позволивших незнакомой объектной и понятийной атрибутике безболезненно войти в круг национальных эстетических представлений. Сам Тхагазитов, и ряд представителей последующей волны авторов, фактически преодолели кризис кабардинской поэзии 70–80-х годов прошлого века. Особенным обстоятельством представляется то, что и сегодня этническое сознание народа находится в условиях постоянного информационного стресса и вынуждено изыскивать методы и способы форсированного освоения понятийного окружения. Эстетические модели, предложенные в свое время З. Тхагазитовым, в этом смысле остаются актуальными и в наши дни.

В поэтическом микро- и макрокосме З. Тхагазитова впервые в кабардинской литературе были сформированы направления дальнейшего развития этико-эстетического мышления в высоконасыщенной и мобильной информационной среде. Это само по себе резко расширяло объектный ряд национального эстетического сознания – в границах когнитивных моделей З. Тхагазитова новые объекты не должны были преодолевать свою культурную чуждость и входили в текст в качестве структурно адаптированных образов – пусть и без богатого набора традиционных ассоциаций и аллюзий. Именно поэтому поэтические образы З. Тхагазитова, в творчестве последующих поколений кабардинских поэтов приобретают качество традиционно-национальных, через его тексты они входят в кабардинское художественное мышление на правах этнокультурных универсалий:

*...Журавли, улетаю,
Зовут меня в дымную даль [Тхагазитов 1974: 23].*

В двух коротких строках, посредством, фактически одного визуального представления кабардинский поэт однозначно локализует пространство наблюдаемого, задавая трехмерные координаты обыгрываемого объекта. Причем, на первый взгляд, это сделано настолько безыскусно, что выглядит первичным дублем многочисленных повторений – иногда даже более совершенных. Однако это не так. Зрительный образ журавлиного клина у Тхагазитова, сопряжен с «дымной далью». Это структурирует поэтическое пространство центрального образа в достаточно сложную систему. Во-первых, журавлиный клин определяет плоскость небосвода, так сказать, верхний горизонт наблюдаемого. Безусловные когнитивные параметры этой картины подразумевают и вертикальную ось пространства – в данном случае это проекция диагонали предполагаемого взгляда наблюдателя от начальной точки отсчета на земле до «журавлей». Далее следует ограничение по протяженности видимого объема, ибо «дымная даль» – не просто его крайняя линия, в данном контексте «дымная даль» это объект, зрительно соединяющий две плоскости – плоскости нахождения журавлей и лирического «я». В результате – перед нами законченная модель некоего объема, атрибутированного во всех осях координат. Единственная апелляция к эмоциональному состоянию в системе «автор – читатель» – субъективное авторское «зовут», однако в столь четко вылепленном пространстве оно воспринимается достоверно и однозначно. Погружая читателя в конструктивно законченный топос своего поэтического восприятия, З. Тхагазитов не дает ему возможности собственной интерпретации эмотивного «зовут».

У подавляющего большинства авторов, следовавших за З. Тхагазитовым, попросту не было столь развитого пространственного мышления. Как и представители довоенных поколений кабардинских поэтов, они, в основном, пытались

оперировать эмоционально значимыми образами, напрямую декларируя то или иное пафосное содержание своих представлений. Даже произведения, генетическая связь которых с текстами З. Тхагазитова несомненна, в части пространственных построений далеки от его стихов. Это касается не только творчества авторов, которых принято считать «фоновыми», но и тех, кто, вне всякого сомнения, демонстрировал высочайшую степень природной одаренности и позиционируется вполне справедливо в качестве личностей, определяющих облик целых этапов развития национальной поэтической мысли. Например – стихотворение «Журавли улетают», принадлежащее перу А. Бицуева: один из талантливейших кабардинских поэтов современности сознательно соотносит свое произведение с текстом Тхагазитова. К слову говоря, возможные сомнения в прямой адресации к стихотворению старшего собрата по перу снимаются наличием в творчестве А. Бицуева целого ряда апелляций к произведениям З. Тхагазитова, апелляций, надо заметить, программных, заявленных уже в названиях произведений – «Колыбельная сыну», «Сердце матери», целый ряд других, не столь явных. Так что, в некотором смысле «Журавли улетают» демонстрируют нам не просто разовое творческое действие А. Бицуева, это, скорее, иллюстрация тенденциальной черты его поэзии. При этом построение пространственного представления в данном тексте не является целью автора. А. Бицуев выстраивает последовательность определений различных переживаний, плавно переходящих из строфы в строфу и, фактически, предлагает читателю оценить его лирического субъекта не связанного с каким-либо топосом, а посему – весьма неопределенного с точки зрения локализации. Единственное проявление пространственного, рефлектирующего «я», так же как и у З. Тхагазитова, ассоциировано с картиной летящих журавлей:

*... Опять журавли улетают на юг.
Опять опустевшее небо вокруг.
Опять в мое сердце стучится
Моя улетевшая птица...* [Бицуев 1974: 43].

Эта строфа с точки зрения топологических ощущений А. Бицуева (в данном конкретном тексте) наиболее презентативна и содержательна. Во всяком случае, первые две ее строки являют нам целенаправленную попытку это самое пространство создать – «журавли», «улетающие на юг», «вокруг» – «опустевшее небо». Однако резюмирующая концовка картины не оставляет места сомнениям в характере поэтической рефлексии автора – она полностью реализована в среде индивидуальных эмоций, представляемых читателю вне какого-то конкретного объема и линейных пропорций. А. Бицуев «возвращает» читателя к единственной точке координат, вокруг которой и происходит описываемое, и точка эта находится вне мироздания, она лежит внутри переживающего субъекта – «сердце». Читателю остается либо верить поэту, либо нет, войти в топос поэтической актуальности не получается, ибо его не существует.

Заданные же в первых строках ориентиры никоим образом не могут локализовать описываемое, так как и «юг» не связан с безусловными сенсорными ощущениями читателя, и ареальное «вокруг» в данном контексте – лишь способ расширения границ авторского «сердца», в которое «стучится моя улетевшая птица».

Совершенно аналогично образ летящего журавлиного клина без попыток его пространственной интерпретации используется и другими кабардинскими поэтами современности. Например:

*Улетели мои журавли,
Расплескали прощальные клики
И на крыльях своих унесли,
Золотые осенние блики...* [Тхазеплов 1993: 103].

Здесь, несомненно, Х. Тхазеплов реализует свое виденье мира, прежде всего, в ряду традиционных эмотивных образов, выстроенных в едином семантическом ряду печали и сожаления по прошедшему в сочетании с мотивами увядания и безвозвратной потери. Классический тип поэтической рефлексии, досконально разработанный еще русскими классиками XIX века, и автор вполне осознанно адресует читателя именно к этому богатейшему пласту художественного представления, вмести в три строки от «расплескавшихся прощальных кликов» до «золотых осенних бликов» протяженную ретроспективу русской поэтической традиции от Есенина до Пушкина. Единственный же признак виртуально-поэтического пространства – «улетевшие журавли» – в трактовке Х. Тхазеплова является еще одним членом хрестоматийного смыслового ряда прощания.

Пространственное конструирование, масштабирование описываемых объектов, являющиеся индивидуальной чертой поэтического мышления З. Тхагазитова, так и не получили развития в творчестве его последователей. Наоборот, введенные им в оборот локализационные представления, активно используя в творчестве более молодых авторов, зачастую теряли свою пространственную семантику и были акцентированно встроены в стихию индивидуальных переживаний авторов. Это произошло и с образами пчел, ставшими весьма частыми элементами поэтических картин, и с образами разлетающихся искр, также вошедших в устойчивую традицию, и с образами капель, и еще со многими, многими находками З. Тхагазитова.

Сравнив его уже разобранные стихотворения «Ливень» и «Встреча под дождем» с текстом А. Бицуева:

*...Ты шла с другим,
Разбрызгивая росы,
Их каблуками быстрыми дробя.
А это были слезы...
Просто слезы,
Которыми оплакал я тебя!* [Бицуев 1986: 42].

Здесь мы еще раз убеждаемся в исключительности национально-пространственного зрения З. Тхагазитова, позволившего ему создавать визуальные картины той степени достоверности, которая была достигнута лишь в следующем поколении кабардинских поэтов.

В тех же случаях, когда авторам удавались координатные построения, они, практически вплотную подходили к моделям З. Тхагазитова, создавая очень близкие топологические картины:

З. Тхагазитов:
*Золотые пчелы небо залепили...
...Растворились в небе золотые пчелы
Утро.
Надо мною – только синева...* [Тхагазитов 1989: 19–21].

Р. Ацканов:
*...и пчелы густо розу облепили,
как Млечный путь,
они летят из ульев... [Ацканов 1986: 42]
...В багровом свете летнего заката
цветы горели, пламенем объаты,
и, крыльями сверкая золотыми,
взлетали пчелы искрами над ними...* [Там же: 53].

Приходится констатировать, что в большинстве случаев локационная суть поэтических рефлексивных схем З. Тхагазитова не учитывалась. То, что в его стихах

обеспечивало единство поэтической когниции, ограничивая и конкретизируя ареал ее существования, у авторов последующих поколений превратилось в атрибуты индивидуального чувствования и переживания. Причем, явно улавливая и ощущая серьезнейший новационный ресурс его поэтических представлений, многие кабардинские поэты регулярно обращаются к образным рядам, разработанным З. Тхагазитовым. Но, как и в рассмотренных примерах с картиной летящего журавлиного клина, они практически постоянно уходили в сферу эмотивной презентации, условно-символических образов, обращающих читателя, повторимся, к миру произвольных авторских оценок и переживаний, по большому счету не подкрепленных никакими видами безусловных ощущений.

В целом, следует признать, что в части пространственных формулировок, координатных положений описываемых объектов, их масштабирования и приведения в соответствие виртуально-поэтическим объемам, в которых разворачивается лирическое переживание, З. Тхагазитов был и остается несомненным пионером кабардинской литературы.

И в десятилетия НТР, и в последовавшую за ними эпоху «информационного взрыва», и, тем более, в наши дни перманентно и лавинообразно расширяющегося информационного потока перцептивная модель З. Тхагазитова позволяет адекватно реагировать на цивилизационные вызовы. Именно благодаря ей появилась возможность безболезненного вхождения в ареал национального эстетического сознания объектов антропогенного происхождения, абсолютно новых понятий и концептов, восходящих к миру науки и техники. Иначе говоря, Зубер Тхагазитов может с полным на то основанием считаться предтечей поэтического урбанизма в кабардинской литературе, во-первых.

Во-вторых, равноправие перцептивных связей в схеме поэтической рефлексии, выстроенной кабардинским поэтом, открыло возможности альтернативным формам художественного отражения. Любой объект, рассматриваемый в координатах новационной рефлексивной схемы З. Тхагазитова, является поливалентным поэтическим образом, принципиально сочетающимся с любым другим. Подобный когнитивный рисунок, выкристаллизовавшийся в творчестве З. Тхагазитова, открыл возможности ухода от тривиальных ассоциативных систем и с точки зрения эволюционного состояния вывел кабардинское поэтическое мышление в зону абсолютной рефлексивной свободы. Не только урбанистические детали и меты современного техногенного мира, но и сами принципы постмодернистского отражения окружающего, так четко прослеживаемые в творчестве целого ряда современных кабардинских поэтов, берут свое начало в творчестве З. Тхагазитова.

Культурная ситуация сегодняшнего дня практически дублирует положение конца 60-х – середины 70-х годов прошлого века. Абсолютно новый информационный фон, вошедший в жизнь сохранивших свою аутентичность этносов, вновь ставит их перед необходимостью поиска интегративных механизмов, культурного инструментария, без которого кризис эстетического мышления неизбежен, более того – его явные признаки мы уже наблюдаем. И если доминирующее цивилизационное пространство середины прошедшего столетия в целом институировалась ценностями общегуманитарного плана, вполне вписывавшимся в культурные стандарты и эталоны новописьменных народов, то нынешние аксиологические ориентации во многих своих составляющих видятся вообще неприемлемыми. Соответственно, под вопросом оказывается сама возможность мирного сосуществования этико-эстетических универсалий различного происхождения. И с этой точки зрения поэтический опыт З. Тхагазитова, его практика поэтического создания художественного пространства в которой, как и в реальном, могут сосуществовать структуры различного генезиса, представляется единственно возможным путем дальнейшего развития национального эстетического сознания. Схемы органического и естественного взаимопереплетения и взаимоподдержки рефлексивных

мультикультурных элементов, направленные на создание художественно достоверного и суггестивно полноценного поэтического выражения, законченного текста, разработанные адыгским автором и нашедшие свое совершенное воплощение в его творчестве, ждут скрупулезного и детального анализа. Таким образом, надо со всей уверенностью утверждать, что национальная культура, национальное художественное мышление вновь нуждается в механизмах диффузного взаимопроникновения этнического и глобального культурных миров.

Источники и литература

1. *Ауканов Р.Х.* Бегущие травы. М.: Современник, 1986. 126 с.
2. *Бицурев А.М.* От весны до весны. М.: Советская Россия, 1986. 109 с.
3. *Ленин В.И.* Партийная организация и партийная литература. М.: Книга, 1980. 238 с.
4. *Тхагазитов З.М.* Лицо земли. М.: Современник, 1974. 127 с.
5. *Тхагазитов З.М.* Рождение песни. М.: Современник, 1989. 125 с.
6. *Тхазеплов Х.М.* Между богом и мной. Нальчик: Эльбрус, 1993. 20 с.

THE STRUCTURE OF THE ART SPACE IN THE POETRY OF ZUBER TKHAGAZITOV

Tkhagazitov Yuri Mukhamedovich, orcid.org/0000-0001-5566-9156, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), yutkhag@gmail.com

Khavzhokova Lyudmila Borisovna, orcid.org/0000-0001-9931-7726, Candidate of Philology, Head of the Department of Kabardino-Circassian Literature, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Kanukoeva Madina Bilyalovna, Candidate of Philology, director of the secondary school of the village Lechinkai, Honorary Worker of General Education of the Russian Federation, m.0507@jadex.ru

The article is devoted to the study of the poetic heritage of the national poet of the KBR Zuber Tkhagazitov. The structure of the artistic space of Z. Tkhagazitov's poetry allowed the authors to determine the basic principles of its formation and transformation, to clarify the specifics of its further research. The article reveals the potential of Z. Tkhagazitov's poetry, which is functional at different levels of aesthetic reflection. According to the authors of the article, being an important poetic component, the individual artistic space structures innovative ideologemes and concepts that are unusual for national literature. The authors of the article come to the conclusion that the combination of elements of traditional and foreign artistic experience within a single image becomes a defining feature of Z. Tkhagazitov's poetry.

Keywords: Kabardian poetry, Zuber Tkhagazitov, poetic space, model of creativity, emotive images, symbol.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-85-92

НЕОРЕАЛИЗМ КАК ОСОБЕННОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЧЕРКЕССКОЙ ПРОЗЫ (на примере повести А. Балкарова)

Хакуашева Мадина Андреевна, orcid.org/0000-0002-1290-6649, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), dinaarma@mail.ru

Конец XX – начало XXI века становится временем рождения новых синтетических видов искусств, различных форм взаимообогащения художественного творчества, в связи с чем устанавливаются тенденции к интермедиальности (взаимодействию) искусств, предполагающих отказ от литературоцентризма. Это можно наблюдать на примере творчества кабардинского русскоязычного писателя Алима Балкарова. «Реквием по нарисованной жизни» – современный литературный ремейк на один из самых распространенных «кочующих сюжетов» о связи жизни с искусством. Писатель снимает границу между реальным и виртуальным, спор между тем и другим решается автором скорее в пользу искусства, оно доминирует над жизнью, не случайно главная героиня оставляет картину себе. Повесть А. Балкарова, обнаруживая некоторые элементы постмодернизма, в большей степени соответствует неореализму. Учитывая доминантную, генетическую связь адыгской литературы с богатым мифо-фольклорным наследием, логично определять ее современные жанры скорее в русле фантастического реализма как подвида неореализма. Современная русскоязычная литература как одна из форм адыгской литературы также подвержена мифофольклорному влиянию, что проявляется на уровне метанарратива, интертекстуальности. В статье впервые в северокавказском литературоведении отражается тенденция неореализма в современной национальной литературе.

Ключевые слова: интермедиальность, «кочующий» сюжет, искусство и жизнь, фантастический реализм, постмодернизм, неореализм.

На протяжении всей истории своего развития большие прозаические жанры остаются весьма пластичными подвижными формами, тяготеющими к трансформации. Конец XX – начало XXI века становится временем рождения новых синтетических видов искусств, различных форм взаимообогащения художественного творчества, в связи с чем «устанавливаются тенденции к интермедиальности (взаимодействию) искусств. Комплексное исследование визуальной образности художественной прозы обуславливается сменой литературоведческой парадигмы, предполагающей отказ от литературоцентризма» [Мурнаева 2016: 57].

В новейшее время произошло усиление этой тенденции в России и ее регионах, что можно наблюдать на примере творчества кабардинского русскоязычного писателя Алима Балкарова. «Реквием по нарисованной жизни» – современный литературный ремейк на один из самых распространенных «кочующих сюжетов». Мотив о таинственной связи судьбы человека с его портретом в первую очередь вызывает ассоциации с романами «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Шагреневая кожа» О. Бальзака. Литературные аллюзии отсылают читателя к другим художественным произведениям Европы: «Мельмот-скиталец» Ч.Р. Метьюрина, «Чудесная история Петера Шлемиля» А. Шамиссо, роман «Вивьен Грей» Б. Дизраэли, «Пэлем, или Приключения джентльмена» Э. Бульвер-Литтона.

Сюжет повести А. Балкарова достаточно прост: молодой художник-наркоман Аскер Жанхотов рисует портрет, но умирает от передозировки. Накануне он приобретает «дозу» в местном магазинчике, продав картину, единственную ценность, которая еще у него оставалась, поэтому портрет остается незавершенным. Марьяна Огурлиева, юная девушка, у которой остается картина умершего художника, постепенно начинает понимать значимость картины и сама постепенно меняется... Из жизнерадостной, общительной, обычной девушки, не страдающей излишней рефлексией, она превращается в интересную парадоксальную сложную личность с выраженной потребностью в знаниях, пытливым аналитическим умом. Вдумчивость, критичность, бурный процесс освоения новых знаний, повышенная потребность в них придают ее облику совершенно иные черты, противоположные прежним, приводят к серьезному кризису. Героиня замыкается, критически оценивая новые перемены в себе: «Если, – подумала она, – Аскер убил себя слезой мака, то сама она убивает себя слезой знания... Нет, – твердо решила она, – картину больше никому нельзя показывать. Я прочла ее, и вся дальнейшая жизнь моя опустела» [Балкаров 2007: 62]. Но картина оказывает странное магическое воздействие и на других людей, в частности, сестру, которая раз взглянув на нее, хочет «видеть теперь ее ежедневно и ежечасно» [Балкаров 2007: 63].

Автором в самом тексте приводятся параллели, когда произведение искусства предопределяет судьбу и финал жизни: «...У Ван Гога есть картина, на которой изображено пшеничное поле, по которому пролегла тропинка... Где-то посреди поля тропинка обрывается, теряется в гуще пшеницы. Говорят, это и явилось бессознательным символом художника, потому что через год после написания картины Ван Гог покончил с собой... Знаешь, иные произведения живописи, музыки и особенно поэзии сами по себе менее значительны, чем они же в сочетании с творческой биографией авторов» [Балкаров 2007: 72]. Ее новый друг Рустам вспоминает монету Заир из рассказа Борхеса, которая сводила с ума всех ее хозяев.

Картина изменяет людей, возможно, потому, что сама живет своей жизнью и закономерно трансформируется: «Она меняет смысл изображенного на ней: за кажущейся пустотой просматривается яйцо, как в телевизоре, будто живое, или «очертания человека с каким-то пустым лицом, то есть голова есть, а лица нет, и еще сквозная дыра в том месте, где сердце должно быть» [Балкаров 2007: 61].

Приоритеты девушки постепенно, но радикально смещаются, в финале повести она осознанно выбирает одиночество, несмотря на прекрасные брачные партии, которые ей предоставляются. Она перестает соответствовать прежней социальной роли в утратившей для нее смысл системе, но избирает заведомо маргинальную роль в непредсказуемо сложном жизненном пути.

Героиня, стремительно выросшая под магическим действием картины, может теперь разглядеть узость интересов ее непосредственного окружения («мне перестали быть интересны окружающие»). Высказывания персонажей, «обвиняющих» картину, на самом деле прочитываются с противоположной семантической коннотацией: героиня перерастает свой прежний уровень, и это закономерно приводит к затяжному кризису, одиночеству, дальнейшим блужданиям духа, – такова цена «прививки» истинного произведения искусства.

Л. Мурнаева подчеркивает силу подсознательного воздействия произведений искусства, с точки зрения оппозиции автор – читатель (etc. художник – зритель) является лейтмотивом повести: «Все философско-эстетические рассуждения героини свидетельствуют о том, что писатель большое значение придает фактору бессознательного (по К. Юнгу), коренящемуся в инстинктах и составляющему необходимый фундамент души человека. «Значит, у нашей картины душа нехороша», – к таким заключениям приходят герои. Включение в текст «порогов» для разгадывания нарисованного проявляется как вариант так называемой двойной кодировки. В данном плане Аскер и Марьяна – два предельно контрастных образа,

олицетворяющих Автора и Интерпретатора, ведущих древний спор о назначении искусства, о силе таланта и пагубном влиянии славы на личность творца... Она (картина. – М.Х.) влияет на людей скорее подспудно, проявляя их скрытые, нереализованные возможности» [Мурнаева 2016: 57–59].

В повести «Реквием по нарисованной жизни» именно картина становится непосредственным индикатором, который пробуждает в главной героине ее экзистенциальную духовную сущность. Автор снимает границу между реальным и виртуальным, спор между тем и другим решается автором скорее в пользу искусства, оно доминирует над жизнью, не случайно Марьяна оставляет картину себе.

Художественный текст к финалу воспринимается единой метафорой, которая снова (который раз!) возвращает нас к метафизическому спору о первичности жизни или искусства. В монографии «Оскар Уайльд и его драматургия» А.А. Аникст отмечает: «Он (Оскар Уайльд. – М.Х.) считал, что искусство целиком формирует человека и что не оно подражает жизни, а жизнь – искусству» [Аникст 1955: 5].

Л.И. Мурнаева полагает, что сюжет повести заставляет вспомнить «произведения Н. Гоголя и О. Уайльда». Повседневность и быт изображаемого в нарративе города, мелкий масштаб мыслей, идей, деятельности его обитателей превращают авторский топос в некую монотонную профанную декорацию, удобную для обозначения живого развития характеров главных героев. Иллюзорность, суррогатность «реальной» жизни определяют ее как феномен, вторичный по сравнению с тем же интересным произведением живописи. Подобная тенденция отмечена в советской литературе, в частности, творчестве А. Битова. «Битов, особенно после «Пушкинского дома», рассматривает эмпирическую жизненную реальность как обманчивую, иллюзорную, легко поддающуюся трансформации, не обладающую подлинностью – в отсутствии высшей трансцендентной инстанции («Нет, мир без молитвы совершенно безнадежен в умственном отношении или воли художника-демиурга») [Амусин 2016: 136].

А. Балкаров включает в свой текст жаргонные и сленговые выражения, арго: закипятить «сор», отбить, снять «ширку», баян, приход (из речи наркоманов); лопухнуться, тусоваться, прокатить, лохи, отключиться, раскрутиться, – которые передают эмоционально-экспрессивное состояние представителей определенного социального слоя, и автор, подтверждая таким образом слова Ж. Делеза, выступает как «удивительный диагност» своего времени и пространства-социума.

Объединяя некоторые особенности творчества А. Балкарова и Б. Чипчикова, можно заметить, что для этих авторов характерен «выход за границы общепринятого, поиск нового литературного пространства они... (авторы. – М.Х.) стремятся не только к раскрепощению литературного творчества, но и к расширению границ художественно-изобразительного сознания, к плюралистическому мироощущению. Постмодернистская эстетика этих писателей, а также библейские и философские реминисценции в их произведениях формируют особую стилистику писательского дискурса» [Мурнаева 2016: 88].

Некоторые исследователи определяют повесть А. Балкарова как образец постмодернизма. «Писатели-постмодернисты нередко отказываются от попыток непрерывного обновления системы приемов как самостоятельной ценности в идеологии модернизма и призывают возвращаться к старым формам, привычным знакам, символам, архетипам. Постмодернизм не создает чего-то нового, уникального, а программно опирается на готовый арсенал форм, представляя и сопоставляя их необычным способом: уроки поп-арта усваиваются и используются постмодернизмом по-своему.

Характерная особенность постмодернистских произведений заключается в том, что они непременно отражают поликультурную картину мира. В текстах встречаются гетерогенные элементы различных знаковых систем. Для Северного Кавказа с его многоцветьем языков и культур постмодернизм представляет

возможность использовать широкий набор интертекстуальных аллюзий и многообразии жанровых форм, литературных стилей и изобразительных приемов разнообразных художественных течений... А. Балкаровым создана новая модификация рассказа в результате совмещения композиционно-смысловой основы фантастического и реального, языка массовой эрзац-культуры и общеупотребительных литературных форм» [Мурнаева 2016: 59].

При имеющихся незначительных элементах постмодернистской поэтики, мы определяем художественный стиль А. Балкарова как неореализм, так как доминантой его творчества является напряженный поиск утраченных или исчезающих общечеловеческих ценностей («Реквием по нарисованной жизни», «В поисках испанской любви», «Астроном»).

Повесть А. Балкарова, обнаруживая некоторые элементы постмодернизма, в большей степени соответствует неореализму. Учитывая доминантную, генетическую связь адыгской литературы с богатым мифо-фольклорным наследием [Хакуашева 2007], логично определять ее современные жанры скорее в русле фантастического реализма как подвида неореализма. Современная русскоязычная литература как одна из форм адыгской литературы также подвержена мифофольклорному влиянию, что проявляется на уровне метанарратива, интертекстуальности.

При сопоставлении с традиционной культурой адыгов следует отметить, что европейскому карнавалу соответствует джегу (игрище), которое наряду с некоторыми обычаями и ритуалами в редуцированной форме сохранилось до наших дней (например, празднование Нового года в день солнцестояния – Мафашхаджед, когда еще недавно приносили в жертву черную курицу, или обычай вызывания дождя, во время которого дети на шесте носят по аулу куклу – Ханцигуашу и т.д.). Следовательно, традиционная культура продолжает оказывать полиморфное влияние на художественное сознание как через письменные фольклорные источники, так и непосредственно, эмпирически, и синкретические формы литературного дискурса следует рассматривать и определять исходя из наиболее развитой литературно-фольклорной детерминанты, если не иметь в виду закономерный процент исключения.

«Новый реализм», или «неореализм», – не самостоятельное направление, это лишь мостик для перехода между художественными направлениями, связующее звено, скрепа между советской литературой XX века и новой, нарождающейся литературой. Это нить, связывающая реалистическую традицию искусства разных эпох», – пишет И. Калита в статье «Дело о новом реализме» [Калита 2015: 139].

Среди признаков неореализма исследователь отмечает «новый период «искажения и уродования» языка, характеризующийся двумя мощными атакующими волнами – заимствованиями и активизацией собственной лексики сниженного регистра, этот процесс начался еще до распада СССР. Последние два десятилетия XX века выплеснули на страницы газет и книг сленг и мат. Языковой показатель русской литературы в постсоветское время стал одним из первых новых приемов, сыгравших одновременно положительную (привлек молодого читателя) и отрицательную роль (оттолкнул читателя со стажем). «Необходимое зло» к концу XX века выводит русский язык, а вслед за ним литературу на новый уровень, о качестве которого ведутся споры. «Новый язык» органично перешел с улицы в литературу. Сегодня в русской культуре сливаются два разнонаправленных процесса: усвоение и адаптация западного мышления и в то же время – переоценка созданного под влиянием этого мышления и стремление очиститься от навязчивого культурного материала» [Калита 2015: 133].

А.А. Серова объединяет следующие идейно-содержательные особенности неореализма. Среди них:

– острое неприятие современной российской действительности, желание перемен любой ценой, поиск силы, способной принести перемены;

– убеждение в отсутствии готового крепкого фундамента, на который можно опереться современному поколению; однако ощущение, что почва уходит из-под ног, приводит писателей-новореалистов не к безграничной свободе интерпретации и игры, свойственной культуре постмодерна, а к тоске по априорным истинам, к необходимости поиска настоящих ценностей;

– новый герой, представленный в прозе нового реализма, является человеком поколения детей Перестройки, лишенным приемлемых жизненных ориентиров, брошенным поколением отцов на произвол судьбы; связь с прошлыми поколениями утрачена, поэтому ценности необходимо обрести самостоятельно, совершив конкретные и осязаемые поступки, требующие волевого и нравственного усилия;

– пристальный интерес к современности, обращение к остросоциальным, политическим темам, «болевым точкам» российского общества; забота о судьбах деревни; актуализация проблемы социальной стратификации населения страны;

– стыд за современников, убежденность в бессмысленности выбранного ими существования становится источником эсхатологических мотивов;

– повышенное внимание к человеческой экзистенции, к тому, что останется, если освободить сущность человека от социального и культурного «налета», навязанной обществом «оболочки»;

– повторяющиеся сюжеты и мотивы (добровольная маргинальность героя, сознательный отказ от построения успешной карьеры и получения больших заработков в силу личностных особенностей или нежелания сливаться с толпой; гибель рода или оторванность молодого человека от собственных корней; любовная линия никогда не имеет благополучного завершения; молодые герои обречены на одиночество; причины поступков героев, как правило, не имеют рассудочного характера).

Одной из главных формальных черт прозы нового реализма является фрагментарность, сосредоточенность на продолжительности настоящего момента. Общность существенных признаков позволяет говорить о том, что новый реализм в русской литературе 2000-х годов представляет собой литературное течение в рамках реалистического направления [Серова 2015]. Эти признаки характерны не только для творчества А. Балкарова, но большинства современных русскоязычных адыгских писателей: Ю. Шидова, Дж. Кошубаева, М. Емкужа, А. Макоева, В. Мамишева и др.

Источники и литература

1. Амузин М.Ф. Несходство близкого. О художественных мирах Ю. Трифонова и А. Битова // Вопросы литературы. 2016. Январь-февраль.
2. Аникст А.А. Оскар Уайльд и его драматургия. Примечания. М., 1955.
3. Балкаров А.М. Реквием по нарисованной жизни // «Война длиною в жизнь». М., 2007.
4. Калита И.В. «Дело о новом реализме» // Вопросы литературы. М., 2015. Ноябрь-декабрь.
5. Мурнаева Л.И. Интертекстуальность в современной северокавказской русскоязычной прозе: дисс. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2016.
6. Серова А.А. Новый реализм в русской прозе 80–90-х годов: автореф. дисс. ... канд. наук. Нижний Новгород, 2015.
7. Хакуашева М.А. Литературные архетипы в художественных произведениях адыгских писателей. Нальчик, 2007.

В статье также использован авторский электронный ресурс художественных публикаций.

NEOREALISM AS A FEATURE OF MODERN RUSSIAN-SPEAKING CIRCASSIAN PROSE (On the example of the story by A. Balkarov)

Madina Andreevna Hakuasheva, orcid.org/0000-0002-1290-6649, Doctor of Philology, Leading Researcher of the Kabardino-Circassian Literature Sector, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), dinaarma@mail.ru

The end of XX – beginning of XXI century is the time of the birth of new synthetic kinds of art, different forms of cross-fertilization of artistic creativity, therefore established trend towards intermediality (interaction) of art, involving the rejection of literaturecentrism. This can be seen in the works of Kabardian Russian-language writer Alim Balkarov. «Requiem for painted life «is a modern literary remake of one of the most common «wandering stories» about the connection of life with art.

The writer removes the border between the real and the virtual, the dispute between them is solved by the author more in favor of art, it dominates life, not accidentally, the main character leaves the painting itself.

The story of A. Balkarov, revealing some elements of postmodernism, is more consistent with neorealism. Given the dominant, genetic relationship of Adyghe literature with a rich myth-folk heritage, it is logical to determine its modern genres rather in the mainstream of fantastic realism as a subspecies of neo-realism. Modern Russian-language literature as one of the forms of Adyghe literature is also subject to mythological and folklore influence, which manifests itself at the level of meta-narrative, intertextuality.

In the first article in sorokapyatka the literature reflects the tendency of neorealism in modern national literature.

Keywords: intermediality, «wandering» plot, art and life, fantastic realism, postmodernism, neorealism.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-93-98

ГУШЫЛЭМРЭ АУАНЫМРЭ КЪЭБЭРДЕЙ ЛИТЕРАТУРЭМ ЗЭРЫШЫЗЭФІЭУВАМ, ЗЭРЫШЫЗАУЖЬАМ И ІУЭХУКІЭ

Хъэвжокъуэ Людмилэ Борис ипхъу, orcid.org/0000-0001-9931-7726, филологие шлэныгъэхэмкІэ кандидат, къэбэрдей-шэрджэс литературэмкІэ къудамэм и унафэшІ, Урысей ШлэныгъэхэмкІэ и академикем и Къэбэрдей-Балъкъэр шлэныгъэ центрым Гуманитар къэхутэныгъэхэмкІэ и институт (Налшык, Урысей), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Статьяр зытеухуар къэбэрдей литературэм ауанымрэ гушылэмрэ зэрышыужьам и Іуэхурш. Мы ушцІэм шлэныгъэлІ зыбжанэм зыхуагъэза пэтки, нобэр къыздэсым ахэр зыхунэмыса гуэрхэм урохьэлІэ. Ди къэхутэныгъэм и шлэшыгъуагъыр абы гуэхыпІэ имыпІэу епхаш. Зы статья и кІуэцІкІэ жанрым и зыужьыныгъэ псор къыпхузэшцІэкъуэнукъым, абы къыхэкІкІи, дэ нэхьыбэу дыккызытеувыІэнур тхакІуэ зыбжанэм я тхыгъэхэрш. Апхуэдэхэщ къэбэрдей литературэм гушылэмрэ ауанымрэ я лъабжьэр шызыгъэтІылыгъахэм ящыщу Дудар Хъэутійрэ Налэ Ахьмэдхьанрэ, абыхэм нэмыщІуи, зи гугъу тшы Іуэхугъуэм новеллэкІэ хэлэжыкыа Апажэ Ахьмэд. Ди къэхутэныгъэм кырикІуахэр литературэр шлэныгъэр и лъабжьэу зыджжэмрэ ар курыт еджапІэхэмрэ еджапІэ ишхьэмрэ шезыгъэдджжэмрэ яхуэщхьэпэну дышогугъ.

Зэрыгуэзэн псалъэхэр: къэбэрдей литертурэ, ауан, гушылэ, жанр, проза, рассказ, новеллэ, миниатюрэ.

Адыгэ литературэм, хэхауэ къэбгъэлъагъуэмэ, къэбэрдей литературэм гушылэ, ауан жанрхэм шагъуэта зыужьыныгъэм литературэ шлэныгъэм гулыгтэ лей хуищІаш, абы теухуа монографие лэжыгъэ псо филологие шлэныгъэхэм я доктор, профессор Баклуу Хъанджэрий и Іэдакъэ къыщІэкІаш, а темэмкІэ лэжхьэнэ зэхуэмыдэхэм я диссертаци лэжыгъэхэр пхагъэкІаш филологие шлэныгъэхэм я кандидатхэу Бейтыгъуэн Ауесрэ Дзэгъаштэ Азэмэтрэ. Ди къэхутэныгъэр шлэныгъэдублэм и шхьэусыгъуэр зи цІэ кытІуа шлэныгъэлІхэм ятхэхэм арэзы дытемыхьэу аракъым, атІэ ахэр зыхунэмыса ушцІэ гуэрхэм гулыгтэ хуэтІыны кьалэн пщэрылъ зыщытІыжу аращ. Апхуэдэ шлэныгъэлІэ етхьэжыа Іуэхур – гушылэмрэ ауанымрэ я зыужьыкІэр къэбгъэлъагъуэныр – нэхь нэщІыса хьуну гугъэ дилэщ. НэгъуэщІ зыи къыхэгъэщыпхьэщ: сыт хуэдэ шлэныгъэлІым я нэхь Іээми зэувэлІа темэр къызыхуэтыншэу къызэшІикъуэф хабзэкъым, сыту жыпІэмэ литературэр зы пІэмрэ зи хэлымрэ иткъым, абы зеужь, зехьуэж, узыкІэлъыпІыну узыхушІэмыхьэ шлэ куэд къыхыхэ зэпытщ. Ар иджыри зы шхьэусыгъуэ тхуохьу ди къэхутэныгъэр зэхэдублэнымкІэ.

«Гушылэр Тхьэм и шлэсэш» желэ адыгэ псалъэжыкы. АтІэ а гушылэр къэзыгъэщІыр тІэунейрэ Тхьэм и шлэсэу, пщІэрэ шлэныгъэ хуэфашэу зэрыщытыр шэч зыхэмылъыжщ. И зэфІэкІи, ІэщІагыи, шлэныгъи гушылэм тегъэпсыхьауэ, и гуи и пси «гушылэкІэ зэрылэлы» къэгуэгурыкІуаш лъэпкъым куэд хуэзылэжыа *Дудар Хъэутій Мызэ и къуэр*.

Дудар Хъэутій къэбэрдей литературэм гушылэмрэ ауанымрэ и лъабжьэр шызыгъэтІылыгъа тхакІуэ нэхьыжхьэм ящыщ. Абы и ІэдакъэщІэкІхэр иту тхылы зыбжанэ дунейм къытехьаш. 1964 гъэм къыдэкІа «Си пашІэр» япэ тхылыгъэм гушылэ теплэгуэ кІэщІхэр (миниатюрэхэр) шызэхуэхьэсаш. Абы къыкІэлъыкІуаш тхакІуэм и гушылэхэмрэ ауанхэмрэ зэрыт сборникхэр: «Пэ вадзэ» (1968),

«ГушыГэхэмрэ аунхэмрэ» (1977), «Гупсыси – псалъэ» (1985), «ГуфГэгъуэ щашцэ» (1992) жыхуиГэхэр.

Дударым и зэчийр сабийхэми яхуигьэлэжьашц. «Таурыхьхэр» фГэщыгьэм щцэт тхылгыр тГэунейрэ – 1980, 1996 гьэхэм – кьыдэкГашц. Апхуэдэуи цыкГухэм яхуэгьэзауэ абы итхашц «Хьэлэлыжьрэ Хьэрэмыжьрэ», «КъуийцыкГу» пьесэхэр. Мы тхыгьэхэм гьэсэнгыгьэ-ущиингыгьэ мыхьэнэ ящцэлъыщ, сабийхэм я кьэухьым зегьэуэщцыным хуэунэтГауэ гьэпсащ.

«Таурыхьхэр» (1996) тхылгым и етГуанэ кьыдэкГыгьуэмрэ усэхэр, уэрэдхэр, гушыГэхэр щызэхуэхьэсыжа «Едзыгьуэхэр» (2001) тхылгымрэ езы тхакГуэр дунейм ехьжауэ кьыдэкГашц.

Дудар Хь. хэлъхьэныгыгьэ нэхьыбэ зыхуищцар гушыГэмрэ ауанымрэхц, ар усыгыгьэ, прозэ е драматургие тхыгьэ ирехьу. Литературэдж Абазэ Албэц пэжу гу зэрылытащи, «тхакГуэм телъыджэу кьыгьуэтырт икГи иуэщцырт щцэнэкГалъэхэмрэ гушыГэхэмрэ. Дерс гуэр кьыхыумыхыу, уи гур имыгьэпГейтейуэ зыри яхэткьым абыхэм».

Дударым и гушыГэхэр шабзэшэу шэрыуэт. Псом хуэмыдэу ар щынэрылыгьагьущ сатыриплГ фГэкГа мыхьу, ауэ гупсысэ куу зыщцэлъ едзыгьуэхэм. Абыхэм гьашцГэм и теплъэгьуэ, и хабзэ куэд кьызэщцлаубыдэ, цыху зэхуэмыдэхэм я дуней тетыкГэр кьапкьрощ. КьызэщцГэкуауэ кьэбгьэлъагьуэмэ, а тхыгьэ кГэшцхэм тхакГуэм хьэл-щэн мыхьумыщцГэхэр ауан щешцГ, цыхум и дагьуэхэм гу льригьэтэжу, фГымрэ дахагьэмрэ хуиушийуэ. НэгьуэщцГу жыпГэмэ, Дударым и едзыгьуэ цыкГухэм дидактикэ ин «ящцГэгьэщцкГуащ». Мис, псалъэм папщцГэ, абыхэм ящыщ зыбжанэ:

КЪЭРАБГЪЭ

Кьыпхуэзамэ, и дзэлыфэр пхуетГ, –
«Гухэль ГэфГГэ» ар кьопсалъэ.
Уи щыбагыкГэ мащэ щетГ, –
ИгукГэ джатэр пхуегьэдалъэ. [Дудар 2001: эл. рес.]

ХЬЭГЪАПХЪЭ

ТкГуэпс уэшхыу кьытеткГуамэ,
Псыдзэ кьыщцГэуауэ кьыщохьуж.
Уафэр хуэапскГыу ильэгьуамэ,
Дунейр мафГэм хисхьэу тхьэ щегьуж. [Дудар 2001: эл. рес.]

* * *

Зы фГы гуэр уэ кьохьуламэ,
Зэльэкьуауэу ар кьомэх!
Уи насыпым ипкь щцГэлГамэ,
Ллауэ щытми, кьохьуж щцГэх! [Дудар 2001: эл. рес.]

А.К.

Пщашцэ тхьэГухуд! «Лыщхьэщ!» – жыпГэшц, зебдзри,
Уэ уи адэм и ныбжь гуфГэжу удэкГуащ.
Ауэ ар щцГэх дыдэ хьинтГрэу щхьэпрадзри,
Лыжьбыр кьулыкьум и фьеплъу кьыпхуэнащ!
[Дудар 2001: эл. рес.]

* * *

КьыщцГэмыщу и щхьэ закьуэм фГэкГа,
Лым и фызыр дыщэ самэм хигьэтГысхьашц.
«Е, теурэз хьун! Си щхьэр щхьэ кьэбгьэна?» –
Клий-гуоуэ физ нэпсейр лГы лажьэншэм щыхьашц.
[Дудар 2001: эл. рес.]

Дудар Хь. и творчествэм усыггэхэр кышыхэхуэ кэжыуами, лэпкэ литературэм увыплэ нэх ин щызубыдар абы и прозэмрэ драматургие тхыггэхэмрещ. И гушылэ рассказхэр клэщлэ, укышщеджкэлэ утезыггэзашэ кьетхэкэ куэд хэмыту, я сюжетыр гьэщлэггэуэну, зэрытхабзэри кьулейуэ гьэпсащ. Образхэр кышциггэщлэым, тхаклуэм психологиём и лэмал зэмылэужыггэуэхэр кыггэсэбэпаш. Персонажхэм я цлэри, тхыггэхэм кыхэхэщ щыплээхэм я флэщыггэхэри мыхьэнэ пыхыкэла ялэу сюжетым и зы пкыггэуэ хэуващ. Псалгэм папщлэ, «Фыз кызырэышар» рассказым и япэ сатырхэм деж узышрихьэллэ жылэм и флэщыггэм – Алмэстыкьуэ (Алмэсты + кьуэ) – тхыггэм и сюжетым гушылэр льябжэ зэрыхуэхьунумкэлэ щлэджыкэлаклэуэм хыбар иреггэщлэ. Тхаклуэм мыбы кышцилэтыр сыт щыггэуи гьэщлэм кыдеклуэкэ зы жылаггэуэ проблемэщ – зи кэшэггэуэ флэклахэр кэшэггэуей зэрыхьурщ, кэзымышэххи кэзэрыхэкэлырщ. Рассказым и персонаж нэхьыщхэ Мурид хьыджэбз куэд кыхуаггэлэаггэуэ, лэщлэаггэкэли, щлэныггэкэли, дахаггэкэли даггэуэ лэпкэ ямылэу, ауэ абы и «насып кьрехьэкэри» езыр шоферу здэлажэ колхозым и жэмыш Дахэлинэ кьешэ. Тхыггэм и клэухым деж жылэм и флэщыггэр тхаклуэм, нэщэнэм (символым) хуиггэакулэуэ, кыхеггэщ: «Хэт и гуггэнт си кэшэныр Алмэстыкьуэ дэсу? Си гуггэакьым!» [Дудар 1977: 131], – жэлэ Мурид.

Дударым и гушылэ тхыггэхэр псори рассказу гьэпсакьым, языныкьуэхэр теплэггэуэ (миниатюрэ) кьудейщ, уеблэмэ я ухуэкэклэ анекдотым пэблаггэщ. Апхуэдэхэщ, псалгэм папщлэ, «Дызэхуэдэ муслыымэнщ», «Уэхьэхьейкьуэ, берычэт!», «Дыггужьыл сшхынущ», «Си жин пэшэггэхэм ядэркьым», «Делафэ кызумышплэ», «Уэсмэн и фызышэ», «Кьуацэкэ хэуащ» жыхуилэхэр, нэггэуэщлэ куэди. Мыхэр псори клэщлэ дьдэщ, гупсысэ кууи хэплэаггэуэркьым, ауэ гушылэ дахэ ящлэлэщ, анекдотым хуэдэуи, уаггэнэжэгужэ. Псалгэм папщлэ, «Уэхьэхьейкьуэ, берычэт!» миниатюрэм деж адэ-анэр кьуэ мыхьумыщлэм, ефэрейм йоушие, адэр мэгубжэри: «... *Иман силэжьым уэ узэрыс унаггэуэ иггэацлэклэ берычэт кыхьэм*», – жэлэ. Ар щызэхихым, «*щлэлэжьыр щыльэтиц, бжэр зэлуиггэзэщлэыкэри щыбыым щлэгуоукац*: – *Уэхьэхьейкьуэ, берычэт! Сэ сыщлэклэ: нэхэ берычэтылуэу кыхьэ мы унаггэуэм! – жицлэри*» [Ар дьдэм: 61].

Гушылэмрэ ауанымрэ льябжэ яхуэхьуащ Дударым и драматургие тхыггэхэми. Литературэдж, критик Щаклуэ Марьянэ пэжу кызырэыхиггэщашащи, «комедие жанрыр кэбэрдей драматургиём лээ быдэкэ хэзыггэувахэм ящыщ Дудар Хьэутий. <...> Ди гьэщлэм, ди псэуклэм хуэмыузэдауэ тхыггэ мащлэщ абыхэм яхэтыр. И пьесэхэм теггэщлэплэ яхуэхьуар гуапэмрэ жаггэуэмрэ, хьэлэлыггэмрэ фэрыщыггэмрэ, флэымрэ лэймрэ яку кыдэхьуэ флэггэнаплэхэрщ. Тхаклуэм кьеггэуэт икэли и гупсысэкэлэ шэрыуэу еуэщлэ и щлэнэклэальэхэри, и гушылэхэри, и ауанхэри. Дерс гуэр хэмылэу, зыгуэркэлэ уимыггэплэейтеуэ абыхэм яхэтыр мащлэщ. <...> Дударым и тхыггэхэм пэрыхэту кышцибггэуэтэнущ узыщыдыхьэшхыни, ауан щлэныни, узыхуэхьуэщлэни» [Щаклуэ 2013: 281–282].

Кэбэрдей литературэм и тхыдэм ухэплэмэ, нэхьыбэ зыхуэзэфлэклауэ жьантлэр кэзылэжьахэм ящыщ тхаклуэ, еггэджаклуэ, щлэныггэллэ, зауэллэ хахуэ Налэ Ахьмэдхьан. Дэтхэнэ тхаклуэ нэсми хуэдэу, абы и пщэ кыдэхуа кьалэн нэхьыщхэ дьдэр литературэм шиггэзэщлэащ – зыми хэмыггэуащэ художественнэ дуней кыггэщлэын лээкэлащ. И тхыггэхэр зэрыщыхьэт налуэщи, и хьэткэли, и образ гьэпсыкэклэ, зытетхыхьэ луэхуэуэклэ, сюжетыр зэриухуэ щыкэклэ, бзэм и лэмалу кыггэсэбэпхэмкэли ар зэбггэпщэн, зыхуэбггэдэ хьун нобэр кыздэсым гьуэтыггэуейщ.

Налэ Ахьмэдхьан литературэм кышыхыхьам, и ныбжыыр илгэс 40-м нэблэггэат, зэрыжаггэуэ, лыплэ иувакэлат, иужькэли и тхыггэхэм кышциггэлэггэуэжа гьэщлэм куэд и нэггэуэ щлэныггэкэлыну кыхуэдэхуакэлат. Абы и тхыггэхэр дунейм кытехьэу щыхуежыар блэклэ ллэщлэыггэуэм и 50–60 гьэхэрщ. 1960 гьэм «Урыху акьуж» зыфлэища япэ тхылыым рассказ 18 иту кыдэкэлащ («Нет», «Кьалэжэ», «Босцей ушышкэла», «Псыхьэ нанэ», «Мафлэ бзий ныбжэ», тхылыым

флэшыгъэ езыга «Урыху акъужь» рассказхэр, нэгъуэщI зыбжани). Абы и пэублэ псалъэм литературэдж ХьэкIуашэ Андрей мыр щитхыгъат: «Налом и рассказхэр щызэхуэхьэса тхылъ иджыщ япэ дунейм кышыцтехьэри, тхылъеджэхэм абы хуашI гулытэм кыгъэлыгъуэнщI тхакIуэм и IэкIуэльбакIуагъри и ныкъусаныгъэри» [ХьэкIуашэ 1960: 3]. ЩIэныгъэлым зэрыжиIуэ, тхакIуэм и зэфIэкIыр «Урыху акъужь» тхылъым япэу шыбелджылауэ шытащ, нэхьыщхьэраши – ар и творчествэ къулейм щIэдзапIэ хуэхьуащ.

Къэжэр Хьэмид зэритхыгъамкIэ, «Нало Ахьмэдхьан ди литературэм кызырыхыхьар япэ щIыкIэ фэшхуэ дыди зумыплъын гушыIэ, ауан тхыгъэ цIыкIуфэкIуш. Налом и япэ рассказхэми, ахэр щызэхуэхьэсыжа и япэ тхылъми («Урыху акъужь») абы кыкIэлъыкIуэнур зыхуэдэр ауэкъудеи кыбжаIэфынутэкъым. МыдэкIэ ушыту уриплэ нэужькIэщI кышыцбгурыIуэнур Ахьмэдхьан ди литературэм щикIуа гъуэгуанэр узэщIа хьун щхьэкIэ абы и япэ лъэбакъуэхэм яIа мыхьэнэр» [Къэжэр 2008: 98]. Мы псалъэхэм арэзы дытөмыхьуэнымкIэ шэсыпIэ дизыгъэхьэ шыхьэт наIуэщI «Псыхьэ нанэ» рассказыр. Ар тхакIуэм нэхь пасэу итхэхэми, и япэ тхылъым иту кыдэкIахэми ящыщ. Дэ дызэрэплъымкIэ, рассказыр дунейм кызырөтехьэу, ар зи IэдакъэщIэкIым и зэчий инымрэ творческэ зэфIэкIымрэ сэтей кыщIат, кыкIэлъыкIуэну тхыгъэхэмрэ тхылъхэмрэ нэхьыфIыжрэ нэхьыбэжкIэ уащыгугъ зэрыхьунуми и нэшэнэт.

«Урыху акъужым» кыкIэлъыкIуэу тхакIуэм и IэдакъэщIэкI нэгъуэщI тхылъ зыбжанэ адыгэбзэки урысыбзэки кыдэкIащ: «ГушыIэлъэ» (1963), «Къэрэгъул зэблэкIыгъуэ» (1967), «Лъагъуэхэмрэ гъуэгухэмрэ» (1969), «Рейхстагым адыгэбзи тетщI» (1972), «Тень пламени» (1973), «Нэхуш шу» (1977), «Бжэр къэпщIащ» (1980), «Всадники рассвета» (1981), «Пшэплъ жыжьэхэр» (1984), «Пчелиный рой» (1988), нэгъуэщIхэри. ТхакIуэм и тхыгъэ кыхьэхэхэр томищым щызэхуэхьэсауэ 90 гъэхэм кыдэкIащ.

Нало А. и гуащIэ ин хэлъщI къэбэрдей прозэм рассказ жанрым кууэу зэрызыщиужьам. Псом хуэмыдэжу лъэпкъ тхылъеджэм игу дыхьащ ищхьэкIэ зи гугъу тщIа «Псыхьэ нанэ»-р, апхуэдэуи – «Лъагъуэхэр, гъуэгухэр», «ЖэщI ныкъуэ... ильэс тIошI и ныбжью», «Рейхстагым адыгэбзи тетщI», «Урыху акъужь» рассказ хьэлэмэтхэр. Лъэпкъ литературэм и хэлъхьэныгъэфIщI гушыIэ, ауан рассказхэри: «ШабашкIэ», «Хуабэ уз», «Къуэ гъэфIэн», «Нэ дахэм теухуа щIэныгъэ», «Кэму», «Ди зэхуэдэ щэхуш», нэгъуэщIхэри. «ГушыIэлъэ» тхылъыр дунейм кышыцтригъэхьэм, а лъэхьэнэм къэбэрдей литературэм щызэпщIагъащIэу шыта гушыIэ, ауан жанрыр тхакIуэм зыужьыныгъэ пыухьыкIам хуишэну хузэфIэкIат. Абы и гушыIэри, ауанри егъэлякъым, атIэ шабээрэ, мащIэ-мащIээрэ цIыхум хэлъ хьэл-щэн мыхьумыщIэхэр сэтей къэзыщIщ, гу зыльезыгъэтэжщ, гъэсэныгъэ-уциныгъэ мыхьэнэ зиIэщ.

«ГушыIэлъэ» тхылъым и япэ напэкIуэщIхэр кызырэзылупхьу, абы ит тхыгъэхэм уахукъуэплъыну ухунэмыс щIыкIэ, тхакIуэм и пэублэ псалъэр езыр гушыIэу кызырөлъэ: «Псалъэп» флэшыгъэм и лъабжьэкIэ «Укъэмыджэми къуэдыкъым» псалъэхэр скобкэм дэту щетх. АдэкIэ езы псалъэпэм гушыIэ дахэрэ куэдым уезыгъэгупсыс философии куурэ шызэщIэлъщ. Псалъэм папщIэ, абы дыкъыщоджэ: «... мы тхылъыр “ауан цIыкIу лыбжьэщ”, ар зи мыхьэмышхри къремыIусэ, и гъащIэ лъапIэм шыщI зэман кытесхьу зыгуэрым и гуэныхь къэхьыну сыхуейкъым. Сэ щэхуу бжесIэнщи, мыбы Iэзашэ узыщIын щIэныгъэ иткъым. ЩIэныгъэ дэпIэстхьейхэр Мичурин, Эйнштейн, Михаил Шолохов <...>, къынэмышIхэм я тхыгъэ феджэ, ахэр диссертациэм нэхь сэбэп кыхуэхьунуши, мы зи дзэлыфэ теша тхылъыжь цIыкIум нэхьрэ. СызэрыгушыIэм щхьэкIэ, мыбы и напэм литрэ банкIыщхьэ ирифIупхьыкIын нэхь фейдэ имыIэ къыпфIэщIу и напэр тумых. <...> Мы тхылъым доктор уимыщI щхьэкIэ, Iэрыхуагъэ гуэрхэр хэлъщI езы доктор дыдэми къемылеекIыну: доктор езшар къеджэм, игъэдыхьэшхынущ, зэрешар щигъэгъушпэнурэ. Дыхьэшх нэхьрэ нэхьыфI сыт шыIэ? Узижагъуэр

мыдыхэшхыжу дунейм кытеунэ!» [Нало 1963: 3]. Мыпхуэдэ гушылэ дахэкIэ зи япэ напэкIуэцIхэр кызылукI тхылтым гьэщIэгъуэн куэд итц, ауэ ди литературэм щыщIэщыгъуэу мыбы зы Iуэхугъуэм ущрохьэлIэ – абы и кIэухым деж гушылэтьэ-псалгальэ кышчыхьаш. Кэбэрдей-шэрджэсыбзэм и алыфбейм тету зэкIэльыхьа хьэрф кэскIэ псалгэ зыбжанэ кызыщIаубыдэ, абыхэм я мыхьэнэр гушылэрэ ауанрэ хэлъу зэпкырыхаш, языныкъуэ псалгэхэм я купщIэр убгъуауэ кызылукIуэцIыхаш, хьыбар кIэщIхэр шапхьэу зыщIыгъуи яхэтц, языныкъуэхэми философии куу, Iушыгъэ ящIэлъщ. Псалгэм папщIэ:

А.

Аркъэ. *«Аркъэкъым», «Эркъэц» зэрыжыIэн хуейр, ауэ зэрэфэн хуейр зыми кыбжылэнукъым, зэремыфэн хуейм фIэкI. Аркъэм зыри цытхьуркъым, псоми яуб: тхьурымбэ кьаIурыхуу яубурэ я пэмкIэ кыжжыжыху ефи уахуозэ. Ар дэнэ кьэна, лъы зыгъэжэни цыIэц аркъэ цхьэкIэ.*

Шапхьэ: Ди зы къуажэ шы уанэ зетелькIэ гьаблэ гъэм джэду кърихуэклауэ жалэр, кьамэкIэ иукIыну: аркъэ четвэрт икъутат джэду насыпнышэми.

«Фадил» жалэ аркъэм цхьэкIэ, ауэ абы цхьэкIэ нэхъ фейдэкъым: уи унэгъуэбжэр хуегъэщIыж. «ЩIалэфI цыкIуц» кыпхужалэу уи япэ улахуэмкIэ ныбжэзэгъу егъэфэн щIодзэри, лэжьаплэм укьыIуахуа нэужь, укьальагъум дадзыхьурэ блокI «ныбжэзэгъухэр», «пьяницэ» тыкыыр кыпкIэлъадзыж уохъу. ИтIанэ фадэр цыбгъэт мэхъу, тхьэ умыIуэуи! [Нало 1963: 89].

Гъ.

ГьащIэ! *IэфIц, ауэ гур кьуилэркъым. Цыхур «дыгъуасэ» лIуэу, «нобэ» псэууэ, «пцэдей» кьальхуу цытам, гьащIэр кьайлыжынт, сэром Iулъхьэ иратурэ ажал гьэтIылыгыгъэ зи цхьэ хуэзыщIыни цыIэнт, ажалым и сурэтыр тхьэлухуду ящI хьунт художникхэм, поэтхэм – усэ хуатхынт, зэманми зигъэгусэнти дунейр гьэпкIауэ гъуэгум кыитринэнт, шы жагъыну пхэкIэ екъуу, итIанэ сьт хуэдизкIи хуэгъэпIий уэ абы кIэчан, си Iуэхут зы лъэбакъуэ пхуичыжым! Насып дIэщIи, щIыбагъкIэ кIуэ гъуэгу гьащIэм илэкъым: укьальху, уопсэу, уолIэж: укьальхуам бгъэзэж хьунукъым, улIами укьальхужынукъым, ди зэманри гупэкIэ макIуэ, ди гьащIэри IэфIц [Нало 1963: 90].*

«Гушылэтьэ» тхылтым ит рассказхэм цIыху хьэл-щэным и дагъуэ куэд кышIагъэщ, абы щыгъуэми тхакIуэм щIэнэкIалгъэ ищI образхэр къуажэдэсрэ кьалэдэскIэ е еджарэ щIэныгъэншэкIэ зэхидзыркъым, атIэ сьт хуэдэ жылагъуэ зэхэтыкIэри зэрымыдагъуэншэр кьегъэлыагъуэ. «Билэхьы, пэжым» зи фIэщыгъэ рассказым и персонаж нэхьыщхьэр тхакIуэщ, тхыгъэм кызызрыхэщымкIэ, и цIэр Батагешев Михаилщ, и цапэр – Мухьэмэдщ. Мыбы и унэцIэ къудейми шIагыбзэ щIэлъщ, адыгэбзэкIэ жыпIэмэ – Батэгъэшщ. Ар тхыгъэм и пэщIэдзэ дьэдэм деж пэIу нэщэнэу кыщокIуэ, тхакIуэм зи гугъу ищIыну батэр зыгъэшхэм зэращымыщыр, ауэ езым апхуэдэу зызэрилтыгъыр кыыхигъэщ. «УакъыфIэмыщIми, зигъэщIейкI» жыхуалэм хуэдэщ Батэгъэшыр. Абы апхуэдизкIэ тхакIуэшхуэу зельытэжри, езы Пушкин дьдэми пэувыфыну, и зэфIэкIкIи абы кыкIэрымыхуу зыкыщохъуж. Хьыбару зэраIуэтэжымкIэ, урыс усакIуэшхуэр апхуэдизкIэ цIэрыуэти, и пыIэр паркым кьринамэ, ар зейр ящIэрти, и унэ хуахьыжырт. Батэгъэшми абы зригъэщхьыну яужь йохьэ, икIи зы махуэ гуэрым, унэм кыыхуахьыжынкIэ гугъуэ, и бэльто пIащIэр паркым кьренэ. «Си макентошыр кьахьыжа?» – жиIурэ и щхьэгъусэм еупщI пэтми, зыри кьикIакъым. АрщхьэкIэ апхуэдэу Iуэхур кызызэрекIуэкIыр езым и щхьэм хуихьакъым, Пушкин здынэса лъаганIэм нэмысауи и пщIыхьэпIэ кыыхэуакъым. Тхыгъэм и кIэм деж Батэгъэшыр Iушыгъэшхуэу кышчыхъуж гупсысэхэм кыыхуэжIуаш: *«Макентошыр кызызэрамыхьыжар ди “Пушкин” кышчыгурыIуэм, кьэгубжьри кышчыльэтащ, халатыр зытридзэри никIукI-кьикIукIыуи щIидзащ. “АтIэ сынэмысауэ иIэрэ Пушкин и инагъым?..” – И лэжыгъэгэхэм яхэплэжэри Пушкин кызызэрыкIэрыху хильэгъуакъым. Мис итIанэ,*

чэфыжыпкэ цхэкэ, гупсэху дыдэу егупсысри тэмэм дыдэу кыгурылуац луэхур зытетыр: “Уэлэхы, сэ Пушкин и инагым сынэсар пцлы хэмылгу пэжым, ауэ адыгэхэр урыс народым игъацлэм зы махуэ цлэмыхыаклэ, тхээ слуэни, лэхуи цлэмыхээн, си макентошири яихри зэбгрыкыжаклэ, си Алыхыым и цлэклэ солуэ”. Михаил хуабжыу и жаггуэ хуауац ар “Пушкин” зэрыхуар адыгэхэм кьагуригъэлэуэн зэрыхуэцлэмыклар. Билэхы, пэжым!» [Нало 1963: 81].

Зэрынэрылгагъуши, Нало А. и бзэ шэрыуэр гушылэным кыхуигъэщлат. Языныкыуэхэм деж абы и тхыгэхэм кыыхэщ гушылэр ауаным хуоклуэ, ар плэсклугэхэм шыхуэклуэжи кыыхэхуэу. Апхуэдэу шытми, тхаклуэм сэшхуэдзэу иупэмцл плэсклугэхэмрэ ауанхэмрэ гум занщлэу зыхасэркыым, атлэ шлагыбзэм шлэггэпщклуауэ, нэхь «гъэтклугуафлэу» тхыггэм кыщоклуэ. Абы кышцынэмышлауи, шлэныггэлл Баклуу Хьанджэрий пэжу гу зэрылыташи, «Налом и персонажхэр Изэу зэщхэщеггэкыр я теплэклэ, я псэлэкклэ, я гупсысклэклэ» [Баклуу 2013: 76].

Гушылэмрэ ауанырэ зеггэужыным зи гуащлэ хэзылхэхэм ящыщ Апажэ Ахьмэди. Апажэ А. жанр зэхуэмыдэхэм иту тхэуэ шытащ: усэхэр, повестхэр, рассказхэр, новеллэхэр, ауанхэр, гушылэхэр и кьалэмыпэ кыпыклат. Абы и зы повестрэ, рассказ, новеллэ, гушылэ зыжанэрэ зэрыт «Зыпэмыпльа льягъуныггэ» тхылыр 2001 ггэм «Эльбрус» тхылы тедзаплэм кышцыдэклэщ. Усэхэр шызэхуэхэса «Гъащлэм и дерсхэр» тхылыр 2010 ггэм дунейм кыгтехыащ. Кышцынэмышлауи, Апажэм и усэхэр «Къэбэрдей усэм и антологием» хыхыащ.

Дызэрыт ллэщыгъуэм и пэщлэдзэ дыдэм адыгэ литературэм ехуллэныггэ ину зылэриггэхэхэм яхэлгытапхэщ Апажэ А. и новеллэхуэ «Зыпэмыпльа льягъуныггэ» (2001) тхылым иту дунейм кыгтехэхэр – «Сенычпэм и кьарур», «Уи теплэн епльи, уи лэуэ укьуэдий», «Хьумплэцлэджым и клуэдыжыгъуэм дамэ кыитоклэ», «Гузэвэгъуэ», «Ину яхужымылэу, шэхуу яхуэмылуатэу», «Кондицэ» жыхуилэхэр. Ахэр жанрым и зыужыныггэр ипэклэ зыггэклуэтахэм ящыщ.

Новеллэм зэрышыхабзэу, Апажэм и лэдакэщлэккыу кьедбжэклэхэм анекдотым и нэщэнэхэр хыболгагъуэ: я сюжетыр гушылэ шабэрэ шлагыбзэрэ шлэлы ухуащ. Жанр кызызэриггэуыым тету, тхыггэхэр клэщлу тхаш, абы кышцыхыу-кышцышлэр зы луэхугъуэм ехэллэщ, махуэ кьэс узрихэллэнклэ хьуну кьэхыггэхэм теггэпсыхыащ, абы шыгъуэми мистикэ мотив флэщ шлыгъуей гуэрхэри хэлгыщ. Романтизмэм и лээххэнэм зызыужыа новеллэ ллэужыгъуэм и шапхэм тету, Апажэм и лэдакэщлэккхэр цыхум и психологиер кьэггэллэгуэным, абы и гурыгъу-гурышлэхэр кызызэпкьрыхыным хуэхейщ. Адыгэ тхаклуэ куэдым конфликт гуащлэ зращлэкк, драматизм куу хэлгу кьратхэкк луэхуггэхэр Апажэ А. гушылэ шабэ шлэлы, хыбарыжыым хуэдэу кьриггэклуэккыурэ, кьелуатэ, абыкли адрейхэм кьашхэщокк. Абы шыгъуэми новеллэхэм философии куу ящлэлыщ.

«Уи теплэн епльи, уи лэуэ укьуэдий» новеллэм и гупсысэ нэхышхэр «шыккыр насып уккыжу» зэрышытырщ, сыт хуэдэ луэхуми еггэлейныггэ хэлтын зэрыхуэмейрщ, узэрышымыт зыпщыным флы зэрышлумыхырщ. Тхыггэм кыыхэщ Бжэдыггэхэ я унагъуэм мылкъуу ябггэдэль жэм закьуэмрэ шымрэ ящэжри я пхьум соминий и уасэ шубэ кыыхуащэху. Жылэм ар шлэнэклалэу ящл, сыту жыплэмэ хуиту зышхын зымыгъуэт унагъуэм зи дэклэуэгуэ хьуа я пхьур «яггэплэин» папшлэ, апхуэдэ «лэмалым» хуоклуэ, шубэм псэлыхыу кьулей «кыишэнэу» шыгуггэхуэ. Ауэ «шы зыгъуэт нэху тещхэркыым» жыхуалэрати, хьыджэбзым и шубэр хьуншлэклэхэм трах, унагъуэри малххэншэу икли мылкъуншэу кьонэ.

Сюжетыр зэрыггэщлэгуэным нэмышл, тхыггэр зэрытха бзэри кьулейщ. Тхаклуэр хэблэ физхэм я нэклэ луэхум хэллгэн хуэцлэклэщ, абыхэм я бзэкли тхыггэм шыпсэллэфаш. Мис зы пычыгъуэ:

«– Ей, Сэлимэт, умулъымэнмэ, зы дакыккэккэ моуэ кьэклэуати, мо яихын ямылэу жызылэу махуэ кьэс кьытхуэтхэуэсэхэ зэллээфызым, соминий црату, а яхыу цхэкклурахэм кыыхуащэхуа шубэм епльит! – кьылурылгэлырт Хьэужан

цхьэгубжэм дэплгүрэ хьыджэбзым здыклэлъыплъым. Сэлимэти, кээтэджри абы бгээдэувауэ, жэуап иритыж цыкыкыуэ жицэрт:

– Сложь сеплэмэ, «цыгыын гуацэци, ятлэ пцы унэц», жыхуалэраци, дахэклейиц. Пхузэфлэкрэ кызыэрытцэхун уилэу апхуэдэ шубэ уи хьыджэбз зэрыщыгыын. Ауэ, «Уи теплэн еплти, уи лээ укьуэдий» жыхуалэ псалъэжыбэм емыгупсысхэу, зи жэмыжыбэмрэ зи шыжыбэмрэ зыщэжу соминий и уасэ а лыпсейр япхуэ кээжэпхэа кьудейм кыхуэзыщэхахэр губзыгьэу, Алыхь, сэ уэ жызумыгьэлэн!» [Апажэ 2001: 79].

Мыпхуэдэ диалогхэм тхыгьэр нэхь гьэщлэгьуэн ящл кьудейкыбэм, атлэ кызыэрыгукл жылагьуэ Гуэхугьуэхэм теухуауэ щытыпхьэ новеллэм и кьупхьэм ар ирагьэзагьэ.

«Хьумплэцлэджым и клуэдыжыгьуэм дамэ кытоклэ» новеллэми лъабжэ хуэхьуар гьащлэм узыщрихьэлэнклэ хьуну зы Гуэхугьуэщ. Жанрым и хабзэхэм языхэзу мы тхыгьэм «парадокс»-клэ зэджэ зы кьэхьугьэ кыщыцуэтэжаш Хьэлъэзешэ машинэ ису лажэ Зураб унэм клуэжу гьуэгурыкыуэ гуэр кьрегьэтлысхьэри здешэж. Абы здепсэлъыллэм, Зураб зегьэщлэгауэ, мылькышхуэ кызыэрилэжыбьыр кыхигьэщу и щхьэ щотхьуж, ГАИ-м кьагьэувылэ хьужыкыуэмэ, абыхэм зэрафлэклэ «Лэмалхэми» и гугьу ещл. Арщхьэклэ абы сытклэ ищлэнт и псалъэгьур езыр полицэм и нэхьыщхьэу? Мыбдежым тхыгьэм хэль драматизмыр щыщлохуабжэ, тхакыуэм психологие Лэмалхэр кыгьэсэбэпу щлэдзэ, Зураб кыщыщлэа щлэщхьур зэригьэвыр, гушыли ауан мащли хэлъу, ди пашхьэ кьрелъхьэ: «Тлэку-тлэкуурэ кыпкьрыхьа гузэвэгьуэм кыпхихуа пцлэнтлэпс цыкыкыуэ Гуэщыкыкыуэ ирилэщлэкрэ, и Лэпэм едзакьэжу ежэжэщ ар. «Емынэунэ ухьу, дыкыщэжэжыбэм а аркьэ литрэм дезыгьэфа Хьэпломл. Ар мыхьуамэ а кьомыр кээврэт сэ сытми? Янэ узыхуэзэм уи дзыхь цумыгьэз цыкыкыуэ мис арац. Ауэ хьумплэцлэджым и клуэдыжыгьуэм дамэ кытоклэ, жыхуалэм ещхьу, щлэртэжыбэм сэ нобэ сыщлэатар» [Апажэ 2001: 88]. Мыпхуэдэ сюжет зэфлэхьыкыкыуэ, узыпэмыплъэ, укьэзыгьуэлэбжэ клэух тхыгьэм етыныр новеллэм и хабзэм нэхьыщхьэхэм ящыщ, ар тхакыуэм кызыэрехьуллар нэрылбагьуэщ.

Апажэ А. и новеллэхэм я щхьэхуэныгьэхэм ящыщу нэгьуэщлэ зыи кыыхэгьэщыпхьэщ: жанрым и хабзэхэм тету абыхэм кьэхьугьэ гьэщлэгьуэн дыдэхэр кыыхош, ауэ сюжетыр укьэзыгьуэлэбжыбэмклэ трилэуэнтлэн ипэклэ (апхуэдэр кыщыщхьу хабзэр тхыгьэр и клэухым щынэблагьэм дежш), тхакыуэм тхылэдежэр абы хуегьэхьэзыр, мыпхуэдэ жыкыкыуэ кыгьэсэбэпкыкыуэ: «зэрагьэщлэгьуэнуэрэ зэрыжалэну цыкыкыуэ кьахуэмыщлэу телъыджэ кьэхьуащ» («Ину яхужымылэу, щэхуу яхуэмылуатэу» новеллэм); «мы Гуэхум гьэщлэгьуэну хэльыраци...» («Кондицэ» новеллэм). Апхуэдэ псалъэухахэм, Апажэм и новеллэхэм хабзэ зэрыщыщхьуащи, ищхьэклэ кыыхэдгьэща Гуэхугьуэ гьэщлэгьуэн дыдэхэр кыкыкыуэ.

«Гузэвэгьуэ», «Ину яхужымылэу, щэхуу яхуэмылуатэу», «Кондицэ» новеллэхэм, жанрым и зы нэщэнэу, мистикэ мотив кызыхьэщ кьэхьугьэхэр, диным, ухыгьэм ехьэллэ гупсысэхэр хэхуэнаш.

«Гузэвэгьуэ» флэщыгьэм щлэт новеллэм Бжэдыгьухэ я унагьуэм (мы унагьуэщлэр ищхьэклэ дызыхэплъа «Уи теплэн еплти, уи лээ укьуэдий» новеллэми кыыхош) куэд дыдэрэ зыпэплъа щлалэ цыкыкыуэ кьохьуэ. Сабийм япэ псалъэу «нанэ»-р кыжыкыуэ нэужь, унагьуэм я фызыжыбэр дунейм йохыж, кыкыкыуэ «дадэ» псалъэр желэри, дадэри нанэм клэуэщлэуэ. Абы иужыкыуэ унагьуэм исхэми лыхьыхьэми шынэ кьаштэ, щлалэ цыкыкыуэ «зи вагьуэ иригьэжыну» пэплъэхэу, жей ямылэжу кызыэхонэ. Тхыгьэм и клэухым деж, новеллэм и хабзэм тету, телъыджэлажэ кьохьуэ: щлалэ цыкыкыуэ «папэ» псалъэр кыжыкыуэ нэужь, я гьунэгьуэ цыхуэхьур дунейм ехьыжауэ нэху кьоклэ. Апхуэдэ щыкыкыуэ, сабийм и анэр лэныкыуэщлэ гузэвэгьуэ хохуэ: япэрауэ, и кьуэм «мамэ» псалъэр кыпсэлъынкыуэ мэшынэ, егуанэрауэ, щхьэгьусэм зэрэпщыжар сэтэй кьохьуэ. Кьызэщлэжыуэ

кьэбгьэлыагьуэмэ, «Гузэвэгьуэ» новеллэм дызыщрихьэлэ дыхьэгьым Апажэ А. и тхыгьэхэм увылэшхуэ щаубыд.

«Ину яхужымылэу, щэхуу яхуэмылуатэу» новеллэм лыабжьэ хуэхуар дунейр кызыериухуэрэ гьащлэм кыдеклуэклэ зы луэхугьуэщ – гуащэхэмрэ нысэхэмрэ я зэпэщлэтыныгыэ мыхыжырщ. Тхыгьэм и персонаж нэхыщхьэ Жандузхьан сымаджэ хууэ плэм кышыхэнэм, нысэхэм, яфлэмыфлэщэм, зэрахьэн хуей мэху, куэд дэмыкылуи дунейм йохыж. Нысэхэм ар гушлэхьэ ящыхьуа хуэдэу защлэми, хьэл гугьусыгы зыла гуащэр зэращхьэщыкыла ягуклэ ирогуклэ икли абы и уэсытыр – Бытырбыху шеджэ пху нэхыщлэр кьэсыжыху щлэмылэхьэу пагьэплэныр – Лэмал имылэу гьэзэщлэн хуейуэ ягьуэу, уеблэмэ хьэдэр апхуэдизэрэ щыбгьэлы мыхуну жызылэ ефэндими йохурджауэхэр, ауэ, новеллэм зэрыщыхабзэу, езы тхаклуэми зэритхыу, «тельдыджэ кьэхуащ». Пхур кьэсыжыу макь инклэ анэр игьейуэ щыщхьэщылыадэм, Жандузхьан телькылауэ арати, и нэхэр игьэуплэраплэу, кьэхуар кыгурымылуэу, кьэушыжащ. Ар нысэхэм сыт хуэдизу гушлэхьэ ящымыхуаами, псынщлэ-псынщлэу зэрыщлэрамыгьэлэхьам хушлэгьуэжами, абы иужьклэ гуащэр иджыри ильэситхуклэ псэужащ. Жандузхьан етуанэу дунейм щехыжам, жы трамыгьапсэу щлэлыхьащ.

Ищхьэклэ дызыхэллы тхыгьэхэм налуэ кызыращлэши, Апажэ А. и новеллэхэр кьеджэгьуафлэу, сюжетым удихьэхыу, жанрым и кьупхьэм изагьуэ, абы и хабзэм нэхыщхьэхэм тету тхаш. Тхыгьэхэм кьетхэклэ лей, гурылуэгьуейуэ зэхэхуэна гупсысэ зэрызельафи хэпльагьуэркыым. Ахэр клэщлэ, зытепсэлыхьыр нахуэщ, щыплэ-щыплэклэрэ дыхьэшхэнщ, языныкьуэхэм деж дыхьэгьыщ, нэхыщхьэраши – Апажэм и новеллэхэр гьащлэм щыщлэ, цыыхуэм я зэхэтыклэм гуэхыплэ имылэу епхаш. Ахэр зы льэхьэнэ гуэрым тегьэщлэакьым, атлэ сыт хуэдэ зэманми жылагьуэм кыдеклуэклэ проблемэхэм тегьэпсыхьащ, аращ, я щлэлы имыкыжу, жымыи щлэми яфлэгьэщлэгьуэну, а тхыгьэхэр уахьтыншэ зыщлэри.

Тегьэщлэплэ тшлэ литературэрэ

1. *Апажэ А.Хь.* Зыпэмпылла лыагьуныгыэ: повесть, рассказхэр, новеллэхэр, гушылэхэр. Налшык: Эльбрус, 2001. 192 н.
2. *Баклуу Хь.И.* Адыгэ литературэм гушылэмрэ ауанымрэ. Налшык: КБЦКЪИ-м и тхыль тедзаплэ, 2013. 183 н.
3. *Дудар Хь.М.* Гушылэхэмрэ ауанхэмрэ. Налшык: Эльбрус, 1977. 284 н.
4. *Дудар Хь.М.* Едзыгьуэхэр: усэхэр, уэрэдхэр, гушылэхэр. Налшык: Эльбрус, 2001. 104 н. // URL: <https://www.sites.google.com/site/adygheproduction/home/knigi/poezia/edzygueher-dudar-heutij>.
5. *Кьэжэр Хь.Хь.* Уэрэд щлаусыр: Литературэ портретхэр, эссе. Налшык: Эльбрус, 2008. 264 н.
6. *Нало А.Хь.* Гушылэлы. Налшык: Кьэбэрдей-Балкьэр кьэрал тхыль тедзаплэ, 1963. 96 н.
7. *Хьэкуащэ А.Хь.* Тхаклуэм папщлэ // Нало А.Хь. Урыху акьужь: Рассказхэр. Налшык: Кьэбэрдей-Балкьэр кьэрал тхыль тедзаплэ, 1960. Н. 3.
8. *Щаклуэ М.Ку.* Адыгэ драматургием кыкыла гьуэгуанэр // Адыгэ (кьэбэрдей-шэрджэ) литературэм и тхыдэ. Етуанэ тхыль / ред. Тьымыж Хь.Т. Налшык: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 года», 2013. Н. 267–297.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ЖАНРА САТИРЫ И ЮМОРА В КАБАРДИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Хавжокова Людмила Борисовна, orcid.org/0000-0001-9931-7726, кандидат филологических наук, зав. сектором кабардино-черкесской литературы, Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения

«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (Нальчик, Россия), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

Статья посвящена изучению вопросов становления и развития жанра сатиры и юмора в кабардинской литературе. Несмотря на то, что данная проблема получила разноаспектное освещение в национальном литературоведении, нами предпринимается попытка восполнения существующего пробела в данном вопросе. Научная новизна исследования состоит в том, что сатира и юмор в ней впервые рассматриваются в разных формах малой прозы – в основном в рассказе и новелле. Главный исследовательский акцент ориентирован на творчество авторов, стоявших у истоков становления жанра (Хаути Дударов, Ахмедхан Налоев) или внесших значительный вклад в его развитие (Ахмед Апажев). В работе использован метод художественного анализа. Результаты исследования могут быть полезны исследователям литературы, преподавателям средних и высших учебных заведений, они могут послужить подспорьем при составлении и преподавании спецкурсов по национальной литературе.

Ключевые слова: кабардинская литература, сатира, юмор, жанр, проза, рассказ, новелла, миниатюра.

TO THE QUESTION OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE GENRE OF SATIRE AND HUMOR IN THE KABARDIN LITERATURE

Khavzhokova Lyudmila Borisovna, orcid.org/0000-0001-9931-7726, Candidate of Philology, Head of the Department of Kabardino-Circassian Literature, Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (Nalchik, Russia), lyudmila-havzhokova.86@mail.ru

The article is devoted to the study of the formation and development of the genre of satire and humor in Kabardian literature. Despite the fact that this problem has received a multidimensional coverage in national literary criticism, we are making an attempt to fill the existing gap in this issue. The scientific novelty of the research lies in the fact that satire and humor in it are for the first time considered in different forms of small prose – mainly in the story and the novella. The main research emphasis is focused on the creativity of authors who stood at the origins of the genre (Khauti Dudarov, Akhmedkhan Naloev) or made a significant contribution to its development (Akhmed Apazhev). The work uses the method of artistic analysis. The results of the research can be useful to researchers of literature, teachers of secondary and higher educational institutions, they can help in the preparation and teaching of special courses on national literature.

Keywords: Kabardian literature, satire, humor, genre, prose, story, short story, miniature.

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-2-49-99-107

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа. Журнал не публикует рекламные материалы.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на размещение статьи в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Все материалы, поступившие для публикации, проходят обязательное рецензирование.

Члены редакционного совета и/или приглашенные эксперты осуществляют внутреннее рецензирование и определяют соответствие статьи концепции журнала; оценивают качество представленных материалов: оценивают полноту и глубину раскрытия темы, достоверность фактологической информации, допустимость научных положений и выводов, корректность формулировок, определяют тип публикации (статья, краткое сообщение, рецензия, сообщение о научном мероприятии, материалы к словарю и пр.), определяют степень новизны исследования и научную ценность публикации, оценивают композиционную завершенность текста, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала; дают рекомендации разной степени обязательности, в том числе замечания, касающиеся формулировок; принимают рекомендации о возможности допустить статью к публикации, о том, в каком номере журнала будет опубликована статья.

Рецензирование проводится конфиденциально. Имена рецензентов не сообщаются авторам. В случае, если статья требует доработки, автору рецензируемой статьи предоставляется возможность ознакомиться с той частью рецензии, которая содержит замечания, вопросы, рекомендации, необходимые к исполнению. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста. Статьи не публикуются в авторской редакции.

Редакционная коллегия / главный редактор может отказать в публикации статьи, если она будет оценена как не соответствующая требованиям журнала и/или оформленная с нарушением этических стандартов. Рукописи после рецензирования не возвращаются. Редакция вправе не вступать в переписку с авторами относительно причин (оснований) отказа в публикации статьи.

Сформированный номер утверждается к выпуску главным редактором журнала.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами;
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу – шрифт полужирный, размер 14 пт;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт, размещение по центру;
- сведения об авторе(ах) располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине по образцу:

Кузьминов Иван Иванович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), kuzminov@mail.ru

- аннотация статьи на русском языке (не менее 150 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- ключевые слова (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см;
- основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;
- источники и литература;
- данные о статье на английском языке (шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, междустрочный интервал – 1):
 - заглавие статьи прописными (заглавными) буквами;
 - сведения об авторе;
 - abstract (резюме) (не менее 150 слов);
 - key words (5–7 слов).

2. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

2.1. Основной текст

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заклучение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корrekтнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли она современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

2.2. Ссылки и список литературы

Ссылки на источники и литературу в тексте статьи приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора или начало заглавия работы, год публикации работы и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Караулов 2000: 141] или [Бархударов 1975: 31–33].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Анфимов 1950: 73–75; Кантария 1968: 83, 87]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Пейсонель 1789; Пейсонель 1974].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы [Бондарко А.В. 1990; Бондарко Л.В. 1977].

При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя буквы *a*, *b*, *v* к году издания [Иванов 2010a], [Иванов 2010b].

При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Влахов, Флорин 2006: 40]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» – в случае русскоязычного источника [Антонов и др. 1999], «et al.» – в случае с источником на английском языке [Kuipers et al. 1961].

Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Лики войны ... 1996: 45], [Методика расчета ... 2007: 17]. Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБККЕА [АБККЕА 1974: 200].

Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15]; [АИГИКБНЦРАН. П. 1. П. 1].

При ссылке на словарь указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [ТСРЯ, т. 1: 81] или [РКЧС: 15].

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

Источники и литература приводятся списком после основного текста с заголовком по центру. Список источников и литературы указывается строго в алфавитном порядке, набирается с абзачным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка.

Пример оформления списка литературы

Источники и литература

1. *АИГИКБНЦРАН* – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра.

2. *АП* – Адыгэ псалъалъэ. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

3. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

4. *Къыцокъуэ А. Хъуэпсэгъуэ нур.* Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман). Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.

5. *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: Учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (Дата обращения: 25.08.2015).

6. *Карданов Б.М.* Русско-кабардино-черкесский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1955. 1055 с.

7. *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

8. *Малкондугев Х.Х.* Этнонимы, топонимы и антропонимы в карачаево-балкарском эпосе «Нарты» и древних памятниках как исторический источник // *Известия СОИГСИ*. 2018. № 28 (67). С. 146–154.

9. *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // *Медиаскоп*. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (Дата обращения: 12.12.2015).

10. *Павшук А.В.* Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте (на материале романа Асорина «Воля»): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007. 198 с.

11. *РГАДА* – Российский государственный архив древних актов.

12. *Тимижев Х.Т.* О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // *Кавказология*. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

13. *ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.

14. *Bassnett S.* Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

Усл. печ. л.
9,7

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 278

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*